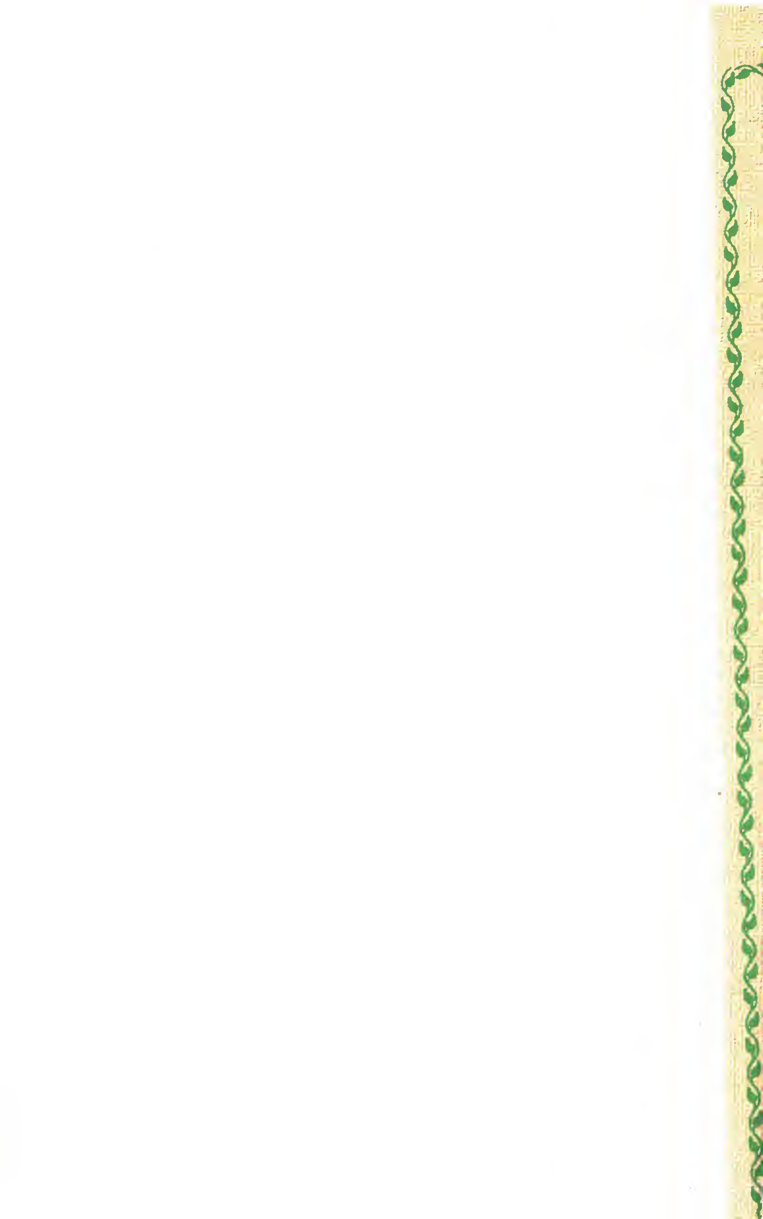
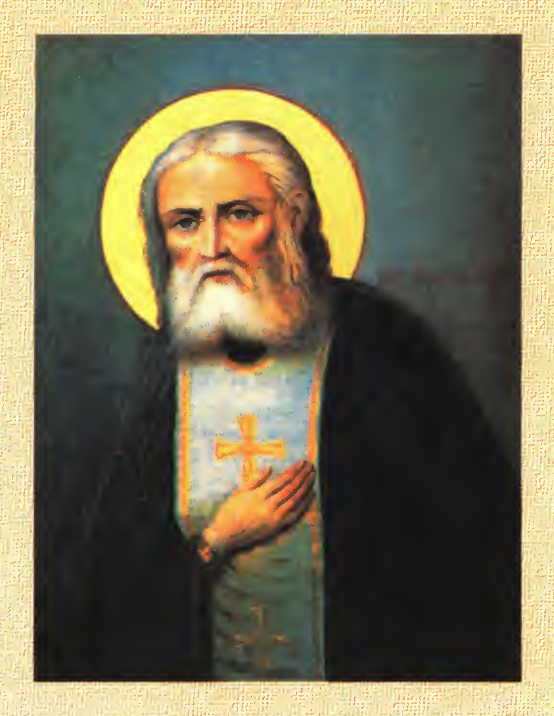

Библиотека издательства «Новое»
Великие Святые России
ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ
САРОВСКИЙ









Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил еси, блаженне, и Тому Единому работати пламенне вожделев, непрестанною молитвою и трудом в пустыни подвизался еси, умиленным же сердцем любовь Христову стяжав, избранник возлюблен Божия Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче наш.





БИБЛИОТЕКА ИЗДАТЕЛЬСТВА «КОВЧЕГ»

Преподобный СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

в воспоминаниях современников



Сретенский монастырь
«Новая книга»
«Ковчег»
Москва

**По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II**

Великие Святые России

Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. М.: Сретенский монастырь, «Новая книга», «Ковчег». 1998. 416 с.

ISBN 5-7850-0068-7



СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы современников об отце Серафиме, собранные иеромонахом Иосифом

Молитвы преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу



О жизни и духовных наставлениях преподобного Серафима Саровского

Преподобный Серафим родился 19 июля 1754 года в Курске. Отец Прохора (так звали преподобного в миру) Исидор был купцом, брал подряды на строительство зданий, а в конце жизни начал постройку собора в Курске, но скончался до завершения работ. Младший сын Прохор остался на попечении матери, воспитавшей в сыне глубокую веру.

После смерти мужа Агафия Мошнина, продолжавшая постройку собора, взяла однажды туда с собой Прохора, который, оступившись, упал с колокольни вниз. Господь сохранил жизнь будущего светильника Церкви: испуган-

ная мать, спустившись вниз, нашла сына невредимым.

Юный Прохор, обладая прекрасной памятью, вскоре выучился грамоте. Он с детства любил посещать церковные службы и читать своим сверстникам Священное Писание и Жития святых, но больше всего любил молиться или читать Святое Евангелие в уединении.

Как-то Прохор тяжело заболел. Во сне мальчик увидел Божию Матерь, обещавшую посетить и исцелить его. Вскоре через двор усадьбы Мошниных прошел крестный ход с иконой Знамения Пресвятой Богородицы; мать вынесла Прохора на руках, и он приложился к святой иконе, после чего стал быстро поправляться.

Еще в юности у Прохора созрело решение всецело посвятить жизнь Богу и уйти в монастырь. Благочестивая мать не препятствовала этому и благословила его на иноческий путь распятием, которое преподобный всю жизнь носил на груди. Прохор с паломниками

отправился пешком из Курска в Киев на поклонение Печерским угодникам.

Схимонах старец Досифей, которого посетил Прохор, благословил его идти в Саровскую пустынь и спасаться там. Вернувшись ненадолго в родительский дом, Прохор навсегда простился с матерью и родными.

20 ноября 1778 года он пришел в Саров, где настоятелем тогда был мудрый старец, отец Пахомий. Он ласково принял юношу и назначил ему в духовники старца Иосифа. Под его руководством Прохор проходил многие послушания в монастыре: был келейником старца, трудился в хлебне, просфорне и столярне, нес обязанности пономаря и все исполнял с ревностью и усердием, служа как бы Самому Господу. Постоянной работой он ограждал себя от скуки — этого, как позже он говорил, «опаснейшего искушения для новоначальных иноков, которое врачуется молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением

Слова Божия и терпением, потому что рождается оно от малодушия, беспечности и празднословия».

Уже в эти годы Прохор, по примеру других монахов, удалявшихся в лес для молитвы, испросил благословение старца в свободное время тоже уходить в лес, где в полном одиночестве творил Иисусову молитву. Через два года послушник Прохор заболел водянкой, тело его распухло, он испытывал тяжкие страдания. Наставник, отец Иосиф, и другие старцы, любившие Прохора, ухаживали за ним. Болезнь длилась около трех лет, и ни разу никто не услышал от него слова ропота. Старцы, опасаясь за жизнь больного, хотели вызвать к нему врача, однако Прохор просил этого не делать, сказав отцу Пахомию: «Я предал себя, отче святый, Истинному Врачу душ и телес — Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери...», и желал, чтобы его причастили Святых Тайн. Тогда же Прохору было видение: в несказанном

свете явилась Матерь Божия в сопровождении святых апостолов Петра и Иоанна Богослова. Указав рукой на больного, Пресвятая Дева сказала Иоанну: «Сей — от рода нашего». Затем она коснулась жезлом бока больного, и тотчас жидкость, наполнявшая тело, стала вытекать через образовавшееся отверстие, и он быстро поправился.

Вскоре на месте явления Божией Матери была построена больничная церковь, один из приделов которой был освящен во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких. Престол для придела преподобный Серафим соорудил своими руками из кипарисового дерева и всегда приобщался Святых Тайн в этой церкви.

Пробыв восемь лет послушником в Саровской обители, Прохор принял иноческий постриг с именем Серафим, столь хорошо выражавшим его пламенную любовь ко Господу и стремление ревностно Ему служить.

Через год Серафим был посвящен

в сан иеродиакона. Горя духом, он ежедневно служил в храме, непрестанно совершая молитвы и после службы. Господь сподобил преподобного благодатных видений во время церковных служб: неоднократно он видел святых Ангелов, сослужащих братии.

Особенного благодатного видения преподобный сподобился во время Божественной литургии в Великий Четверг, которую совершали настоятель отец Пахомий и старец Иосиф.

Когда после тропарей преподобный произнес «Господи, спаси благочестивыя» и, стоя в царских вратах, навел орарь на молящихся с возгласом «и во веки веков», внезапно его осенил светлый луч. Подняв глаза, преподобный Серафим увидел Господа Иисуса Христа, идущего по воздуху от западных дверей храма, в окружении Небесных Бесплотных Сил. Дойдя до амвона, Господь благословил всех молящихся и вступил в местный образ справа от царских врат. Преподобный Серафим,

в духовном восторге взирая на дивное явление, не мог ни слова проговорить, ни сойти с места. Его увели под руки в алтарь, где он простоял еще три часа, меняясь в лице от озарившей его великой благодати. После видения преподобный усилил подвиги: днем он трудился в обители, а ночи проводил в молитве в лесной пустынной кельи.

В 1793 году, в возрасте 39 лет, преподобный Серафим был рукоположен в сан иеромонаха и продолжал служение в храме. После смерти настоятеля, отца Пахомия, преподобный Серафим, имея его предсмертное благословение на новый подвиг — пустынножительство, взял также благословение у нового настоятеля — отца Исаии — и ушел в пустынную келью в нескольких километрах от монастыря, в глухом лесу. Здесь стал он предаваться уединенным молитвам, приходя в обитель лишь в субботу, перед всенощной и, возвращаясь к себе в келью после литургии, за которой причащался Святых Тайн.

Преподобный проводил жизнь в суровых подвигах. Свое келейное молитвенное правило он совершал по уставу древних пустынных обителей; со Святым Евангелием никогда не расставался, прочитывая в течение недели весь Новый Завет, читал также святоотеческие и Богослужебные книги.

Преподобный выучил наизусть много церковных песнопений и воспевал их в часы работы в лесу.

Около кельи он развел огород и устроил пчельник. Сам себе добывая пропитание, преподобный держал очень строгий пост, ел один раз в сутки, а в среду и пятницу совершенно воздерживался от пищи. В первую неделю Святой Четыредесятницы он не принимал пищи до субботы, когда причащался Святых Тайн.

Святой старец в уединении настолько иногда погружался во внутреннюю сердечную молитву, что подолгу оставался неподвижным, ничего не слыша и не видя вокруг. Навещавшие его из-

редка пустынники — схимонах Марк Молчальник и иеродиакон Александр, застав святого в такой молитве, с благоговением тихо удалялись, чтобы не нарушать его созерцания.

В летнюю жару преподобный собирал на болоте мох для удобрения огорода; комары нещадно жалили его, но он благодушно терпел это страдание, говоря: «Страсти истребляются страданием и скорбью, или произвольными, или посылаемыми Промыслом». Около трех лет преподобный питался только одной травой снитью, которая росла вокруг его кельи.

К нему все чаще стали приходить, кроме братии, миряне — за советом и благословением. Это нарушало его уединение. Испросив благословение настоятеля, преподобный преградил к себе доступ женщинам, а затем и всем остальным, получив знамение, что Господь одобряет его мысль о полном безмолвии. По молитве преподобного, дорогу в его пустынную келью прегра-

дили огромные сучья вековых сосен. Теперь только птицы, слетавшиеся во множестве к преподобному, и дикие звери посещали его. Преподобный из рук кормил медведя хлебом, когда из монастыря приносили ему хлеб.

Видя подвиги преподобного Серафима, враг рода человеческого вооружился против него и, желая принудить святого оставить безмолвие, решил устрашать его, но преподобный ограждал себя молитвой и силой Животворящего Креста. Диавол навел на святого «мысленную брань» — упорное продолжительное искушение. Для отражения натиска врага преподобный Серафим усугубил труды, взяв на себя подвиг столпничества. Каждую ночь он поднимался на огромный камень в лесу и молился с воздетыми руками, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному». Днем же он молился в кельи, также на камне, который принес из леса, сходя с него только для краткого отдыха и подкрепления тела скудной пищей.

Так молился преподобный 1000 дней и ночей.

Диавол, посрамленный преподобным, задумал умертвить его и наслал грабителей. Подойдя к святому, работавшему на огороде, разбойники стали требовать от него деньги. У преподобного в это время был в руках топор, он был физически силен и мог бы обороняться, но не захотел этого делать, вспомнив слова Господа: «Взявшие меч мечом погибнут» (Мф. 26, 52). Святой, опустив топор на землю, сказал: «Делайте, что вам надобно». Разбойники стали бить преподобного, обухом проломили голову, сломали несколько ребер, потом, связав его, хотели бросить в реку, но сначала обыскали келью в поисках денег. Все сокрушив в кельи и ничего не найдя в ней, кроме иконы и нескольких картофелин, они устыдились своего злодеяния и ушли.

Преподобный, придя в сознание, дополз до кельи и, жестоко страдая, пролежал всю ночь. Наутро с великим

трудом он добрел до обители. Братия ужаснулись, увидев израненного подвижника.

Восемь суток пролежал преподобный, страдая от ран; к нему были, вызваны врачи, удивившиеся тому, что Серафим после таких побоев остался жив.

Но преподобный не от врачей получил исцеление: Царица Небесная явилась ему в тонком сне с апостолами Петром и Иоанном. Коснувшись головы преподобного, Пресвятая Дева даровала ему исцеление.

После этого случая преподобному Серафиму пришлось провести около пяти месяцев в обители, а затем он опять ушел в пустынную келью.

Оставшись навсегда согбенным, преподобный ходил, опираясь на посох или топорик, однако своих обидчиков простил и просил не наказывать.

После смерти настоятеля отца Исаии, бывшего с юности преподобного его другом, он взял на себя подвиг молчальничества, совершенно отрека-

ясь от всех житейских помыслов для чистейшего предстояния Богу в непрестанной молитве. Если святому в лесу встречался человек, он падал ниц и не вставал, пока прохожий не удалялся.

В таком безмолвии старец провел около трех лет, перестав даже посещать обитель в воскресные дни.

Плодом молчания явилось для преподобного Серафима стяжание мира души и радости о Святом Духе. Великий подвижник так впоследствии говорил одному из монахов монастыря: «...радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя».

Новый настоятель, отец Нифонт, и старшая братия обители предложили отцу Серафиму или по-прежнему приходить в монастырь по воскресеньям для участия в богослужении и причащения в обители Святых Тайн, или вернуться в обитель. Преподобный избрал последнее, так как ему стало трудно ходить из пустыни в монастырь.

Весной 1810 года он возвратился в обитель после 15 лет пребывания в пустыни. Не прерывая молчания, он к этому подвигу прибавил еще и затвор и, никуда не выходя и никого у себя не принимая, непрестанно находился в молитве и Богомыслии. В затворе преподобный Серафим приобрел высокую душевную чистоту и сподобился от Бога особых благодатных даров — прозорливости и чудотворения. Тогда Господь поставил Своего избранника на служение людям в самом высшем монашеском подвиге — старчестве.

25 ноября 1825 года Матерь Божия вместе с празднуемыми в этот день двумя святителями явилась в сонном видении старцу и повелела ему выйти из затвора и принимать у себя немощные души человеческие, требующие наставления, утешения, руководства и исцеления. Благословившись у настоятеля на изменение образа жизни, преподобный открыл двери своей кельи для всех.

Старец видел сердца людей, и он,

как духовный врач, исцелял душевные и телесные болезни молитвой к Богу и благодатным словом. Приходившие к преподобному Серафиму чувствовали его великую любовь и с умилением слушали ласковые слова, с которыми он обращался к людям: «Радость моя, сокровище мое».

Старец стал посещать свою пустынную келью и родник, называемый Богословским, около которого ему выстроили маленькую келейку.

Выходя из кельи, старец всегда нес за плечами котомку с камнями. На вопрос, зачем он это делает, святой смиренно отвечал: «Томлю томящего меня».

В последний период земной жизни преподобный Серафим особенно заботился о своем любимом детище — Дивеевской женской обители. Еще в сане иеродиакона он сопровождал покойного настоятеля отца Пахомия в Дивеевскую общину к настоятельнице монахине Александре, великой подвижнице,

и тогда отец Пахомий благословил преподобного всегда заботиться о «Дивеевских сиротах».

Он был подлинным отцом для сестер, обращавшихся к нему во всех своих духовных и житейских затруднениях. Ученики и духовные друзья помогали святому окормлять Дивеевскую общину — Михаил Васильевич Мантуров, исцеленный преподобным от тяжкой болезни и по совету старца принявший на себя подвиг добровольной нищеты; Елена Васильевна Мантурова, одна из сестер Дивеевских, добровольно согласившаяся умереть из послушания старцу за своего брата, который был еще нужен в этой жизни; Николай Александрович Мотовилов, также исцеленный преподобным.

В последние годы жизни преподобного Серафима один исцеленный им видел его стоявшим на воздухе во время молитвы. Святой строго запретил рассказывать об этом ранее его смерти.

За год и десять месяцев до своей

кончины, в праздник Благовещения, преподобный Серафим еще раз сподобился явления Царицы Небесной в сопровождении Крестителя Господня Иоанна, апостола Иоанна Богослова и двенадцати дев, святых мучениц и преподобных.

Пресвятая Дева долго беседовала с преподобным, поручая ему Дивеевских сестер. Закончив беседу, Она сказала ему: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами».

При этом явлении, при дивном посещении Богоматери, присутствовала одна Дивеевская старица, по молитве за нее преподобного.

В последний год жизни преподобный Серафим стал заметно слабеть и говорил многим о близкой кончине. В это время его часто видели у гроба, стоявшего в сенях его кельи и приготовленного им для себя.

Преподобный сам указал место, где следовало похоронить его,— близ алтаря Успенского собора.

1 января 1833 года преподобный Серафим в последний раз пришел в больничную Зосимо-Савватиевскую церковь к литургии и причастился Святых Тайн, после чего благословил братию и простился, сказав: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся».

Второго января келейник преподобного, отец Павел, в шестом часу утра вышел из своей кельи, направляясь в церковь, и почувствовал запах гари, исходивший из кельи преподобного; в кельи святого всегда горели свечи, и он говорил: «Пока я жив, пожара не будет, а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Когда двери открыли, оказалось, что книги и другие вещи тлели, а сам преподобный стоял на коленях перед иконой Божией Матери в молитвенном положении, но уже бездыханный. Его чистая душа во время молитвы была взята Ангелами и взлетела к Престолу Бога Вседержителя, верным рабом и служителем

Которого преподобный Серафим был всю жизнь.

Почитаемый очень широко еще при жизни, преподобный Серафим становится одним из самых любимых святых православного русского народа, так же как и Преподобный Сергий Радонежский. Духовный путь преподобного Серафима отмечен большой скромностью, присущей русским святым. С детства избранный Богом, саровский подвижник без колебаний и сомнений восходит от силы в силу в своем стремлении к духовному совершенству. Восемь лет послушнических трудов и восемь лет храмового служения в сане иеродиакона и иеромонаха, пустынножительство и столпничество, затвор и безмолвие сменяют друг друга и венчаются старчеством. Подвиги, далеко превосходящие естественные человеческие возможности (например, молитва на камне в течение тысячи дней и ночей), гармонично и просто входят в жизнь святого.

Тайна живого молитвенного общения определяет духовное наследие преподобного Серафима, но он оставил Церкви еще одно богатство — краткие, но прекрасные наставления, записанные отчасти им самим, а отчасти слышавшими их. Незадолго до прославления святого была найдена и в 1903 году напечатана «Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни», состоявшаяся в конце ноября 1831 года, за год с небольшим до его преставления. Беседа эта явилась самым драгоценным вкладом подвижника в сокровищницу русского святоотеческого учения. Кроме учения о сущности христианской жизни, в ней содержится новое изъяснение многих важнейших мест Священного Писания. «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, — учил преподобный, — сколько ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами

для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святаго Божия».

Однажды, находясь в Духе Божием, преподобный видел всю Русскую землю, и была она наполнена и как бы покрыта фимиамом молитв верующих, молящихся ко Господу.

В описаниях жизни и подвигов святого Серафима приводится много свидетельств благодатного дара прозрения, которым он пользовался для возбуждения в людях раскаяния во грехах и нравственного исправления.

«Господь открыл мне, — сказал он, — что будет время, когда архиереи Земли Русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей его чистоте, и за то гнев Божий поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не

помилует их, ибо будут учить учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня».

Являя благодатные дары и силу Божию людям, преподобный Серафим назидал приходивших к нему, как идти узким путем спасения. Он заповедал своим духовным детям послушание и сам до конца жизни был верен ему. Проведя всю жизнь в подвигах, непосильных для обычных людей, он советовал идти святоотеческим «царским (средним) путем» и не брать на себя чрезмерно трудных деяний: «выше меры подвигов принимать не должно; а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей».

Самым главным подвигом и средством к стяжанию Святого Духа преподобный считал молитву. «Всякая добродетель, Христа ради делаемая, дает блага Духа Святаго, но... молитва более всего приносит Духа Божия, и ее удобнее всего всякому исправлять». Препо-

добный Серафим советовал во время Богослужения стоять в храме то с закрытыми глазами, то обращать свой взор на образ или горящую свечу и, высказывая эту мысль, предлагал прекрасное сравнение жизни человеческой с восковой свечой.

Если святому старцу жаловались на невозможность исполнять молитвенное правило, то он советовал молиться постоянно: и во время труда, и шествуя куда-либо, и даже в постели. «А если кто располагает временем,— говорил преподобный,— пусть присоединяет и другие душеполезные молитвословия и чтения канонов, акафистов, псалмов, Евангелия и Апостола». Советовал святой изучать порядок Богослужения и держать его в памяти.

Преподобный Серафим считал необязательным длинные молитвенные правила и своей Дивеевской общине дал правило легкое. Божия Матерь запретила отцу Серафиму обязывать послушниц чтению долгих акафистов, что-

бы этим не наложить лишней тяжести на немощных. Но при этом святой строго напоминал, что молитва не должна быть формальной: «Те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутренней, не монахи, а черные головешки!»

Знаменитым стало Серафимово правило для тех мирян, которые в силу жизненных обстоятельств не могут читать обычные утренние и вечерние молитвы: утром, перед обедом и вечером трижды читать «Отче наш», трижды — «Богородица Дево, радуйся», единожды «Верую»; занимаясь необходимыми делами, с утра до обеда творить молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного» или просто «Господи, помилуй», а от обеда до вечера — «Пресвятая Богородице, спаси мя грешного» или «Господи, Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного».

«В молитвах внимай себе, — советовал подвижник, — то есть ум собери

и соедини с душою. Сначала день, два и больше твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух: тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя...» Преподобный говорил, что, исполняя это правило со смирением, можно достигнуть христианского совершенства и в мирской жизни.

«Душу снабдевать надобно Словом Божиим. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири. От сего бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным», — наставлял святой подвижник Саровский, сам постоянно прочитывавший весь Новый Завет в течение недели.

Каждое воскресенье и каждый праздник неопустительно приобщаясь Святых Тайн, преподобный Серафим на

вопрос, как часто следует приступать к Причащению, ответил: «Чем чаще, тем лучше». Священнику Дивеевской общины Василию Садовскому он говорил: «Благодать, даруемая нам Приобщением, так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступал ко Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться благодатию Христовою, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется». «Верую, что по великой благости Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося...»

Святой, однако, не всем давал одинаковые наставления относительно частого причащения. Многим он советовал говеть во все четыре поста и во все двунадесятые праздники. Необходимо помнить его предупреждение о возможности приобщения в осуждение: «Бывает иногда так: здесь на земле и приоб-

щаются; а у Господа остаются неприобщенными!»

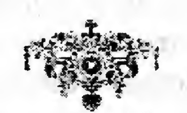
«Нет хуже греха и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния»,— говорил святой Серафим. Он сам светился радостию духовной, и этой тихой, мирной радостью он с избытком наполнял сердца окружавших, приветствуя их словами: «Радость моя! Христос воскресе!» Всякое жизненное бремя становилось легким вблизи подвижника, и множество скорбящих и ищущих Бога людей постоянно толпилось около его кельи и пустыньки, желая приобщиться благодати, изливающейся от угодника Божия. На глазах всех подтверждалась истина, высказанная самим святым в великом ангельском призыве: «Стяжи мир, и вокруг тебя спасутся тысячи». Эта заповедь о стяжании мира возводит к учению о стяжании Святого Духа, но и сама по себе является важнейшей ступенью на пути духовного возрастания. Преподобный Серафим, опытно прошедший всю древнюю православ-

ную науку аскетического подвига, провидел, каким будет духовное делание грядущих поколений, и учил искать мир душевный и никого не осуждать: «Кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары». «Для сохранения мира душевного... всячески должно избегать осуждения других... Чтобы избавиться от осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву».

Преподобный Серафим по праву может быть назван учеником Божией Матери. Пресвятая Богородица трижды исцеляла его от смертельных болезней, многократно являлась ему, наставляла и укрепляла его. Еще в начале своего пути он услышал, как Божия Матерь, указывая на него, лежавшего на одре болезни, сказала апостолу Иоанну Богослову: «Сей от рода нашего». По выходе из затвора преподобный много сил отдал устроению девичьей монашеской общины в Дивееве и сам гово-

рил, что ни одного указания не давал от себя, делал все по воле Царицы Небесной.

Преподобный Серафим стоит в начале поразительного взлета русской православной духовности. С великой силой звучит его напоминание: «Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему; вот престол, на котором Он любит восседать и являться в полноте Своей пренебесной Славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое,— говорит Он,— а все прочее Я Сам приложу тебе»,— ибо в сердце человеческом Царство Божие вмещаться может».





Детские воспоминания НАДЕЖДЫ АКСАКОВОЙ о преподобном Серафиме Саровском

Теперь, когда прошло семьдесят лет, я не могу вспомнить, почему мои отец и мать в 1831-м или в 1832 году вместе с громадной семьей — от старших подростков до младенца у груди матери, чуть ли не со всею дворней, одним словом, по тогдашнему выражению, с чадцами и домочадцами, — снялись с нашего родового гнезда в Нижнем Новгороде и отправились в Муромские леса, в Саровский монастырь.

Незадолго до нашего паломничества над страной пронеслась неведомая у нас раньше азиатская гостья — холера, но к тому времени, как мы выехали, карантинные заставы снялись, дороги ос-

вободились и снова заполнились богомольцами и странниками.

Ехали мы на долгих (так тогда назывались поездки на своих лошадях с остановками в пути для ночевки и кормления лошадей).

Хорошо помню привалы на лесной опушке у ручья, с кострами, с самоварами, со всем раздольем полуцыганского кочевья...

Помню ночевки в громадных селах богатого, зажиточного края: в просторной, недавно срубленной избе сладко засыпалось под жужжанье бабьих веретен... Смотришь спросонья — а бабы все прядут, молча прядут далеко за полночь. Седая старуха то присаживается, то снова встает, мерными, как маятник, движениями вставляя лучину за лучиной в высокий светец... А с высоты светца сыплются искры брызгами, огненным дождем придавая молчаливому труду крестьянок в ночной тиши что-то фантастическое, сказочное...

После каждого ночлега, после каждого привала к нам присоединялось все больше и больше саровских богомольцев. Люди любили в те времена держаться вместе, подъезжая к небезопасному тогда Муромскому бору.

Помню, как по сыпучим пескам большой дороги медленно и грузно тянулась вереница наших экипажей, огибая опушку грозного хвойного леса. К последнему нашему экипажу одна за другой примыкали крестьянские телеги; пешие богомольцы усердно месили ногами сыпучий песок, только бы не отстать и не лишиться охраны. Изредка раздавался ружейный выстрел: это тешился старый, пленный турок, когда-то вывезенный дедом. Теперь он в качестве не то буфетчика, не то домоправителя важно восседал на широких козлах бабушкиной дорожной кареты дормеза, приговаривая после каждого выстрела: «А пущай их пужаются там в лесу».

Общего вида Саровской обители при въезде что-то не могу припомнить. Де-

ло было, вероятно, к вечеру, и мы, дети, вздремнули, прикорнув на коленях старших.

При входе в длинную, низкую со сводами монастырскую трапезу нас, детей, охватила легкая дрожь, не то от сырости каменного здания, не то просто от страха.

В самой середине трапезы монах, стоя за аналоем, читал Жития святых. Почетные гости сидели справа в глубоком молчании за длинным столом, брезгливо черпая деревянными ложками из непривычной для них общей чаши.

Крестьяне за другим столом налево усердно хлебали вкусную монастырскую пищу. Все молчали. Под тускло освещенными сводами раздавался только монотонный голос чтеца да сдержанное шарканье по каменному полу туфель служек, разносивших кушанье в деревянных чашках и на деревянных лотках.

В эту ночь нас, детей, не будили к заутрени и попали мы лишь к обедне.

Отца Серафима у службы не было, и народ прямо из церкви повалил к тому корпусу, в котором находился монастырский приют знаменитого отшельника. К богомольцам примкнула и наша семья. Долго шли мы под сводами нескончаемых, как мне тогда казалось, темных переходов. Монах со свечой шел впереди.

— Здесь,— сказал он и, отвязав ключ от пояса, отпер им замок, висевший у низенькой, узкой двери, вделанной в глубь толстой каменной стены.

Нагнувшись к двери, старик проговорил обычное в монастырях приветствие: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас».

Но ответного «Аминь», как приглашения войти, не последовало.

— Попробуйте сами, не откликнется ли кому из вас,— сказал старик вожатый. Возглас повторили сперва отец, мать, а затем и все мы. Но за дверью молчали.

— Может, вы, Алексей Нефедович? — спросил монах у соседа моего, дяди по имению, человека святой жизни, благотворительность которого простиралась до того, что он раздал бедным чуть ли не все свое имущество.

Отец Серафим очень любил Алексея Нефедовича. Прокудин быстро прошел к двери, нагнулся к ней и с уверенностью друга дома, с улыбкой уже готового привета на лице, мягко проговорил знакомым нам грудным тенором: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас».

Но и на его голос не послышалось ответа.

— Коли вам, Алексей Нефедович, не ответил, стало быть, старца и в кельи нет, — сказал монах. — Идти разве, понаведаться под окном, не выскочил ли он, как послышался грохот вашего поезда на дворе.

Мы вышли за седеньким вожатым из коридора другим, уже более коротким путем.

Обогнув угол корпуса, мы очутились на небольшой площадке, под самым окном отца Серафима. На площадке между двумя старыми могилами действительно оказались следы двух, обутых в рабочие лапти, ног.

— Убег, — озабоченно проговорил седенький монашек, смущенно поворачивая в руках ненужный теперь ключ от опустевшей кельи.

— Эх-ма, — глубоко вздохнул он, смиренно возвращаясь к своему послушанию провожатого богомольцев по монастырской святыне.

Толпа их между тем уже теснилась около стоявшей поодаль старой могилы с чугунным гробиком вместо памятника. Кто, крестясь, прикладывался к холодному чугуну, кто сгребал из-под гробницы сыпучий песок, заворачивая его в платок...

Три раза перекрестившись, монах поклонился перед могилой до самой земли. За ним поклонился и весь народ.

— Отец наш Марк, — начал расска-

зывать инок,— спасался в этих лесах, когда еще только обстраивалась наша обитель. Супостаты лесные грабители не раз калечили его в бору, выпытывая место, где зарыты будто бы монастырские сокровища, и, наконец, вырвали у него язык. Десятки лет жил мученик в нашем бору уже невольным молчальником. И вот за все терпение его при жизни дает теперь Господь его гробнице чудодейственную силу. Много уже чудес творилось над этой могилой, а мы, недостойные его братья, поем здесь панихиды, выжидая, когда Богу угодно будет явить из-под спуда его святые мощи.

Толпа богомольцев почтительно расступилась, прервав речь монаха: шел сам игумен с певчими служить воскресную панихиду над могилой усопшего брата.

После панихиды отец игумен благословил нас, богомольцев, отыскивать отца Серафима в бору:

— Далеко ему не уйти,— утешил

нас игумен, — ведь он, как и отец наш, Марк, сильно калечен на своем веку. Сами увидите: где рука, где нога, а на плечике горб. Медведь ли его ломал... люди ли били... ведь он, что младенец, не скажет. А все вряд ли вам отыскать его в бору. В кусты спрячется, в траву заляжет. Разве сам откликнется на детские голоса. Берите детей побольше, да чтобы впереди вас шли.

— Непременно бы впереди бегли, — кричал игумен вслед уже двинувшейся к лесу толпе.

Весело было сначала нам одним, совсем одним, без присмотра и без надзора бежать по мягкому, бархатному слою сыпучего песка.

Нам, городским детям, то и дело приходилось останавливаться, чтобы вытрясти мелкий белый песок из той или другой прорезной (модной в то время) туфельки. Деревенские же босоножки, подсмеиваясь, кричали нам на ходу: «Чего не разуетесь... легче будет».

Лес становился гуще и выше. Все более и более ощущалась лесная сырость, затишье, сильно и терпко, непривычно запахло смолой. Под высокими сводами громадных елей стало совсем темно...

По счастью, где-то вдалеке блеснул, засветился солнечный луч между иглистыми ветвями... Мы ободрились, побежали на мелькнувший вдалеке просвет, и скоро все врассыпную выбежали на зеленую, облитую солнцем поляну.

Смотрим: около отдельно стоящей на полянке ели работает, пригнувшись чуть ли не к самой земле, низенький, худенький старичок, проворно подрезая серпом высокую лесную траву. Серп так и сверкает на солнечном припеке.

Заслышав шорох в лесу, старичок быстро поднялся, насторожившись, посмотрел в нашу сторону и затем, точно спугнутый заяц, проворно побежал к чаще леса. Но, не успев добежать, запыхался, робко оглянувшись, юркнул

в густую траву недорезанной им куртины и скрылся из вида.

Тут только вспомнился нам родительский наказ при входе в бор, и мы чуть ли не в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим! Отец Серафим!»

Случилось то, на что надеялись монастырские богомольцы: заслышав детей, отец Серафим не выдержал, и голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы.

Приложив палец к губам, он, улыбаясь поглядывал на нас, как бы упрашивая не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

В первую минуту он нам не понравился: влажные от пота желтоватые волосы, искусанное мошками морщинистое лицо, все в запекшихся каплях крови.

Но когда, протоптав дорожку через траву, он, опустившись на траву, поманил нас к себе, на нас вдруг дохнуло что-то такое, что крошка наша Лиза

первая бросилась старичку на шею, прильнув лицом к его плечу, покрытому рубищем.

— Сокровища, сокровища, — приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из нас к своей худенькой груди.

Мы обнимали старца, а между тем замешавшийся в толпу детей пастушок Сема побежал со всех ног обратно к стороне монастыря, зычно выкрикивая:

— Здесь, сюда. Вот он... Вот отец Серафим. Сю-ю-да-а.

Нам стало стыдно. Чем-то вроде предательства показались нам и выкрикивания наши, и наши объятия. Еще стыднее стало нам, когда две мощные запыхавшиеся фигуры, не помню, мужчин или женщин, подхватили старца под локотки и повели к высыпавшей уже из леса куче народа. Опомнившись, мы бросились вдогонку за отцом Серафимом...

Опередив своих непрошеных вожа-

тых, он шел теперь один, слегка прихрамывая, к своей хибарке над ручьем.

Подойдя к ней, он оборотился лицом к поджидавшим его богомольцам. Их было очень много.

— Нечем мне угостить вас здесь, милые, — проговорил он мягким, сконфуженным тоном домохозяина, застигнутого врасплох среди разгара рабочего дня. — А вот деток, пожалуй, полакомить можно.

И затем обратившись к нашему брату, сказал:

— Вот у меня там грядки с луком. Видишь. Собери всех деток, нарежь им лучку, накорми их лучком и напои хорошенько водой из ручья.

Мы побежали вприпрыжку исполнять приказание отца Серафима и присели между грядками на корточках. Лука, разумеется, никто не тронул. Все мы, залегши в траве, смотрели из-за нее на старичка, так крепко прижавшего нас к своей груди.

Получив благословение, все бого-

мольцы стали вокруг старца почтительным полукругом.

Большинство крестьянок было повязано в знак траура белыми платками. Дочь старой нашей няни, недавно умершей от холеры, тихо плакала, закрыв лицо передником.

— Чума тогда, теперь холера,— медленно проговорил пустынник, будто припоминая про себя что-то давно-давно минувшее.

— Смотрите,— громко сказал он: — вот там ребятишки срежут лук, не останется от него поверх земли ничего... Но он поднимется, вырастет сильнее и крепче прежнего... Так и наши покойнички — и чумные, и холерные... и все восстанут лучше, краше прежнего. Они воскреснут. Воскреснут. Воскреснут, все до единого...

Не к язычникам обращался пустынник с вестью о воскресении. Все тут стоявшие знали смолоду «о жизни будущего века». Все обменивались радостной вестью о Воскресении в «Свет-

лый день». А между тем это громкое «воскреснут, воскреснут», провозглашенное в глухом бору устами, так мало говорившими, в течение жизни, пронеслось над поляной как заверение в чем-то несомненном, близком.

Стоя перед дверью лесной своей хижинки, в которой нельзя было ни встать ни лечь, старик тихо крестился, продолжая свою молитву, свое немолчное молитвословие... Люди не мешали ему, как не мешали непрестанной его беседе с Богом, ни работа топором, ни сенокос, ни жар, ни холод, ни ночь, ни день.

Молился и народ.

Впереди всех стояла хорошо нам знакомая, грозная госпожа Зорина, далекая родственница моего отца. За ней толпился целый штат женской прислуги, одетой, так же как и она сама, в черное с белыми платками на голове.

Старуху поддерживали под локотки две белицы в бархатных остроконечных шапочках. В торжественной тишине лесной поляны с тихо молящимся на-

родом мы хорошо слышали ворчливый шепот Зориной: «Молиться можно и дома. Приехала высказаться и выскажусь».

И, подтолкнув в обе стороны своих приближенных, она выплыла с ними обеими на самую середину полукруга.

— Отец Серафим, отец Серафим, — громко позвала она отшельника: — Вот я, генеральша Зорина, вдовею тридцатый год. Пятнадцать лет проживаю, может, слыхали, при монастыре со всеми этими своими. За все это время соблюдаю середы и пятницы; теперь задумала понедельничать, так что вы на это скажете? Как посоветуете, отец Серафим?

Появись над поляной низко летящая стая грачей, их карканье помешало бы меньше, чем голос Зориной, прервавший молитвенную тишину.

И отец Серафим, как бы озадаченный, заморгал на нее своими добренькими глазками:

— Я что-то не совсем понял тебя, — проговорил он и затем, подумав

немного, прибавил: — ежели ты это насчет еды, то вот что я тебе скажу: как случится замолишься, забудешь об еде, ну и не ешь, не ешь день, не ешь два, а там, как проголодаешься, ослабеешь, так возьми, да и поешь немного.

Все заулыбались. Ревнительница поста как-то неловко попятилась вместе со своими придворными, быстро укрывшись с ними в толпе своих.

Отец Серафим поманил к себе Прокудина рукой:

— Скажи им, — сказал он, — сделай милость, скажи всем, чтобы напились из этого родника. В нем вода хорошая. А завтра я буду в монастыре. Непременно буду.

Когда все, утолив жажду, вернулись на поляну, Серафима уже не было на пригорке перед его хибаркой.

Только вдали за кустами шуршал серп, срезая сухую лесную траву.

На обратном пути мы шли уже одни,

своей семьей, считаясь с усталой поход-кой бабушки, матери моего отца.

С нами был только Алексей Нефедович да длинный ряд домочадцев тянулся на некотором расстоянии позади.

Толпы богомольцев уже вступали в монастырские ворота, а мы все еще не выходили из широкого прохладного просека, в конце которого виднелись вдалеке главы монастырского собора.

Отец тихо запел, что он всегда делал, когда был между своими, и ему было хорошо на душе, запели, как всегда, и обе старшие сестры и брат своим ангельским, еще полудетским голосом; подтягивал им глубокий тенор Прокудина.

Отделившись от прочей прислуги, двинулись стороной Семен и Василий, басы наших семейных песен, и скромный, но стройный хор огласил высокие своды просека: «Тебе поем. Тебя благословим, Тебя благодарим и молимся. Боже наш. Боже наш. Боже наш...»

Звуки последнего «Боже наш» еще

замирали в вышине, когда мы тихо выступали на монастырскую поляну.

Кроткий облик лесного старца словно стоял перед глазами поющих. Сестренка моя, Лиза та самая, которую обнимал отец Серафим, называя ее сокровищем, крепко держалась за меня обеими руками. При выходе из лесной темноты она сжала мою руку и, взглянув мне в лицо, сказала: «Ведь отец Серафим только кажется старичком, а на самом деле он такой же, как ты да я».

Много с тех пор в продолжении следующих семидесяти лет моей жизни видала я и умных, и добрых, и мудрых глаз, много видала и очей, полных горячей искренней привязанности, но никогда с тех пор не видала я таких по-детски ясных, старчески прекрасных глаз, как те, которые в это утро так умильно смотрели на нас из-за высоких стеблей лесной травы.

В них было откровение любви...

Улыбку же, покрывшую это мор-

щинистое изнуренное лицо, могу сравнить разве только с улыбкой спящего новорожденного, когда, по словам старых нянек, его утешают во сне недавние товарищи — ангелы.

На всю жизнь мне остались памятны саженки мелких дров вперемежку с копнами сена, виденные мной в раннем детстве на лесной прогалине, среди дремучего леса посреди гигантских сосен, как будто стороживших этот бедный, непосильный труд хилого телом, но сильного Божией помощью отшельника.

С раннего утра следующего дня отец Серафим, согласно своему обещанию, оказался уже в монастыре.

Нас, паломников, он встретил, как радушный домохозяин встречает приглашенных им гостей, в открытых дверях внутренней своей кельи.

Пребывания в пустыни не видно было на нем и следа: желтовато-седые волосы были гладко причесаны, в глу-

боких морщинах незаметно было крови от укусов лесных комаров; белоснежная полотняная рубаха заменяла заношенную сермягу; весь он был как бы выражением слов Спасителя: «Когда постишься, помажь главу твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не перед людьми, но перед Отцом твоим, Который втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Лицо отшельника было радостное, келья была заставлена мешками, набитыми сухарями из просфор. Свободным оставалось только место перед иконами для коленопреклонения и молитвы.

Рядом со старцем стоял такой же мешок с сухарями, но открытый. Отец Серафим раздавал из него по пригоршне каждому подходящему к нему паломнику, приговаривая: «Кушайте, кушайте, светики мои. Видите, какое у нас тут обилие».

Покончив с раздачей и благословив

последнего подходящего, старец отступил полшага назад и, поклонившись глубоко на обе стороны, промолвил:

— Простите мне, отцы и братья, в чем согрешил против вас словом, делом или мышлением. (Отец Серафим шел этим вечером на исповедь у общего для всех монастырских духовника.)

Затем он выпрямился и, осенив всех присутствующих широким иерейским крестом, прибавил торжественно:

— Господь да простит и помилует всех вас.

Так закончилось наше второе свидание с преподобным Старцем. Как мы провели остаток этого дня, не помню, но зато тем более ярко сохранился в моей памяти третий и последний день нашего пребывания в Саровской пустыни.

Исповедавшись, как я говорила, накануне, отец Серафим в этот день служил как иерей обедню в небольшой церкви. Только немногие из паломни-

ков могли присутствовать при богослужении в этом маленьком храме. Не попали на службу и мы.

Вспомнив о тех, кто не поместился в храме, преподобный выслал послушника сказать, что он выйдет к нам с крестом после богослужения.

Все мы, богатые и бедные, ожидали его, толпясь около церковной паперти.

Он показался в церковных дверях в полном монашеском облачении и в служебной епитрахили. Высокий лоб его и все черты его подвижного лица сияли радостью человека, достойно вкусившего Тела и Крови Христовых; в глазах его, больших и голубых, горел блеск ума и мысли. Он медленно сходил со ступеней паперти и, несмотря на прихрамывание и горб на плече, казался и был величаво прекрасен.

Впереди толпы оказался в это время знакомый немецкий студент, только что приехавший к нам из Дерпта.

Его рослая, красивая фигура и лю-

бопытство, с которым он смотрел на то, что ему казалось русской странностью, не могли не привлечь внимание отшельника, и он ему первому подал крест.

Молодой немец, не понимая, что от него требуется, схватился за крест рукой в черной перчатке.

— Перчатка, — укоризненно сказал старец.

Немец только окончательно сконфузился. Отец Серафим отступил тогда шага на два назад и заговорил:

— А знаете ли вы, что такое крест? Понимаете ли вы значение креста Господня?

Ежели бы и доставало у меня памяти, чтобы сохранить все эти годы слова отшельника, то и тогда не могла бы я занести эту импровизированную проповедь в свои воспоминания. Но в то время я не была в состоянии понять ее. В то время мне не могло быть более девяти лет.

Но мне никогда не забыть этого

ясного взора, не забыть внезапно преобразившегося лица дровосека Муромских лесов.

Живо помню звуки голоса, говорившего «как власть имеющий» малому стаду собравшихся в Сарове богомольцев. Помню сочувственный блеск в черных очах Прокудина, помню свою старую бабку, смиренно стоявшую перед отшельником, «аки губа напоемая». Помню юношеский восторг, разгоравшийся в глазах меньшего дяди. Его заметил проповедник и, слегка нагнувшись к дяде, сказал:

— Есть у тебя деньги?

Дядя бросился разыскивать в карманах бумажник, но отшельник остановил его тихим движением руки:

— Нет, не теперь,— сказал он.— Раздавай всегда, везде.

И с этими словами протянул к нему первому крест.

И покойный дядя мой не «отошел скорбяй», как это было с богатым юношей Писания...

Мы торопились выехать в обратный путь. Запоздали мы немного, и нам не пришлось выбраться засветло из окраины сыпучих песков, огибающих все еще страшный, по слухам, дремучий Саровский бор.

Пешие паломники, между которыми, как всегда, было много хилых, слабых от старости, много женщин и детей, уже ушли вперед.

На монастырском дворе то и дело слышался грохот отъезжавших экипажей более состоятельных богомольцев.

И наши лошади стояли уже у крыльца гостиницы. Наши сытые кони били о земь копытами, поторапливая своим нетерпением прислугу, разносившую по экипажам дорожную кладь.

К Алексею Нефедовичу, ехавшему верхом и заносившему уже ногу в стремя, подошел старый монастырский служка.

— Еще утресь,— сказал он,— отец Серафим, выходя из церкви, изволил шепнуть мне мимоходом свой наказ,

чтобы вы, Алексей Нефедович, не отъезжали вечером, не повидавшись с ним еще раз.

— Проститься хочет старый друг, отец мой духовный,— оборотившись к нам, промолвил Прокудин.— Пойдемте все со мной.

И вот вся наша семья с отставным гусаром во главе снова потянулась по длинным коридорам монастырского корпуса.

Дверь в прихожую отшельника была открыта настежь, как бы приглашая войти. Мы молча разместились вдоль стены длинной и узкой комнаты напротив дверей внутренней кельи.

Последний дрожавший луч заходившего солнца падал на выдолбленной из дубового кряжа гроб, стоявший в углу на двух поперечных скамьях. Прислоненная к стене, стояла наготове и гробовая крышка...

Дверь кельи беззвучно и медленно отворилась. Неслышными шагами подошел старец к гробу. Его бескровное

лицо было бледно, глаза смотрели куда-то вдаль, как будто сосредоточенно вглядываясь во что-то невидимое, занявшее всю душу. В руке его дрожало пламя пучка зажженных восковых свечей. Налепив четыре свечи на окраинах гроба, он поманил к себе Прокудина и затем пристально и грустно глянул ему в глаза. Перекрестив дубовый гроб широким пастырским крестом, он глухо, но торжественно проговорил:

— В Покров.

Слово Святого Старца было понято как самим Прокудиным, так и окружающими как предсказание его, Прокудина, кончины.

Под потрясающим впечатлением этого предсказания покинули мы Саровскую обитель.

Мне более не довелось видеть преподобного Серафима. Чуть ли не в следующем (1833) году иноки нашли его

в своей келье усопшим на коленях во время молитвы.

Но, конечно, в нашей семье долго еще вспоминали о великом старце и об этом паломничестве.

Мне остается рассказать, как сбылось предсказание отца Серафима.

В день Покрова Богородицы нашу улицу, всегда тихую, трудно было узнать. То и дело мимо нашего дома проносились четвертня за четвертней. Кажется, что каждый, кто имел экипаж, в этот день отправился проехаться по нашей улице и остановиться перед большим белым домом баронессы Моренгейм, где в эту осень проживал А. Н. Прокудин. Все знали, что он в этот праздник приобщался Святых Тайн, и теперь весь город устремился его поздравить.

Все наши старшие тоже пошли к Прокудину. Лошадей, разумеется, не запрягали — из окна нашей гостиной были видны окна дома Моренгейм.

Я и сестренка остались под присмотром мадам Оливейра — эту старушку-испанку Прокудин отыскал где-то в московских трущобах, буквально умирающую от нищеты и голода, и привез к нам, чтобы моя мать выходила старушку, пока та под руководством нашего священника, отца Николая, не приобщится к православной вере. Заветным желанием мадам Оливейра было уже сейчас постричься в монахини в соседний с нашим домом Девичий монастырь.

Мы с сестрой сидели возле мадам Оливейра и наблюдали, как она, постоянно вздыхая, шьет свое нескончаемое лоскутное одеяло. Наконец, тщательно сложив работу, она сказала:

— Не пойти ли и нам прогуляться к дому Моренгейма? Может быть, мы сможем тоже поздравить господина Прокудина.

Мы, конечно, сразу же согласились.

Дойдя до дома баронессы Моренгейм, мы увидели, что возле него уже

гуляют другие дети, кто с нянькой, а кто с гувернанткой. Мы стали тоже медленно прохаживаться возле дома.

Когда на колокольне ближней церкви пробило два часа, стеклянная дверь низкого балкона дома зашевелилась, но из нее вышел не Алексей Нефедович, а наш домашний врач Линдегрин, специально приглашенный в этот день к Нефедову нашим отцом.

Подойдя к решетке, мадам Оливейра тихо спросила:

— Ну что?

Доктор, весело взглянув на старушку, только махнул рукой:

— Да он здоровее всех нас. Ждут смерти, а у него пульс ровнее и крепче всех присутствующих. Извольте после этого верить предсказаниям.

И добрый немец, повернувшись на одной ноге, почтительно поклонился мадам Оливейра, а каждой из нас послал по воздушному поцелую.

Через полчаса, когда мы хотели уже вернуться домой, дверь на крыльце

дома распахнулась и показался перепуганный, бледный лакей Алексея Нефедовича.

— За духовником! — успел он выкрикнуть, перепрыгивая через ступени крыльца...

Вместе с мадам Оливейра мы вбежали в дом. Алексей Нефедович сидел в кресле, прислонившись головой к высокой спинке. Его правильное, благородное лицо, которое я и сейчас хорошо помню, было совершенно спокойно. Казалось, это младенец, заснувший на коленях матери.

Может быть, в Нижнем Новгороде или в Сарове кто-нибудь еще помнит смерть Прокудина, этого необыкновенного человека, так любившего Бога и ближних. Тогда он, вероятно, подтвердит и дополнит мои записки.

Не знаю, помнят ли в Сарове пророчественное слово, сказанное великим старцем своему ученику и другу. Во всяком случае, оно сбылось.

1903 год



Из «Записок» Я. М. НЕВЕРОВА

Саровской пустыни я обязан моим религиозно-нравственным развитием. Первое проявление истинно-религиозного чувства оказалось у меня в Сарове,— и вот по какому случаю. В двадцатых годах девятнадцатого столетия — именно в эпоху моего детства и отрочества — еще жив был схимник Серафим.

Серафим не жил в самом монастыре, а в лесу,— и там не только я, но едва ли кто из посетителей Сарова мог его видеть, и хотя в монастыре у него была своя келья,— но он приходил в нее только раз в неделю для приобщения Святых Тайн. В церкви я его никогда не видел,— а приобщался он всегда

у себя в келье, после ранней обедни, обыкновенно совершавшейся в больничной церкви монастыря. По окончании литургии совершавший ее иеромонах торжественно, с чашей в руках, в сопровождении всего клира и всех молившихся в церкви, отправлялся в келью Серафима, который встречал святые Дары, стоя на коленях на пороге своей кельи, — и по приобщении и уходе иеромонаха со святыми Дарами раздавал благословения посетителям, из которых многие приносили ему в дар большие просфоры, церковное вино, свечи, масло и подобные предметы, что Серафим принимал с благодарностью, — и просфоры тут же крошил в огромную деревянную чашку и, полив принесенным ему посетителями красным вином, угощал сам публику, из коей многие принимали это угощение с благоговением, в том числе и мать моя.

Когда она познакомилась с новыми нашими соседями, Калмацкими, то,

конечно, предложила им в ближайшее воскресенье ехать вместе с нами в Саровскую пустынь, что и было охотно принято.

Приехав в субботу ко всенощной, мы узнали, что отец Серафим в монастыре и на другой день, по обыкновению, будет приобщаться после ранней обедни Святых Тайн. Мы отправились в церковь, а после обедни за процессией — к нему в келью, и когда он, приобщившись, начал предлагать публике свое обычное угощение — крошеными просфорами в чашке с вином, которую и подносил сам ко рту присутствовавших, черпая из нее деревянной ложкой, то новоприезжая молодая дама Засецкая была крайне удивлена этим оригинальным угощением, а когда Серафим подошел к ней и поднес к ее рту ложку с приготовленным им кушаньем, она никак не хотела его принять и отворачивалась от него. Добрый старец, вероятно, понял ее сопротивление так, что она затрудняется принять в рот весьма

почтенных размеров ложку, и пренаивно сказал ей: «А ты пальчиком-то, матушка, пальчиком!», то есть ложку приставь только ко рту, а содержавшееся в ней переложи в рот рукой, — но при этом совете молодая особа засмеялась, а вслед за ней начал и я громко хохотать, так что почтенный старец отошел от нее в недоумении, и она тотчас вышла из кельи; а так как мой хохот не унимался, несмотря на все старания матери прекратить его, то я выведен был ею также вон и получил сильный нагоняй за мое неприличное поведение: меня оставили без чая и без обеда, и матушка объявила мне, что она не простит меня до тех пор, пока я не получу прощения от отца Серафима, и меня послали к нему после обеда. Конечно, я отправился только по настоятельному требованию, а не по внутреннему призванию, — и под надзором матери, следившей за мной.

Подойдя к двери кельи, я нашел ее запертой изнутри и, по обыкновению,

громко произнес молитву: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» — что, как известно, на монастырском языке равносильно просьбе войти, — на что мне отвечали «аминь», то есть «войди», и отперли дверь.

До того времени я видел эту келью не иначе, как наполненной народом, теснившимся принять благословение от Серафима, а потому заметил только передний ее угол, уставленный образами с горевшими перед ними лампадами, под образами стол, на котором лежали свечи, а под столом просфоры, бутылки с церковным вином и деревянным маслом — и ничего более; да меня занимала, конечно, не келья и ее обстановка и даже не хозяин ее, а публика, теснившаяся около него, — но тут я был один перед старцем, и меня поразило странное зрелище: посередине кельи стоял гроб, и в гробу сидел почтенный старец Серафим, держа в руках книгу. Он чрезвычайно приветливо обратился ко мне со словами:

— Здравствуй, мой друг, здравствуй; что тебе надобно?

Я отвечал ему:

— Матушка прислала меня просить прощенья у вас в том, что я давеча смеялся над вами.

— Тебя матушка прислала, ну, благодари от меня твою матушку, мой друг, благодари ее от меня, что она вступилась за старика. Я буду молиться за нее, благодари ее!

Слова эти сказаны были самым добродушным тоном, но с некоторым особым ударением на фразу «тебя матушка прислала», — так что я, сознавая внутренне свою виновность перед старцем, слышал в них как бы укор, — а потому, желая во что бы ни стало получить прощение, позволил себе сказать:

— Нет, не матушка прислала, а я сам пришел.

— Ты сам пришел, мой друг — ну, благодарю тебя, благодарю! Да будет над тобой благословение Божие! — при

этом он позвал меня к себе и благословил, сказав:

— Раскаяние и грех снимает — ну, а тут не было греха, Христос с тобой, мой друг!

При этом он спросил меня, читаю ли я Евангелие? Я, конечно, отвечал — нет, потому что в то время кто же читал его из мирян: это дело дьякона. Старец пригласил меня взять единственную в келье скамейку и сесть возле него, а сам, раскрыв бывшую у него в руках книгу, которая оказалась Евангелием, начал читать седьмую главу от Матфея, стих: «не судите, да не судимы будете, юже меру мерите, возмерится и вам» — и читал далее всю главу. Он читал без всяких объяснений и даже не сделал ни малейшего намека на мой проступок, но, слушая его, я сам глубоко сознал мою виновность, и это чтение произвело на меня такое потрясающее впечатление, что слова евангельские врезались в мою память, и я, достав Евангелие, после несколько раз перечи-

тывал эту главу от Матфея и долго помнил почти наизусть ее всю. Окончив чтение, Серафим снова благословил меня и, отпуская, советовал мне почаще читать Евангелие, что я принял к сердцу и начал делать с того времени.

Замечательно, что ни у нас в доме, ни в Верякушах * не было Евангелия, и вообще в том кругу, среди коего я провел мое детство, почиталось если не грехом, то профанацией святыни читать дома Евангелие: для этого находили необходимым торжественную обстановку, так как и в церкви Евангелие читалось священником или дьяконом во время богослужения, а не причетниками, и потому полагали, что оно не могло быть читано в семье. Даже в училище ** законоучитель, занимавший нас иногда чтением житий святых, не только не объяснял, но и не читал нам Евангелия в классе, и только устав

* Деревня, где жил дедушка автора, отец его матери, и где он провел почти все свое детство.

** Автор начальное обучение получил в арзамасском уездном училище.

гимназий и училищ 1833 года вменил в обязанность законоучителям объяснять учащимся в воскресенье перед обедней Евангелие, но и это долгое время оставалось без исполнения, и этому распоряжению не сочувствовали не только законоучители, но и архиереи, так что я, будучи директором, должен был на себя принять эту обязанность.

Вследствие всего этого я не мог тотчас начать это душеполезное чтение, но, живо помня совет почтенного старца, воспользовался им после.

При описанной мной сцене в кельи Серафима мать моя не присутствовала: она только издали наблюдала, вошел ли я в келью, и поджидала моего выхода на монастырском дворе. Увидев меня чрезвычайно взволнованным, когда я подошел к ней, она не тотчас поверила моему рассказу и все приписывала мое волнение нагоняю, который я — как ей казалось — должен был получить от старца; но проявившееся с этой поры во мне глубокое к нему уважение

и стремление непременно быть у него всегда, когда мы приезжали в Саров, и его всегда необыкновенно ласковое со мной обхождение вполне ее успокоили впоследствии.

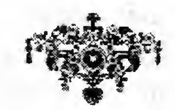
Действительно, в первый же раз, когда мы после описанной сцены отправились к нему вслед за священником с Дарами, я протеснился вперед к старцу, и меня занимала уже не толпа — как то было прежде — но именно сам Серафим и его причащение. По обыкновению, он стоял на коленях на пороге своей кельи, и сверх иеромонашеской мантии на нем была епитрахиль. Когда приблизился священник и передал ему чашу, он, благоговейно приняв ее в руки, начал громко читать причастную молитву: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, сын Бога живого, пришедший в мир грешный спасти, от них же первый есмь аз». При этом он преклонил голову до земли, держа чашу над головой. Затем, поднявшись, продолжал: «Еще верую,

что сие есть самое пречистое тело Твое», и т. д. и все это с таким убеждением и с таким восторженным умилением, что и я невольно преклонил колени, и каждое слово этой молитвы глубоко впечатлелось в душе моей.

Когда после приобщения в числе прочих подошел и я к его благословению, то он так приветливо обратился ко мне со своим обычным угощением — крошеных просфор в чашке с вином — погладил меня по голове и дал целую просфору, что обратило на меня внимание всей толпы, так как это была необыкновенная с его стороны благосклонность.

С тех пор я всякий раз, когда был в Сарове, старался как можно ближе становиться к Серафиму, чтобы не только слышать, как он произносит причастную молитву, но и любоваться его глубоко-вдохновенною наружностью и следить за каждым его движением, что все производило на меня потрясающее впечатление. Даже до сей

поры — подходя к причастию и повторяя за священником слова причастной молитвы, я мысленно вижу перед собой величественный облик Серафима с чашей в руках — и, будучи впоследствии директором гимназии, я обращал особое внимание на то, чтобы приступающие к приобщению ученики отчетливо знали и понимали эту молитву.





Из «Записок» генерала ОТРОЩЕНКО

Весной 1825 года бригаде моей с квартир в Тамбовской губернии назначен был поход в Москву. Я находился в таком состоянии, что без посторонней помощи не мог добраться до Москвы. Добрый адъютант мой Михаил Евграфович Протопопов продал пару своих лошадей и дал мне сто восемьдесят рублей в долг.

На пути к Москве находится известная Саровская богатая пустынь. Она имела прежде в своем владении сорок тысяч десятин земли с дремучими лесами, но помещики окружные отняли половинное количество.

В этой пустыни жил благочестивый муж в затворе, отец Серафим; о святой жизни его молва далеко уже разнеслась,

и многие уверяли, что он по благости Божией имеет уже пророческий дар. По благоговейному расположению моего духа, отчасти по любопытству, а более всего по настоятельной просьбе жены моей Натальи Михайловны я решился остановиться в гостинице пустыни на ночлег. Это было от большой дороги не более версты. Монастырь этот с юга, с запада и севера окружен большим лесом, а с восточной стороны протекают в долине две речки.

Я остановился в гостинице. Титул генерала породил мысль в игумене, что я богатый генерал и что принесу дар монастырю генеральский, по крайней мере немаловажный. Игумен сам явился ко мне с визитом и по том доставлен был кой-какой ужин, как видно по тому убеждению, что богомольцы любят поститься, приехав на поклонение.

Я расспросил о преподобном затворнике Серафиме, изъявил желание поклониться ему; мне сказали, что завтра после ранней обедни можно видеть его.

Во время обедни я спросил у соседа моего, монаха, чтó святой муж принимает в дар? «Фунт свеч восковых, бутылку деревянного масла и бутылку красного вина», — сказал он.

После обедни, купив вино, масло и свечи, отправились мы с тем монахом к затворнику. Ключ от общей двери был у монаха, ведшего нас, ибо затворник никуда из своей комнаты и даже в церковь не ходил.

Отворив дверь, вожатый наш, подойдя к двери затворника, сотворил приветственную молитву, но ответа не получил; потом еще повторил два раза, с прибавлением, что проезжающие хотят видеть отца Серафима, но ответа также не получил. Тогда, обратясь ко мне, сказал: «Не угодно ли вам самим отозваться?» Я отвечал, что не знаю, как должно отзываться. «Скажите просто: Христос воскресе, отец Серафим» (тогда была неделя Светлого Воскресения).

Я подошел к двери и сказал то приветствие, но также ответа не получил.

Обратясь к жене, которая держала в руках дары и от благоговейного чувства дрожала, сильно кашляя (она была в первой половине беременности), сказал громко: «Ну, друг мой, знать мы много напроказничали, что не хочет нас принять святой муж. Оставим же наш дар и с сожалением отправимся в наш путь».

Мы уже хотели было идти, как вдруг отворилась дверь кельи затворника и он, стоя в белой власянице, подал нам пальцем знак идти к нему.

С первого взгляда на него обняло меня благоговейное к нему чувство. Он показался мне ангелом, жителем небесным: лицо белое, как ярый воск, потому что переменная атмосфера и солнечный луч не могли действовать на него. Глаза небесного цвета, волосы белые спускались до плеч. Судя по формам тела, безошибочно можно сказать, что он прежде имел большую физическую силу; теперь кротость и смирение начертаны на лице его, однако ж он не был

худощавый, напротив, даже полный, несмотря на то, что пища его дневная состояла из одной просфоры, присылаемой ему из церкви. Но и ту не всю употреблял: остатки ее дробил на кусочки, оставлял их засыхать и дарил навещающим его.

Мы вошли в его келью, и он тотчас затворил дверь и накинул крючок.

С левой стороны двери стояли кувшины и бутылки разной величины, пустые, с маслом и с вином, и тут же большая оловянная чаша с ложечкой того же металла; на левой стороне к стене навалены камни разной величины, с правой поленья дров и над ними на жердочке висели разные старые рубища; в переднем углу на деревянной полочке стоял образ Божией Матери и перед ним теплилась лампадка. Окошки были двойные и забросаны разными рубищами между рам до верхних стекол; при всей тесноте и неопрятности в маленькой этой комнатке воздух был совершенно чист. От дверей

к образу была только маленькая дорожка; но где затворник спал — места не было видно.

Затворив двери, сказал нам: «Молитесь Богу, а ты — обращаясь к жене — зажги и поставь свечечку перед образом»; но она так дрожала, что свечки не могла прилепить. «Ну оставь, я поставлю сам», — сказал он, занимаясь притом живо приготовлением для нас угощенья.

Достав из-под лавочки бутылку с вином, влил несколько в чашу, потом влил воды, положил туда несколько сухариков, взял ложечку и сказал: «Говорите за мной». Продиктовал исповедную вседневную молитву, начал нас угощать, давая смешанное вино с водой и сухариками то тому, то другому ложечкой; вино было так кисло, что и вода не смягчала кислоты.

Жена мне шепнула, что она не может употреблять этого, потому что очень кисло. Я сказал: «Отец Серафим, она не может употреблять кислоты, она

нездорова». — «Знаю, — отвечал он, — для того-то я и даю ей, чтобы была здорова».

Дав нам по три раза, сказал: «Поцелуйтесь». Мы исполнили это. Тогда он, поворотясь ко мне, сказал: «Ты в тесных обстоятельствах, ты печален; но помолись Богу и не скорби, Он скоро тебя утешит».

После этого он завернул несколько сухариков в бумажку и подал мне, но я сказал ему:

— Святой отец, у меня много есть знакомых, которые заочно вас знают и будут очень рады, если я доставлю им полученных от вас сухариков.

Он улыбнулся и прибавил, поблагодарив нас, что мы его навестили, и отпустил с благословением.

По приходе в гостиницу, я нашел здесь монаха, с образом на стекле написанным, который, отдавая мне образ, сказал, что это благословение от обители. Когда же я дал ему десятирублевую бумажку, то он сказал:

— Только?

Слово это потрясло слух мой неприятно, и я едва не отдал ему образа обратно; но удержался и сказал, что больше не могу.

Мысленно сказал я сам себе: лучше было бы не заезжать сюда, тогда бедность моя не была бы обнажена и надежды монахов на получение от меня по чину моему приличного подарка не были бы обмануты; лучше было бы мне мысленно смотреть издали на это прославленное место и благоговеть перед ним. Теперь я грешник, потому что чувствую презрение к алчным обитателям сего святилища, исключая только святого мужа Серафима, который, как я слышал, сильно порицает живущих здесь монахов.

Прежде всего сей святой муж жил отшельником в лесах; но и там люди не давали ему покоя. Почитая его святым, приходили просить, чтобы он молился о них. Некоторые из злодеев пришли и требовали от него денег; но когда он сказал, что у него денег нет,

то они думали принудить к сознанию жестокими побоями и, избив его до полусмерти, оставили на месте. Монахи, отыскав его, взяли в монастырь для излечения. По выздоровлении же, избрав себе другое место в лесу, хотел жить отшельником; но и тут напали на него другие злодеи и причинили ему такие же побои. После того он уже затворился навсегда в той кельи, где я видел его.

Слова, сказанные им мне и жене моей, оправдались. Того же дня прекратились у нее кашель и рвота, а по прибытии в город Рязань я получил пять тысяч рублей денег, пожалованных мне императором Александром I за смотр при городе Пензе.





Воспоминания об отце Серафиме А. П. ЕРОПКИНОЙ

Родителей своих я лишилась еще в детстве и получила образование в Смольном монастыре в Петербурге. Шестнадцати лет я поступила жить к моему родному дяде. Он по доброте своей был для меня истинным отцом; нисколько не стесняя моей воли для моего счастья, вскоре решился устроить меня замужеством. Сама я, по правде сказать, не лишена была приятной наружности; имела нужное образование и состояние. Заметив в окружающем обществе одного молодого человека со всеми достоинствами, я прилепилась к нему всем моим сердцем. С детским, живым воображением я рисовала себе будущность в прекрасных чертах

патриархальной семейной жизни. Молодой человек отвечал взаимностью.

Наступил январь 1829 года. Я тогда помещалась у дяди в одной комнате с двумя его дочерьми и с гостившей у нас посторонней барышней. Естественно, что счастливая моя будущность была у нас предметом всегдашнего разговора.

Однажды вечером после таких льстящих моему самолюбию занятий все мы легли спать. Не знаю как другие, а я сама не могла крепко заснуть и оставалась в дремоте.

Вдруг вижу, что дядя с каким-то старцем входит в нашу спальню. Я тотчас постаралась прикрыть себя одеялом с головой.

Слышу, что дядя подходит со старцем к моей кровати и говорит: «Вот она спит!» А старец на его слова замечает: «Напрасно она идет замуж; много-много два или три месяца ее муж проживет; каково же ей будет из сирот попасть во вдовы, ведь это

все равно, что из огня да в полымя». Затем они ушли.

Я боялась раскрыться, горько заплакала и стала под одеялом же горячо молиться Богу о помиловании меня. Недолго я находилась в таком положении; сильное душевное потрясение заставило меня, проснуться, и когда я пришла в полное сознание, тогда ознаменовала себя крестом. Слезы так и лились ручьем из моих глаз. Тяжело мне было дожидаться утра, пока не встали подруги. Один Бог знает, что я тогда перечувствовала. Мое бледное и заплаканное лицо выдало меня, и подруги заставили меня все им рассказать. От них тотчас узнали все домашние, которые старались разуверить меня в истине сна. Сначала я много возражала, но затем они все-таки меня успокоили, так что я готова была даже смеяться над своим легковерием.

8-го февраля 1829 года я вышла замуж. Радости и удовольствию не было конца.

Но через несколько недель мой муж начал ощущать перемену в своем здоровье. Ослабевая в силах мало-помалу, он слег в постель. Мы пригласили опытных врачей, имели о нем неусыпное попечение, а ему нисколько не становилось лучше; напротив, со дня на день он как будто увядал.

Предложить ему приготовиться к покаянию и принятию Христовых Тайн я боялась, чтобы не испугать его, а он, хотя был очень религиозен, вероятно, боялся испугать меня приглашением священника.

10-го мая, на другой день Святителя Николая, однако, муж мой неожиданно скончался. Сначала я даже не хотела верить своим глазам, но когда убедилась в действительности совершившегося факта, то я сделалась без памяти. Умереть без напутствования Святыми Тайнами мне казалось карой Божией за грехи мои и мужа.

После похорон мои родные и близкие не знали, что делать, как успокоить

меня; от скорби и отчаяния я доходила до сумасшествия.

Не знаю как и от кого мой дядя узнал о подвижнической жизни и благодатных дарах Саровского старца отца Серафима, но он нашел единственным средством к моему избавлению от скорби и болезни ехать мне в Саров просить молитв и наставлений отца Серафима, несмотря на то, что обитель была от нас в 500-х верстах и приближалась весна. Собравшись поспешно, я отправилась в Саров с надеждой найти себе утешение и остановилась в монастырской гостинице. От служащих при ней иноков я узнала, что, к счастью, отец Серафим теперь в обители и мне можно к нему идти. Не теряя ни минуты, я поторопилась видеться с ним и получить от него какое-нибудь облегчение в своей скорби.

Прежде всего меня поразило необыкновенное зрелище. Между Успенским собором и противоположным одноэтажным корпусом, точно волна, дви-

галась густая масса народа. Из расспросов других я узнала, что в этом самом корпусе живет отец Серафим. Тогда я смешалась с толпой и начала пробираться к крыльцу, куда и все также стремились.

С большим трудом я проникла в самую келью отца Серафима и по примеру других протянула руку для принятия его благословения. Благословляя и вручая мне сухарик, он сказал: «Приобщается раба Божия Анна благодати Божией!» Каково же было мое удивление, когда я услышала свое имя, а посмотрев отцу Серафиму прямо в лицо, узнала в нем того самого старца, который предостерегал меня во сне от несчастного замужества. Затем, вытесненная в сени, я около стены ощупала ногами несколько поленьев и, приподнявшись на них, стала сквозь дверь смотреть пристально на отца Серафима. Ангельский его образ, кротость в обращении со всеми показывали в нем необыкновенного человека. Следя за всеми его

движениями, я вскоре заметила, что он как будто хочет прекратить прием народа, и услышала слова: «Идите с миром! Идите с миром!»

Потом он взял одной рукой скобку двери, у которой я стояла, а другой совершенно неожиданно ввел меня в келью и прямо сказал: «Что, сокровище мое, ты ко мне, убогому, приехала? Знаю, скорбь твоя очень велика, но Господь поможет перенести ее». После нескольких утешительных слов он велел мне отговеть у них в обители, исповедаться у отца Илариона и приобщиться. Все это было исполнено. В отношении же покойного мужа батюшка мне сказал: «Не сокрушайся, что муж твой перед смертью не приобщился Святых Христовых Тайн, не думай, радость моя, что из этого одного погибнет его душа. Бог может только судить, кого чем наградить или наказать. Бывает иногда и так: здесь, на земле, приобщается, а у Господа остается неприобщенным; другой хочет приобщиться, но

почему-нибудь не исполнится его желание, совершенно от него независимо. Такой невидимым образом сподобляется причастья через Ангела Божия».

Отец Серафим приказал мне еще по приезде домой в течение сорока дней неопустительно ходить на могилу мужа и говорить: «Благослови меня, Господи мой и Отче! Прости мне, елико согрешив перед тобой, а тебе Господь Бог простит и разрешит!» В течение также сорока дней велел брать из храма Божия от совершающихся служб пепел из кадила и после, выкопав в могиле ямку, глубиной две четверти, высыпать в нее пепел и прочесть три раза «Отче наш», Иисусову молитву, Богородице и один раз Символ веры. О своем намерении ехать домой и опасении, как бы скоро не испортилась дорога, я сообщила старцу, а он сказал мне: «Радость моя, не бойся ничего, Бог даст тебе дорожку; снежок выпадет еще на пол-аршина и ты поедешь лучше, чем приехала, а в Петров пост опять будь здесь».

Действительно, 17-го марта, в день Алексея Божия человека, выпал такой точно снег, как предсказал старец, и я очень удобно совершила обратный путь. После исполнения приказаний старца я как будто совершенно переродилась; в душе моей водворилось такое спокойствие, какого со смертью мужа я никогда не чувствовала.

Так провела я в деревне два месяца.

Наступили Петровки, и по назначению отца Серафима я опять поехала к нему.

Весела мне была тогда дорога; я думала, что еду к родному отцу. По прибытии в обитель как лань бросилась я к нему в лес, узнав, что он там, в пустыни. С трудом я могла рассмотреть, что он копошится в воде, вынимает оттуда крупный булыжник и после, выйдя из воды, потащил его на берег. В эту минуту я сквозь народ пробралась к нему и лишь только он меня заметил, как с веселым лицом приветствовал: «Что, сокровище мое, приехала! Господь благословит тебя, погости у нас».

Вскоре он стал отсылать и меня и народ в монастырь, приказывая туда торопиться, но никому не хотелось с ним расстаться. К тому же день был прекрасный и до вечера оставалось много времени. Промешкав довольно долго в лесу, когда мы все потянулись длинной, беспрерывной вереницей к монастырской гостинице, нашла страшная громовая туча, и от проливного дождя ни на ком из нас не осталось ни одной сухой нитки.

На другой день, когда я пришла к нему, он принял меня очень милостиво и с ангельскою улыбкою сказал мне: «Что, сокровище, каков дождичек, какова гроза? Не попала бы ты под них, если бы послушала меня. Ведь я тебя заранее посылал от себя!»

Как теперь, так и после отец Серафим неоднократно удостаивал меня бесед о разных предметах в течение восьми дней, кроме пятницы. В этот день он оставался в безмолвии и, как надо полагать, весь погружался в размышление о страданиях Христа.

Когда я увидала у него перед святыми иконами толстую восковую свечу, он спросил: «Что ты смотришь? Когда ехала сюда, не заметила ли у нас бури? Она поломала много лесу, а эту свечу принес мне любящий Бога человек во время грозы. Я, недостойный, зажег ее, помолился Господу Богу, буря и затихла». Потом, вздохнув, прибавил: «А то бы камень на камне не остался, таков гнев Божий был на обитель».

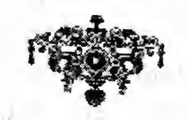
Впоследствии некоторые говорили, что монастырский убыток простирался тысяч до одиннадцати.

Как-то в другой раз, по милости Божией, я удостоилась услышать от него утешительный рассказ о Царствии Небесном. Ни слов его всех, ни впечатления, сделанного на меня в ту пору, я не в силах передать теперь в точности. Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражалось спокойствие и какой-то небесный восторг. Надо полагать, что он по

созерцательному состоянию Духа находился вне видимой природы, в святых небесных обителях и передавал мне, каким блаженством наслаждаются праведники.

Всего я не могла удержать в памяти, но знаю, что говорил мне о трех святителях: Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, в какой славе они там находятся. Подробно и живо описал красоту и торжество святой Февронии и многих других мучениц.

Подобных живых рассказов я ни от кого не слыхала, но он сам как будто бы не весь высказался мне тогда, прибавив в заключение: «Ах, радость моя, такое там блаженство, что и описать нельзя!»





Рассказ об отце Серафиме сестер Екатерины и Анны ЛОПУХИНЫХ

В 1832 году родной наш брат О. В. Л-й был послан в Китай, для сопровождения Духовной миссии.

Дорога его лежала через Нижний Новгород, где наша родная бабушка была игуменьей в Крестовоздвиженском девичьем монастыре. Желая посетить свою престарелую бабушку, чтимую всеми знающими ее и даже отцом Серафимом, и повидаться с нами, своими сестрами, жившими тогда в Пензе, еще в миру, наш брат вызвал нас в Нижний Новгород.

Сам он прибыл туда на Страстной неделе Великого Поста, в самую распутицу, и должен был дожидаться здесь лучшего пути, тем более, что от дурной

дороги занемог. В последнюю турецкую кампанию он был ранен в левую руку, и теперь боль в руке возобновилась и заставила его лечиться и брать ванны.

Мы же, четыре сестры, питая горячую веру к молитвам преподобного отца Серафима, воспользовались этою невольною остановкою брата и начали убеждать его съездить с нами в Саровскую обитель, чтобы удостоиться видеть и получить благословение отца Серафима на такой долгий и опасный путь.

После многих уговоров он наконец согласился, но не потому, что верил в святость жизни и прозорливость отца Серафима, которого хотя и уважал, но далеко не разделял к нему наших чувств, а единственно для нашего успокоения, по любви к нам, так как мы твердили ему беспрестанно, что только тогда будем спокойны, когда он посетит с благоговением чтимого нами старца.

Накануне отъезда мы спорили с братом о святых иконах. Мы называли

многие иконы чудотворными, а брат говорил, что различать иконы и называть некоторые из них чудотворными — суеверие и что все иконы одинаковы.

Мы поехали в Саров с таким расчетом, чтобы пробыть там воскресный или какой-нибудь праздничный день; нам хотелось, чтобы брат увидел отца Серафима первый раз в церкви, когда он будет приобщаться Святых Тайн.

По приезде мы все отправились к ранней обедне, за которою обыкновенно приобщался отец Серафим; и когда она кончилась, брат наш вошел в алтарь, чтобы принять благословение от отца Серафима и передать ему несколько слов от нашей бабушки, игуменьи, и от преосвященного Афанасия, который управлял тогда Нижегородскою епархиею, а впоследствии был переведен в Тобольск, где и скончался; мы же возвратились в занимаемую нами гостиную келью.

Брат вскоре возвратился, и мы заме-

тили в нем большое изменение. Первым словом его было сознание, что отец Серафим сотворил над ним чудо:

«Пока я передавал отцу Серафиму то, что поручили мне передать бабушка и преосвященный, он взял меня за больную мою руку и так крепко сжал, что я только от стыда не вскрикнул, но теперь не ощущаю в руке решительно никакой боли».

После трапезы мы все пошли в лес, к пустыни отца Серафима; увидев его издали, сидящего против своего источника, предложили брату идти к нему одному, а сами остались вдали смотреть на них.

Отец Серафим благословил брата и, посадив подле себя, разговаривал с ним с полчаса времени.

Наконец отец Серафим, подняв голову, сделал нам знак рукою, чтобы мы приблизились.

Пока мы подходили, он уже встал со своего места, и мы нашли его с засту-

пом в руках, копающего свои грядки. Он был в белом балахончике и повязан тряпичкою; а плечи его были покрыты куском кожи.

Мы получили его благословение, и, когда брат подошел к нему также, он сказал ему: «Подожди, батюшка, я сейчас выйду к тебе». С этим словом он пошел в пустынную свою келью и тотчас же вынес оттуда половину просфоры и, подавая ее брату, сказал ему с любовью: «На тебе от моей души». И потом прибавил, как бы с грустью: «Мы с тобою более не увидимся». Тронутый брат отвечал ему: «Нет, батюшка, я еще завтра приду к вам; благословите». Но отец Серафим повторил: «Мы с тобою более не увидимся». Брат возразил еще: «Батюшка, я и на возвратном пути заеду к вам». Но отец Серафим в третий раз повторил: «Нет, мы с тобою больше не увидимся».

Простившись с отцом Серафимом, мы отправились в монастырь; сестры шли впереди; а я, грешная Екатерина,

с братом, немного позади их. Замечая в брате большую перемену, я спросила его о причине, и он отвечал мне так:

— Теперь я совершенно убежден в святости и прозорливости этого дивного мужа. Все, что вы ни говорили о нем, истинно, и вы ничего не преувеличили.

Прежде же он обыкновенно отзывался о нем так: «Я верю, что он хорошей жизни, но вы слишком все преувеличиваете».

Я попросила брата рассказать мне все подробнее; и он рассказал следующее:

«Когда я подошел к нему под благословение и объяснил, что отправляюсь в Китай и потому нарочно заехал в Саров, чтобы принять от него благословение и попросить его святых молитв на такой дальний путь, отец Серафим благословил меня и, посадив подле себя, сказал: *«Что, батюшка, мое грешное благословение? Проси помощи у Царицы Небесной; вот, в теплом в соборе*

у нас — икона Живоносного Источника; отслужи Ей молебен; ведь она чудотворная, она тебе поможет». И потом, с улыбкой продолжал: *«Читал ли ты, батюшка, житие Иоанникия Великого? Я советую прочесть. Это был военный, весьма добрый и хороший человек, и сначала не то, что он не был христианин; он веровал в Господа; но в иконах-то заблуждал, так же, как и ты».* И при этих словах он показал на меня рукой. Я был поражен этими словами.

Отец же Серафим продолжал после того милостиво беседовать со мною и давать мне наставления, особенно, чтобы я сам был милосерд, если хочу, чтобы Господь Бог был ко мне милосерд. В заключение он предсказал, что я исполню возложенное на меня поручение и возвращусь благополучно.

Из пустыни мы прошли прямо в теплый Собор: потому что брат мой, воспламененный верою и любовью к отцу Серафиму, пожелал немедленно испол-

нить его совет и отслужить молебен Царице Небесной.

После молебна он выпросил у знакомого нам иеромонаха Анастасия Четьи-Минеи, отыскал там житие Иоанникия Великого и нашел, что действительно Иоанникий был военный добрый и сострадательный, что он веровал в Господа, но заблуждал на счет икон, и наконец, что он нашел старца затворника, подобного отцу Серафиму, который вывел его из заблуждения.

Таким образом брат наш выехал из Сарова с полною верою и любовью к отцу Серафиму. Он бросил все свои лекарства; потому что уже не нуждался в них более. Он чувствовал себя исцеленным и душою и телом и с дороги писал нам, что никогда не чувствовал себя столь здоровым.

Исполнив в точности, по благости Божией и за молитвы праведника, поручение, данное ему Августейшим монархом, он возвратился в отечество

и хотел на возвратном пути еще раз посетить отца Серафима; но мы уведомили его, что уже не стало дивного угодника Божия. И таким образом исполнилось его пророчество, которое он говорил брату при прощании: *«Мы с тобою больше не увидимся»*.

Считаем нелишним поместить здесь еще одно обстоятельство, случившееся с нашим братом и доказывающее благодатный дар прозорливости в отце Серафиме.

Уезжая из Сарова, брат наш поручил вышеупомянутому иеромонаху Анастасию доставить отцу Серафиму от его усердия одну неважную вещь. Отец Серафим, принявши ее, изволил сказать о брате, что *«он опять здесь будет, но не один; я,* — говорил он, — *приказал ему не оставлять жены»*. Отец Анастасий передал это известие мне, — говорит Екатерина Васильевна, — когда я приехала в Саров через несколько месяцев после отъезда брата; и я нисколько не сомневалась в истине слов праведника,

хотя брат и ничего не говорил нам о намерении своем вступить в брак. Возвратившись домой, я написал о слышанном брату, и он отвечал нам так: «Дивный Серафим не ошибся и в этом случае; он проник в тайну души моей; я избрал себе по сердцу и положил твердое намерение жениться на избранной мною».

Екатерина Васильевна рассказывает еще следующий случай об отце Серафиме: «В один из приездов наших в Саровскую обитель сестра моя пожертвовала на образ Успения Божией Матери свои бриллиантовые серьги. И чтобы скрыть это дело, она вручила их, в моем присутствии, знакомому нам иеромонаху Дамаскину, с просьбой передать их настоятелю и никому не сказывать ничего. Это происходило у крыльца кельи отца Серафима. Едва мы вошли, вслед за тем, к старцу в сени, как он встретил сестру мою, сделавшую пожертвование, с самым радостным видом и с сими словами: *«Божия Матерь*

вознаградит тебя за твою жертву, и здесь и в будущем». Так как мы остались после наших родителей совершенными по всему сиротами и слишком скорбели о том, то старец, между прочими спасительными наставлениями, всегда говаривал нам: *«Что он утешит нас, что он будет за нас молиться»*. И действительно, мы считаем себя теперь вполне утешенными, потому что Господь Бог и Царица Небесная, за молитвы отца Серафима, сподобила нас, двух сестер, Екатерину и Анну, поступить в число сестер Дивеевской общины и принести хоть малейшую лепту нашего усердия в пользу этой святой обители.





Воспоминания
дивеевской сестры АНАСТАСИИ

В первый раз была я у старца Серафима еще малолетнею, вместе с моими родителями и с начальницею Дивеевской общины Ксениею Михайловною. Мать моя давно уже желала видеть отца Серафима, и мы все шли к нему с полною верою.

Когда подошли к его келье, народу еще не было, и сотворили по обыкновению молитву Иисусову. Батюшка тотчас отворил нам дверь. Он одет был в белый балахончик, и лицо его казалось необыкновенно светлым. Он сказал нам: *«Пожалуйте сюда!»* — и велел приложиться к образу Божией Матери, стоявшему на столе. Потом мы все поклонились ему в ноги, и он, благо-

словив нас и дав приложиться к распятию, которое висело на груди его, сказал нам: *«Господь, иже везде сый, и вся исполняяй, и вас милостию своею не оставит; Пророк сказал: не видех праведника оставленна, ниже семени его просяща хлеба»*.

После того дал нам сам по частице антидора с церковным вином и положил матушке в платок несколько сухариков. Наконец еще раз благословил и сказал: *«Грядите с миром»*.

Во второй раз я была у него семи лет от роду, с матерью и Дивеевскою начальницею Ириною Прокопьевной.

Он также благословил нас всех и приказал приложиться к образу Божией Матери; а как я не могла достать образа, стоявшего на столе, то он сам поднял меня и дал приложиться к Царице Небесной; а затем взял мою руку, вложил ее в руку Ирины Прокопьевны и начал матери моей говорить о пророке Самуиле и другие притчи, и спросил ее: *«Понимаете ли Вы, матушка?»* Она

отвечала: не могу, батюшка, понять. Тогда он благословил нас всех и отпустил домой. Мать моя, возвратясь в квартиру, подумала, что все это клонится к близкой моей смерти, и проплакала всю ночь. Поутру же она опять отправилась со мной к отцу Серафиму, не решаясь уехать, не простившись с ним. Едва только он отворил нам дверь и мы поклонились ему, как, еще не благословляя нас, положил на уста матери моей свою руку и сказал: *«Не к тому, не к тому, матушка, не унывай»*. И тут же дал ей приложиться к образу Спасителя, бывшему на нем. После того мать моя совершенно успокоилась.

Когда же мне наступил 12-й год и мы пришли опять к отцу Серафиму, он спросил мать мою, указывая на меня: *«Много ли ей лет?»* Та отвечала: «Двенадцатый год, батюшка». Тогда он сказал ей: *«Пора нам, матушка, обручить ее за жениха»*. Мать возразила на это, что я еще молода. А Серафим отвечал

ей: *«Ты, матушка, поищи вдову и поклонись ей, чтобы она взяла ее за сына; она ее и возьмет».* Маменька улыбнулась и подумала, что он действительно прямо говорит ей про будущего моего жениха. А он продолжал: *«По двунадесятым-то праздникам шей ей, матушка, обновки: белое платьице и красненькие башмачки. А в полуночный-то час вставай сама молиться и мужа-то возбуждай; а ее не возбуждай. Когда она возмужает и укрепится силою и духом, тогда будет и сама мужественна к подвигу».*

И с тех пор всегда, когда бы мы ни приходили к нему, он все поминал о вдове.

Когда же исполнилось мне 16 лет от роду, тогда он прямо сказал родителям моим обо мне, что *ей дорога в Дивеево, в мою обитель, к сиротам;* и два года сряду после того посылал за мною из обители сестру Анну Петровну, и каждый раз, как мы бывали у него (что бывало раза три в год), он все говорил

мне: *«Успение тебя ждет; и тебе нет дороги, матушка, жить у родителей; тебя Божия Матерь семи лет избрала, а они держат тебя у себя»*. Это говорил он о родителях моих.

Отца моего также просил, *«чтобы мы непременно поставили себе келью на каменном фундаменте; и чтобы нам жить в ней только четырем человекам, не более; а крышу-то,*— говорил он, обращаясь ко мне,— *ты сама, матушка, накрой и крепко приколоти гвоздями»*.

Раз я сказала ему, что мне жалко расстаться с сестрою; а он отвечал: *«Так, мы и ее возьмем сюда»*. Тогда я начала жалеть родителей, что им без нас обеих еще больше будет печали.

И вот, когда я была у него в другой раз, он между прочим сказал: *«А про сестру-то, что мы говорили,— мнится мне, лучше оставим ее покуда у родителей; пусть поживет в утешение их»*; и, подавая мне просфору для передачи ей, прибавил: *«Скажи ей, матушка, что это тебе прислал убогий Серафим»*.

С тех пор мы не так уже стали жалеть друг друга, как это бывало прежде. Когда же принесли к нему трехлетнего брата моего Ивана, он взял его из рук няньки и, подавая мне, спросил: *«У вас есть сад?»* Я отвечала ему, что есть. Тогда он сказал: *«Ты, матушка, носи его по саду и говори все: Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй. Он возмужает, и будет сокровище наше вожделенное; а корми-то его сама, из своих рук».*

Однажды, когда я была у него в пустыньке, он послал меня к источнику, с тем, чтобы я напилась и умылась из него, говоря, что этот источник исцеляет болезни. Потом, показывая на окрестную землю, в ту сторону, где Дивеево, сказал: *«Это место выбрала вам сама Царица Небесная, и никто не может отнять его у вас. Вот я вам сделаю шалашик, а вы и будете ходить около него, да сено убирать, да тут и отдыхать. И хлеба-то, и картофеля-то будет у вас много; и церкви-то свои*

будут; и устав-то Церковный будет так, как и в Сарове, как предали его нам Святые Отцы. Царица Небесная вам во всем поможет; и я, убогий Серафим, всегда за вас колена преклоняю, и за родителей и сродников ваших».

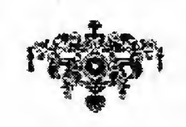
Наконец, когда он стал решительно просить мою мать, чтобы скорее поставили мне келью и отпустили меня в Дивеево, мать заплакала и сказала: теперь мы ее отпустим, батюшка, с надеждою на Вас; а если Вас не будет, то, может быть, они все разойдутся. На это он отвечал ей: *«Нет, матушка; и до меня были отец Пахомий и отец Исаия, которые пеклись о них; теперь я, убогий, пекусь; а после меня такой же старец о них попечется».*

Посылая меня в обитель, он рассказал мне, между прочим, житие преподобной Макрины и прибавил: *«Вот, матушка, она сама пошла в монастырь и брата своего Василия увещевала. Он был столп Церкви, а когда был в учении и возгордился против сестры Макрины,*

она своим целомудрием привела его в смирение».

Моя мать, имея большую веру к отцу Серафиму, просила у него благословения — списать с него портрет. Но он отвечал ей: *«Кто я, убогий, чтобы писать с меня вид мой? Изображают лики Божественные и Святых; а мы грешные».*

Когда же она убедительно просила его не отказать ей, по вере ее, он сказал: *«Это в вашей воле и по вашему усердию!»*





Воспоминания дивеевской старицы ЕВДОКИИ

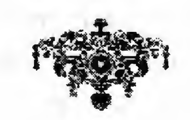
У меня была замужняя сестра, которая жила в селе Аламасове. Однажды, заболев, она передала, чтобы я навестила ее. Я тотчас же отправилась к нашей начальнице Ксении Михайловне благословиться на дорогу. Но начальница сказала мне, чтобы я предварительно сходила к отцу Серафиму и сделала так, как он благословит.

Я отправилась, но дорогою смутилась и долго рассуждала, идти ли мне к отцу Серафиму или нет? Ну, если он не благословит? И наконец решила лучше не заходить к нему, а прямо отправиться к сестре. А чтобы хоть несколько успокоить мучившую меня совесть, я упала на землю, и мысленно

поцеловала руки и ноги отца Серафима, и приложилась к его медному распятию, которое он всегда носил на груди. Я вообразила себе при этом, что он, по обыкновению, благословил меня и дал мне на дорогу сухариков. Успокоив себя таким образом, я отправилась к сестре, в село Аламасово.

Пробыв у нее довольно долгое время и оставив ее выздоравливавшей, я возвращалась в свою обитель в самом тревожном состоянии духа, потому что ушла без благословения, самовольно. Но лишь только вступила в ворота обительские, как встретила меня одна из наших сестер, Екатерина Егоровна, и сообщила мне, что она, во время моего отсутствия, дважды была у отца Серафима и что каждый раз он говорил ей обо мне. В первый раз он сказал: *«У меня, вот пред тобою была Евдокия Глухинькая; она просилась в село Аламасово, к больной своей сестре, кланялась мне до земли, целовала у меня руки и ноги и прикладывалась к медному кресту*

моему, я благословил ее идти и дал ей на дорогу сухариков». Во второй раз он только наперед спросил: *«Что, матушка, Евдокия Глухинькая, возвратилась ли из Аламасова?»* — и потом продолжал то же самое, что говорил в первый раз: *«Она была у меня в такой-то день и час, и я благословил ее идти»*. При этом рассказе я не могла не заплакать как от сознания вины своей, так и от радости найти в отце Серафиме такое благорасположение ко мне, грешной, и такой дар прозорливости.





Воспоминания
дивеевской старицы МАТРЕНЫ

Пришла я однажды в пустыньку к отцу Серафиму в мирской одежде, как бы странница. Сделала же это я потому, что старшая моя сестра не хотела отпустить меня в Саров иначе, как в рубище, чтобы избежать осуждения саровских старцев, упрекавших нас за то, что мы уже слишком часто ходили к отцу Серафиму. Для меня же было все равно, в каком платье ни идти к отцу Серафиму, только бы быть у него почаще да послушать его сладких бесед; он и жить-то в Дивееве благословил меня, и всячески утешал, чтобы я никак не выходила из обители, о чем я немало иногда думала и смущалась.

Когда пришла я к отцу в таком виде,

он, как бы не узнавая меня, несмотря на то, что я, может быть, чаще всех сестер бывала у него, начал спрашивать меня: *«Кто ты, матушка? Откуда?»* Я отвечала ему, что я грешная Матрена Дивеевская; а он, как бы не внимая моим словам или не узнавая, опять повторял те же вопросы: *«Откуда ты?»* Я дивеевская, батюшка,— отвечала я. *«В первой раз я слышу»,*— возразил он. Этими словами отец Серафим как бы отказывался от меня совершенно. Тогда я упала ему в ноги и горько заплакала, думая, что же мне и жить теперь, когда сам отец Серафим не узнает меня? Но все это было только моим испытанием с его стороны да еще и наказанием за то, что я, грешная, всегда завидовала тем сестрам, которых он утешал при мне. Он не замедлил поднять меня и, как самый нежный отец, сказал: *«Встань, радость моя, встань! Да не знаю ли я, кого это принимаю к себе? Мне мнится — ты Спасская Матрена! — Я спрашиваю тебя: откуда ты? то есть: какой губернии? а ты все говоришь: дивеев-*

ская, из Дивеева; так вот я и не узнавал тебя». Потом, помолчав, он спросил меня: *«Скажи мне, радость моя, что из трех лучше и полезнее: утешение ли, молитва или беседа?»* Я отвечала ему: «Не знаю, батюшка, а сама не переставала плакать». Он же на это сказал мне: *«Ты благоразумна, матушка, все знаешь, но отвечать убогому Серафиму не хочешь».* Я и сказала: «Молитва, батюшка, полезнее всего». А он на это: *«Ты, матушка, благоразумно отвечаешь».*

Затем он начал говорить мне в утешение, чтобы я ни в каком случае не выходила из обители, даже и тогда, как его не будет на свете: «Нам, матушка, сама Царица Небесная пожаловала эту землю, на которой вы живете. Матерь Божия исходатайствовала ее у Господа; а я, убогий Серафим, у Царицы Небесной выспросил; так никто у нас ее не отымет. У нас, матушка, и свой собор будет. На нашей земле и свои стада будут, и овечки, и волна. Что нам, матушка, унывать? Все у нас будет свое.

Сестры будут и пахать, и сеять хлеб; а ты, как полная хозяйка, отрежь хлеба, сколько тебе угодно, поди в келарню, посоли, да и кушай себе на здоровье. К нам придут и вдовицы, и откровиц приведут с собой. Но мы, матушка, особенных чувств от вдовиц. Они совсем противно судят о нас. Девица услаждается только сладчайшим Иисусом, созерцает его в страданиях, и вся свободная духом служению Господу; а у вдовицы — все воспоминание мирское: как хорош был покойник-то наш! Какой он был добрый человек, говорят они.

Последние слова были также предсказанием того, что случилось со мною в тот же самый день. Простившись с ним и получив его благословение, я возвратилась домой и встретилась в обители, на общем послушании, с одною живущею у нас вдовицею, и она, разговаривая со мною, беспрестанно повторяла слова отца Серафима: и покойник-то мой был очень добрый человек; как он заботился обо мне и т. п.



Воспоминания священника села Дивеева отца ВАСИЛИЯ

Отец Серафим лично заповедал мне следующие правила:

1) Служить в приделах во имя Рождества Христова и Рождества Божией Матери, неупустительно во все двунадесятые праздники и воскресные дни; иногда же в субботы и в прочие дни, по рассуждению, или по желанию благотворителей, и по случаю смерти сестры Дивеевской, за упокой души ее.

2) В воскресные дни, перед литургией, петь непременно параклис Богородице и канон, весь нараспев; «для того», прибавил он, «чтобы вас никакие беды не постигнули; а если оставите исполнять это, то без беды беду наживете».

3) Ежедневно читать псалтырь в церкви двенадцати сестрам Дивеевским, переменяясь через два часа, и читать вслух непременно «потому что», говорил он, «сказано: слуху моему даст радость и веселье», и прибавлял: «самые Ангелы радуются, слыша чтение псалтыря», и это чтение псалтыря продолжать во весь год, кроме Пасхи.

4) Сестрам Дивеевским приобщаться всем неупустительно во все святые посты; а некоторым по желанию, и во все двунадесятые праздники.

5) На клиросах петь и читать сестрам.

6) Ризницу хранить и соблюдать вообще все церковное имущество, а равно и пономарскую должность прибавить «церковницам», то есть избранным благоговейным сестрам.

7) Перед образом Спасителя неугасимо гореть свече и лампаде; а перед образом Божией Матери лампаде.



Воспоминания начальницы Ардатовской общины матушки ЕВДОКИИ

Однажды пришла к отцу Серафиму одна из сестер нашей обители, для получения его благословения и отеческих советов. Старец, исполнив ее желание, дал ей между прочим золотую монету и сказал: «Понеси это матери Евдокии; ведь крупа-то будет дорога: двадцать рублей четверть». Предсказание старца действительно вскоре исполнилось. В нашей стороне наступил голодный год, и все вздорожало необыкновенно; но за молитвы отца Серафима оскудения в нашей обители не было, и мы благодарили милосердого Господа.

Перед другим голодным годом я сама была у отца Серафима; будучи при-

нята им благосклонно, просила его спасительных советов, как богоугодно управлять вверенною мне обителью, и между прочим сетовала также на нашу бедность.

Старец, выслушав мои просьбы и сетования терпеливо, сказал: «Матушка! Чтобы твои подчиненные были добры и послушны, ты сама наперед смири себя и подавай собою добрый пример незлобия. Видя твою жизнь, и твои подчиненные охотно будут ей подражать. Читай чаще житие Саввы освященного, и из него сама научишься терпению. Недостатки же ваши ущедрит сам Бог».

При этих словах он подал мне рубль серебра и сказал: «Это вам на чистый хлеб. А это,— прибавил он, развертывая и отдавая мне синюю ассигнацию,— на привар (то есть на кашу).

Но, заметив мою невнимательность к ассигнации, он взял ее назад и, разгладив, сам начал завертывать ее в мой платок, приговаривая: «Зачем

так пренебрегать, надобно быть бережливее; будет нужда, и деньги понадобятся».

Действительно, вскоре после моего посещения отца Серафима мы услышали о повсеместном голоде и о лишениях всякого рода. Наша же обитель, к удивлению всех, несмотря на свою бедность, в течение всего голодного времени, при помощи Божией и по благословению отца Серафима, постоянно питалась чистым хлебом, тогда как другие ели хлеб с лебедой.

Однажды мы нуждались в продовольствии; и я, по обязанности начальницы, более всех страдала, будучи озабочена приисканием средств к прокормлению сестер; но все, что я ни придумывала, было напрасно; все благотворители наши на это время как бы забыли нас и не внимали нашим просьбам.

В этой скорби душевной я объявила всем сестрам, что, к несчастью, содер-

жание обители оскудело и что муки и хлеба осталось только на два дня, и просила сестер усердно молиться Богу о помиловании нашем. В то же время предложила послать одну из сестер в Саровскую пустынь к отцу Серафиму, чтобы просить у него наставления и утешения в нашей скорби. Посланная сестра не нашла отца Серафима в пустыни; но, узнав, что он в лесу, на трудах, поспешно отправилась туда, и, найдя его там, упала ему, с горьким плачем, в ноги, и начала просить у него благословения и молитв за нашу бедствующую обитель.

Но прозорливый старец, не внимая ее прошению, гневно запрещал ей жаловаться на свои бедствия и, прогоняя от себя, приговаривал: «Без нужды кланяетесь, матушка, без нужды кланяетесь».

Не получив таким образом никакого утешения, скорбная сестра возвратилась в обитель и со слезами рассказала нам, как принял ее отец Серафим и как

запрещал ей жаловаться. Оставалась одна надежда на Бога, и мы провели в этой надежде и скорби остальные два дня.

На третий же день действительно оказалось, что мы без нужды плакали о своей судьбе. Промысл Божий, за молитвы своего угодника, послал нам нечаянную и как нельзя более своевременную помощь: мы получили от неизвестного благотворителя весьма достаточное количество муки и возблагодарили милосердого Бога.

В 1832 году была я у отца Серафима также за советами и благословением. Он принял меня с полной любовью, как отец, и между прочим сказал: «Евдокия! Надобно сестер-то учить петь». Я отвечала ему: «Батюшка! У нас поют уже сестры».

На это он возразил: «Поют, да тону-то не знают». И прибавил еще: «Скоро у вас церковь будет».

Я же, грешная, слыша такое пред-

сказание, когда у нас и надежды еще никакой не было на созидание церкви, вдруг подумала: «Верно, нас переведут к церкви Ильи Пророка».

Отец Серафим провидел мою мысль и, как будто рассуждая сам с собой, спросил: «Далеко ли это от вас?» И сам тотчас же отвечал для разуверения моего: «Там глад будет».

Я опять подумала: «Или может быть в Напольную переведут нас».

Но отец Серафим возразил на мысль мою: «Снегом там западет». Тогда я осмелилась уже прямо спросить его: «Батюшка, где же церковь-то у нас будет».

Отец Серафим на это отвечал: «Умолчи до времени. Не тобой устроится, а свыше воля Божия низойдет; войдут в ваше положение большие люди и устроят храм, а если ты-то будешь хлопотать, то на тебя восстанут».

Действительно, вскоре после этого чудного предсказания Господь Бог за святые молитвы отца Серафима послал нам благодетеля в господине Н.

Однажды, будучи в нашей общине, он спросил меня, отчего у нас нет церкви? Я отвечала ему в простоте сердца: дожидаемся воли Божией, по словам отца Серафима, который сказал мне: «Когда войдут большие люди в ваше положение, то и храм устроят».

Господин Н. тотчас же сказал: «Я берусь за это».

Мы все упали ему в ноги и просили не оставить нас своей милостью. С тех пор он сделался нашим благотворителем, не только по церкви, которая его попечением доходит уже до конца, но и по всему, за молитвы отца Серафима.

В другой раз, когда была я у отца Серафима, он между прочим спросил меня: «Заезжаешь ли ты, матушка, в мою-то обитель?»

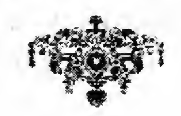
Так называл он всегда Дивеевскую.

Я отвечала ему: «Заезжала, батюшка».

«А канавку-то видела?» — спросил он.

«Видела, батюшка», — отвечала я.

«Я им это в защиту велел рыть, — сказал он, — у них земля разных господ» (тогда в Дивеевской обители действительно не было ни лоскутка собственной земли). «Господа съедутся, — продолжал он, — скажет один: это моя земля; и другой: это моя земля; а как посмотрят на канавку, то она-то им и будет в защиту, и скажут: «Бог с ними! Не тронем их; пусть себе живут».





Воспоминания матушки, игуменьи монастыря в городе Свияжске

Перед вечерней Бог сподобил меня побывать у отца Серафима в келье; и я от радости забыла все, о чем намеревалась было поговорить с ним.

Между прочим я решилась попросить у него наставления, как мне спастись.

И вот, едва только эта мысль мелькнула в голове моей, как он уже отвечал мне: «Не смущайся много-то; как живешь, так и живи. Бог сам тебя научит». И опять, кланяясь до земли, прибавил: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо; этим и спасешься».

Находясь тогда еще в мире и совершенно не думая идти в монастырь,

я никак не могла представить себе, к чему клонятся такие слова отца Серафима.

Он же, продолжая свою речь, сказал мне еще: «Когда придет это время, тогда меня вспомните».

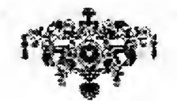
Когда я прощалась с ним, то подумала, что, может быть, Бог опять приведет нас увидеться. Но старец на мою речь отвечал: «Нет, мы уже прощаемся навсегда; а посему прошу не забывать меня в святых молитвах ваших».

Когда же и я просила его помолиться за меня, грешную, он сказал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром; на тебя уже сильно ропщут».

И действительно, спутницы мои встретили меня в гостинице с сильным ропотом, и я тут же вспомнила слова отца Серафима.

Наконец, поступив в монастырь и по неисповедимым судьбам Божиим удостоившись игуменского сана, я припомнила и все остальные наставления отца

Серафима, сказанные мне в духе пророческом; и теперь вся жизнь моя располагается точно так, как предсказал мне старец.





Воспоминания игуменьи ПУЛЬХЕРИИ, настоятельницы монастыря в городе Слободский Вятской губернии

В 1830 году я предприняла по обещанию путешествие в Саров, водой, по Волге. Во время этого пути, близ Нижнего Новгорода, почувствовала себя нездоровой; и болезнь моя (опухоль по всему телу) вскоре так усилилась, что я должна была остановиться в Нижнем Новгороде на четыре недели и ждать здесь или выздоровления, или смерти.

Меня приютили гостеприимные монахини Нижегородского монастыря, и я, с согласия игуменьи Дорофеи, была у них уже напутствуема за пределы здешнего мира.

Но, имея твердую веру в спасительную силу молитв отца Серафима, я со

слезами не раз просила его заочно помолиться за меня, грешную, чтобы Господь Бог продлил мою жизнь, хотя только на короткое время, чтобы мне побывать в Сарове и получить его последнее благословение.

Бог услышал мои молитвы; здоровье мое несколько поправилось, и я, несмотря на опухоль всего тела, решилась продолжать свой путь.

Дорогой я опять должна была остановиться на две недели в Алексеевской Арзамасской общине, от совершенного изнеможения. Кроме опухоли и расслабления, тело мое все пожелтело, и очевидно было, что я страдаю водянкой. Через две недели, опять почувствовав небольшое облегчение, я продолжала, хотя и через силу, свой путь, и наконец, при помощи Божией, достигла Сарова.

На другой день, после ранней обедни, в назначенное время, вошли мы в келейные сени старца и я увидела среди множества посетителей одного

человека, горько плачущего. Отец Серафим за что-то сделал ему строгий выговор, и когда тот хотел что-то дать ему, старец отвечал: «Теперь не приму, теперь не приму».

Я также готовилась было, из усердия, поднести старцу полотенце своего рукоделия; но, услышав последние слова, не решилась на это, спрятала свой подарок и отошла к двери. И что же? Раздвинув толпу посетителей, отец Серафим с улыбкой подошел ко мне и молча протянул руку. Тогда от радости и удивления, не зная, что мне делать, я подала ему полотенце, и он, взяв его, трижды утерся им и сказал: «Иди, радость моя, за мной». Приведя в свою келью, он благословил меня и дал мне просфоры со святой водой, а потом сказал: «Завтра мы с тобой увидимся».

По возвращении в гостиницу я нашла, что болезнь моя, на время как будто бы скрывшаяся, снова возвратилась ко мне.

На следующий день отец Серафим

после ранней обедни ушел в свою пустынь, и мы должны были идти туда, чтобы получить его благословение. Я насилу шла за своими спутниками.

У кельи отца Серафима мы просидели около часа в ожидании, пока он выйдет, и все читали про себя молитву Иисусову.

Наконец, он вышел к нам в полумантии, с зажженной в руках свечой и начал благословлять всех, подходивших к нему по очереди, каждому говоря что-нибудь на пользу его души.

После всех подошла и я к нему, и он, взглянув на меня, сказал: «Ты, матушка, очень нездорова»; и потом, благословляя, продолжал: «Поди умойся в ключе и напейся, и будешь здорова».

Я отвечала ему: «Уж я пила, батюшка, и умылась, как пришла сюда».

На это он сказал опять: «Возьми, матушка, воды-то из ключа с собой, пей и умывайся, и тело-то умой, апостолы Христовы исцелят тебя, и будешь здорова».

Когда же я сказала, что у меня нет ничего, во что бы взять воды, то он вынес из своей кельи небольшой кувшинчик и повторил, как при этом, так и при возвращении моем с водой, прежние свои слова.

Вернувшись в гостиницу, я тотчас же исполнила в точности все наставления отца Серафима без всякого опасения, не боясь употреблять воду в водяной болезни.

И Господь Бог, по молитвам своего праведника, совершил надо мной, грешной, чудо.

К удивлению всех, в особенности же тех, которые запрещали мне мочить тело водой, говоря, что водянка не любит этого, я встала на следующее утро совершенно здоровой и до того изменилась, что видевшие меня с вечера не могли узнать утром. Вся вода, находившаяся под кожей и образовавшая мнимую полноту мою, вытекла; через что и опухоль уничтожилась сама собой, с лица исчезла желтизна; боль

совершенно утихла. Одним словом, я как бы переродилась.

Перед самым моим отправлением в обратный путь отец Серафим прислал мне и двум моим спутницам, вместе с благословением, каждой по символическому знаку; мне — палочку с клюшкой; другой — палочку с четырьмя отростками; а третьей — простую палочку.

Мы не поняли тогда значения этих символов; но последствие показало, как много в каждом из них было значения, а в отце Серафиме прозорливости.

Я, недостойная, поступила в монастырь и ношу теперь жезл игуменский; другая с двумя сыновьями и дочерью — все четверо приняли монашеский образ; а третья — одна также поступила в монастырь.

Таким образом Господь Бог оправдал твердую мою веру в чудодейственную силу молитв праведника, в назидание и посрамление тех, которые не имеют веры.



Воспоминания матушки ПЛАТОНИДЫ, монахини Симбирского монастыря Спаса Нерукотворенного

Страдая жестоким ревматизмом в одной половине головы, лица и в ухе, я долго не получала облегчения ни от каких медицинских пособий.

Наконец, по совету родных, решилась съездить в Арзамас к одному известному тамошнему врачу и посоветоваться с ним о моей мучительной болезни. Но сперва мне хотелось приехать к отцу Серафиму Саровскому, чтобы благословиться у него на лечение.

Я прожила в Сарове пять суток и хотя в продолжении этого времени раза по четыре в сутки приходила к келье старца, но не могла его видеть; неиз-

вестно почему, он затворился тогда и никого не принимал к себе, и это было причиной моей неутешной скорби.

Наконец желание мое исполнилось, и я удостоилась видеть старца Божия одного, в его пустыни.

Припав к его священным стопам, я просила его благословения и разрешения лечиться.

Но старец сказал мне на это: «Нет, не лечись»; и, показав рукой на небо, прибавил: «Вот кто тебя исцелит».

Затем он приказал мне умыться из источника. Я же не умывалась уже около трех лет, во все продолжение своей болезни, боясь, чтобы от прикосновения воды не получить еще большей простуды. Но теперь, по вере в слова праведного старца, нисколько не сомневаясь, умылась и сначала почувствовала ужаснейшую боль. Потом он приказал мне напиться этой воды; и я должна была снова перенести самые мучительные боли в лице и зубах. Господь Бог как бы до конца испытывал

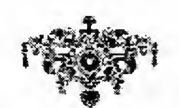
мою слабую веру. Наконец старец, приложив свою руку к больной моей щеке, сказал: «До Успения успокоит тебя Бог; гряди с миром».

Я почувствовала тотчас же, как стала утихать моя боль; и после того она уже не возвращалась. Отпуская и благословляя меня крестом, висевшим у него на груди, он сказал: «Не скорби, что долго не видела меня; поминовение творил о скончавшейся монахине». Между тем я ни слова не говорила ему о том, как я плакала и скорбела, не видав его пять суток. Когда же, при прощании, спросила я его: можно ли мне надеяться еще когда-нибудь видеть его, он отвечал, показывая рукой на небо: «Там увидимся; там лучше, лучше, лучше». И точно, я не видела его уже более: свидание наше было за пять месяцев до его кончины.

За два года перед тем, в октябре месяце, я была также в Сарове, у отца Серафима, вместе с моей родной сес-

трой П. Когда моя сестра подвела к нему под благословение своих детей, маленького сына и пятнадцатилетнюю дочь, то старец, благословляя их отечески, обратился к девочке и сказал: «Вот как велик, премудр и щедр Господь наш; он повелел Товиту отправиться в путь и приставил к нему Ангела. Ангел сопровождал его, да и обвенчал его. Чудны дела Господни!»

Мы не могли понять тогда пророческих слов старца. Но в феврале следующего года дочь г-жи П. совершенно неожиданно вышла замуж, найдя себе достойного во всех отношениях мужа. Родители ее не воображали отдавать ее, как единственную дочь, так рано замуж; но тогда вспомнили пророческие слова дивного старца и возблагодарили Бога за его милосердие.





Воспоминания иеромонаха Саровской пустыни Савватия, в схиме СТЕФАНА

Я был духовным отцом двух девиц: одной молодой, из купеческого звания, и другой, уже пожилой, из дворян. Она еще с юношеских лет горела любовью к Богу и желала посвятить себя монашеской жизни; но этому противились всегда ее родители.

Однажды обе девицы пришли к отцу Серафиму для благословения и спасительных наставлений.

Девица из дворян решила взять у него благословение и на поступление в монашество. Но отец Серафим начал ей советовать вступить в брак, говоря: «Жизнь брачная Богом самим благословлена, матушка. В ней нужно только соблюдать с обеих сторон верность

супружества, любовь и мир; и ты будешь счастлива. А в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудна и не для всех выносима».

Другую же девицу он сам благословил в монашество и назвал даже тот монастырь, в который она поступает.

Выслушав его совет, девица из дворян так оскорбилась, что совершенно охладела к старцу, да и меня поколебала было сначала.

Я не понимал, почему старец отвлекает от спасительного пути девицу, уже пожилую, которая от юности стремилась к монашеству, и как он благословляет юную?

Но вскоре действительно случилось так, как благословлял и предсказывал прозорливый старец.

Девица из дворян, сколько ни горела любовью к монашеской жизни, но в преклонных летах вступила в брак; и несмотря на то, была совершенно счастлива в брачной жизни и возымела

твердую веру к отцу Серафиму, благословившему ей этот путь жизни. А юная девица действительно поступила в тот монастырь, в который благословил ее прозорливый старец.





Воспоминания отца РАФАИЛА, иеродиакона Саровской пустыни

В 1827 году, по поступлении моем в Саровскую пустынь, я увидел отца Серафима в первый раз, когда шел он из своей кельи в больничную церковь к ранней обедне.

Он опирался в то время на дубовую кривую палочку; и эта палочка мне так понравилась, что я с тех пор всегда думал о том, как бы достать мне эту палочку на память от такого великого старца.

Почти через два года после того, в 1829 году, 21 января, пришел я к отцу Серафиму, принять от него благословение на дорогу, потому что отец игумен посылал меня.

Старец, ничего не говоря, вышел из своей кельи в сени, достал из чулана давно желанную мной палочку и, отдавая

мне ее, сказал: «Вот это тебе навсегда».

Получив от него такой драгоценный подарок, я берег его у себя более двадцати лет.

В 1829 году, летом, быв еще послушником, размышлял я однажды об отце Серафиме и дивился, что такой дивный человек живет на свете в нынешнее время и наши глаза его видят.

Пойду я к нему, подумал я, в пустынь, и насмотрюсь на него досыта, хотя издали, чтобы во мне осталась навсегда память о том, как я его видел.

После того действительно отправился я в пустынь к отцу Серафиму и, не доходя до источника старца сажень тридцати, увидел его, обращенного ко мне спиной и возделывавшего мотыгой землю.

Вдруг он, еще не видя меня, бросает свою мотыгу, оборачивается ко мне лицом, бежит навстречу, падает мне в ноги и говорит: «Радость моя! Удостоился я, многогрешный, лобызать стопы Царицы Небесной».

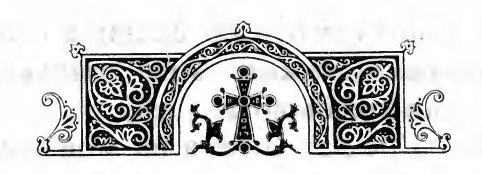
Я поднял его и со слезами сказал: «Батюшка, скажите мне сколько-нибудь, как это было?»

Но он не дал ответа на мой вопрос и начал говорить совсем о другом.

Московский мещанин Вячеслав Андреев Пл. рассказывал мне про себя следующее: я никогда не думал, говорил он, жениться и удивлялся всегда тем людям, которые берут на себя такую обязанность. В одно время случилось мне ехать из Рязани в Арзамас. Дорогой заехал я в Саровскую пустынь и там впервые услышал об отце Серафиме. Дай зайду к нему, подумал я, не скажет ли он и мне чего-нибудь?

Таким образом пришел я к старцу, и он прежде всего благословил меня и подал мне три сухарика, говоря: «Вот, это тебе, это жене твоей, а это сынку».

Я не поверил сначала словам старца: но, прибыв в Арзамас, действительно через несколько времени женился и, по предсказанию отца Серафима, имею одного сына.



Воспоминания отца ФЕОКТИСТА, иеродиакона Уфимского Успенского монастыря

По обету, данному мной во время тяжкой болезни, посетившей меня, когда я жил еще в доме родительском, отправился я в 1825 году путешествовать по святым русским местам, вместе со старшей своей сестрой (ныне Игуменьей Уфимского женского монастыря), и другими богомольцами.

Во время этого путешествия посетили мы между прочими обителями Семиезерную пустынь, недалеко от города Казани, и были приняты здесь с полной любовью старцем Саввой.

Старец, рассказывая нам о подвигах древних великих подвижников и знаменитых православных обителях, обратил особенное наше внимание на Саров-

скую пустынь, на строгость жизни ее подвижников, на подвиги затворника пустыни иеромонаха Серафима.

Этот рассказ возбудил в нас сильное желание видеть как самую пустынь, так в особенности отца Серафима. Мы немедленно отправились в Саров и прибыли туда в день Покрова Божией Матери.

Когда пришли на другой день к отцу Серафиму, он благословил нас, удостоил отеческих своих наставлений и между прочим посоветовал сестрам поговеть, а мне прямо сказал: «Ты здесь останься».

Столь неожиданные слова сильно поколебали мою душу. Меня страшили не столько подвиги монастырские, хотя и они казались мне также неудобоисполнимы, по причине слабого моего здоровья, сколько разлука с близкими сердцу и вечное отстранение от тех, под кровом которых я вырос и разлуку с которыми почитал всегда первым несчастьем. Сколько я ни представлял старцу возражений, он не переменил

своих слов, так что в душе моей, вместо первого восторга, поселилось тогда самое тягостное чувство неминуемой разлуки с родителями и как бы ощущение ожидавшей меня суровой монашеской жизни.

Но в тот же день старец опять повторил мне те же слова: «Ты здесь останься». И когда я ссылался на слабость своих сил и плохое здоровье, он сказал: «По силам и тяжесть возложат».

В последний день, когда мы намеревались уже оставить Саровскую пустынь и пришли к отцу Серафиму принять от него благословение на дорогу, чудный старец еще раз обратился ко мне с отеческими советами остаться в Сарове и просил в то же время старшую мою сестру, чтобы она убедила меня исполнить его желание.

Я же никак не мог решиться и, когда ушли мои спутники, снова приступил к старцу с убедительными просьбами благословить меня в путь до Киева. Неотвязчивость моя вынудила наконец

старца сказать мне: «Ни гряди, когда не хочешь слушаться убогого Серафима».

Получив это хотя и вынужденное позволение, я полетел в гостинцу, где ждали меня спутники, с радостной вестью, что и меня благословил в путешествие отец Серафим.

Таким образом мы все отправились из Сарова и первое отдохновение имели в шести верстах от пустыни, у монастырской мельницы, где приняты были радушно отцом Иаковом Безруким.

Что же касается до меня, то мне тягостна была и эта остановка, мне хотелось не идти, а лететь вперед, и я неоднократно упрекал своих спутников за медленное их путешествие. Так сильно враг, вопреки спасительным советам старца, старался удалить меня от Сарова. Но Промысл Божий разрушил все его козни.

Приближаясь к селу Аламасову, которое находится в шести верстах от мельницы, я вдруг почувствовал во всем теле такое сильное расслабление

и жар внутренний и наружный, что решительно не мог идти далее. Страшась внезапной смерти и мучимый совестью, я попросил моих спутников, чтобы они вели меня прямо к священнику того села; но так как его не было дома, то мы и должны были приискать себе в этом селе квартиру. Болезнь моя беспрестанно увеличивалась, а с ней вместе росло и мучение совести, представлявшей, как опасно пренебрегать советами опытных старцев и следовать собственной воле. По приезде священника домой меня причастили Святых Христовых Тайн и на четвертый день болезни совершили надо мной елеосвящение.

Между тем моя сестра, видя мое безнадежное состояние, отправилась в Саровскую пустынь с просьбой о помощи. Тогда отец казначей приказал поместить меня на монастырской мельнице у отца Иакова Безрукого, а сестре посоветовал пожить в течение моей болезни в Дивеевской общине.

Через две недели после моего пере-

мещения на монастырскую мельницу силы стали мало-помалу укрепляться, и я начал ходить с помощью палки. Теперь я молил Бога только уже о выздоровлении и обещался немедленно потом исполнить волю Божию, сказанную мне старцем.

По милости Божией я выздоровел и тотчас же явился в Саровскую пустынь с тем, чтобы принять там иноческий образ жизни. Меня приняли и назначили мне сначала послушание монастырского будильщика.

Однажды, в октябре 1829 года, мой старец, у которого я был в послушании, уехал на свою родину. В это время, вскоре после его отъезда, вдруг я почувствовал боль и слабость в правой ноге: на ней образовалось какое-то синеватое пятно. На другой день болезни, в ночь сделалась такая ломота, что я не мог уже ходить; а на третий день, вместо синеватого пятна, образовался нарыв величиной с куриное яйцо.

Положение мое было самое мучительное: я страдал сколько от нестерпимой боли в ноге, столько же и от того, что не мог ни встать с постели, ни позвать кого-либо к себе на помощь. Господу Богу угодно было, для моего испытания, допустить, чтобы никто в это время не посетил меня. В такой крайности, в унынии и даже в отчаянии, я обратился с молением о помощи к чудному нашему заступнику отцу Серафиму и начал беспрестанно повторять про себя: «Батюшка, отец Серафим, помолись обо мне». Долго повторял я эту молитву, и вдруг Господь Бог, молитвами отца Серафима, совершил надо мной, грешным, чудо и излечил внезапно мою ногу, и я встал с постели, прошел по келье до дверей и не ощущал уже никакой боли.

Первым долгом моим после того было зажечь лампадку и возблагодарить милосердого Господа за свое исцеление. С того времени нога моя стала совершенно здорова.

Одному саровскому монаху, моему земляку, вздумалось съездить на родину, и он начал убеждать меня, чтобы и я также просился на родину, для свидания со своими родными и мы бы поехали вместе. Долго не хотел я согласиться с ним, представляя, что настоятель не отпустит меня и что я даже не смею проситься у него. Но неотступные просьбы земляка вынудили меня наконец дать ему обещание, что я завтра попрошусь. Это было с субботы на воскресенье.

Целую ночь меня занимали мысли о предстоящей поездке, о свидании с родными и о том, как выпросить у настоятеля отпуск.

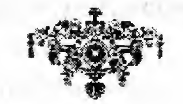
На другой день я был у ранней обедни, и на отходе ее, ходил в собор, для прочтения памятцев.

Когда же возвращался оттуда в Церковь, где служили раннюю обедню, за антидором, вдруг увидел я недалеко от церкви отца Серафима, и он погрозил мне пальцем, говоря: «Я тебя!» Встре-

воженный этой угрозой, я остановился и начал припоминать, не имел ли я какого помысла на старца, и в недоумении опять взглянул на него и увидел опять ту же угрозу со словами: «Я тебя!» Наконец и в третий раз, когда я, совершенно смущенный, взглянул на старца, он повторил то же самое: «Я тебя!» и прибавил еще: «Нет тебе дороги!» Тут-то я понял, что старец своими угрозами не соизволяет моей поездке в дом родительский, о чем я так много заботился в настоящую ночь. Я решился не ехать; и вскоре действительно оправдалось запрещение старца.

По прошествии нескольких недель земляк мой возвратился в Саров с дороги и рассказал, что он не мог попасть на родину, потому что на дороге везде свирепствовала холера, и что он все это время провел в Казани, где должен был со всеми своими спутниками выдержать строгий карантин, понести много убытка, а еще более неприятнос-

тей. Так-то прозорливый старец отклонил меня от бесполезной поездки, в то время как в пустыни никто еще и не слыхал о холере.





Воспоминания отца ВАСИЛИЯ, рясофорного монаха Нижегородского Печерского монастыря

В 1825 году отец мой, Владимирской губернии Муромского уезда, села Зяблицкого погоста, крестьянин графини Юлии Самойловой, отправился с двумя своими малолетними детьми, мною, шестилетним, и моим братом Кириллом, в Саровскую пустынь помолиться и принять благословение от отца Серафима. Мы прибыли туда накануне праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня и на другой день, после ранней обедни, отправились к отцу Серафиму. Богоугодный старец, благословляя нас, сказал обо мне отцу моему, что я не буду его кормильцем, и попросил его купить для меня Евангелие; а о брате моем

сказал, что он будет жить при родителях и помогать им. С тех пор отец и мать мои часто напоминали мне об этом предсказании.

На четырнадцатом году я пожелал сам удостовериться в словах прозорливого старца и с этой целью испросил у своих родителей позволение побывать в Саровской пустыни, у отца Серафима; это было в 1832 году. Когда я пришел к старцу и хотел спросить его о будущей своей жизни, он сам, предупреждая слова мои, сказал мне: «Радость моя, тебе следует поступить в монастырь». Когда же я отвечал ему, что я человек господский, он сказал: «Гряди; Божия Матерь тебе поможет, и графиня, помещица твоя, через ходатайство великих людей, отпустит тебя на волю».

С этим утешительным предсказанием и с благословением отца Серафима я отправился домой.

Достигши же семнадцатилетнего возраста, я получил наконец от своих родителей согласие на поступление

в монашество и, будучи еще господским человеком, поступил в Саровскую пустынь. По прошествии двух лет игумен Саровский, отец Нифонт благословил меня, как оказавшегося по искусе способным к монастырским послушаниям, хлопотать об увольнении из крепостного состояния. Это побудило меня отправиться в Санкт-Петербург, и здесь Промысл Божий указал мне обратиться с просьбой об исходатайствовании столь желаемого мной увольнения к настоятелю Сергиевской пустыни, отцу архимандриту Игнатию *. Добрый настоятель тотчас же согласился на мою просьбу и вскоре действительно исхлопотал мне это увольнение. По представлении его отцу Нифонту я был принят в Саровской пустыни послушником, а оттуда перешел в Нижегородский Печерский монастырь, где и поныне нахожусь, под покровом Царицы Небесной. Таким образом исполнилось в точности предсказание отца Серафима.

---

* Святителю Игнатию (Брянчанинову).



Воспоминания М. В. Н.

Я и муж мой пожелали видеть богоугодного старца Серафима и поехали в Саровскую пустынь; но по приезде туда не застали отца Серафима в монастырской его келье; он был в лесу, на пустынных трудах. Мы пошли туда, и вскоре сам старец встретился с нами. Он тотчас обратился к мужу моему со словами: «Вот что, батюшка, пророк Давид пишет: Господи, возлюби благолепие дома твоего, и место селения славы твоей. Вельми хорошо, батюшка, украшать Храмы Господни». Отец Серафим говорил это по дару прозорливости, провидя, как муж мой любил украшать храмы Божии.

После того отец Серафим приглашал нас в свою монастырскую келью и, мы стали у него просить благословения на

поездку в Москву к своему помещику, чтобы хлопотать об отпущении на волю или по крайней мере о том, чтобы господин уволил мужа моего от должности управляющего. Но отец Серафим, выслушав слова наши, взял моего мужа за руку и, подведя его к Иконе Умиления Божией Матери, сказал: «Прошу тебя, ради Божией Матери, не отказываться от должности. Твое управление — к славе Божией: мужиков не обижаешь. Не слушай, кто тебе будет говорить про тебя или про твою супругу дурно, а в Москву нет тебе дороги; а вот твоя дорога: я благословил одного управляющего — просится на волю по смерти господина, который при жизни своей купил себе имение на Низу, и послал его принять оное и устроить. Когда господин тот скончался, госпожа отпустила управляющего на волю и дала ему доверенность на управление имением такую, что только себя не вручила ему». Отец Серафим говорил эту притчу о моем муже, с которым дейст-

вительно все то случилось впоследствии, что он предсказал за несколько лет до исполнения.

У мужа моего была следующая странная болезнь. Едва только он немного простудится, как тотчас кровь бросается ему в лицо, делается напряжение жил, нервы, особенно носовые приходят в необыкновенное раздражение, и он сначала ощущает странное щекотание в носу, а потом начинает чихать беспрестанно. Это изнурительное чихание продолжалось у него иногда целый день, а иногда и два, и совершенно убивало его. Московские и нижегородские врачи советовали ему непременно лечиться от этой опасной болезни и предсказывали, что у мужа моего со временем может образоваться полип. Но так как мужу моему некогда было заняться серьезно своим лечением, то болезнь вскоре очень усилилась. Тогда мы решились ехать в Саров к отцу Серафиму.

По приезде нашем старец, благословивши нас, тотчас же взял с печки бутылку с водой, приказал моему мужу наклонить голову и начал сам поливать ее водой из бутылки, потом приказал ему умыться этой водой и подал ему со своей шеи полотенце, чтобы он утерся им. С тех пор болезнь моего мужа совершенно миновалась, и он прожил еще семь лет.

Отец Серафим, благословляя нас однажды на возвратный путь из Сарова домой, сказал мне: «Вот, матушка, пришли ко мне мужчина и две женщины, и стали творить молитву; я их не пустил; а когда они стали очень громко стучать в дверь и мне уже нечего было делать, то я лег спать». И потом прибавил: «Понимаешь ли ты это, матушка!» После того, по приходе нашем на гостиный двор, мы нашли там какого-то чиновника нижегородского, который приехал в Саров с женой и начал меня упрашивать сходить с ними к отцу

Серафиму, говоря, что они одни не смеют идти и думают, что отец Серафим не пустит их. Муж мой также просил меня, чтобы я сходила с ними.

Мы пошли и, по приходе на крыльцо кельи, услышали, что отец Серафим что-то делает в своих сенях. Я, по обыкновению, сотворила молитву. Но отец Серафим не отвечал обычного «аминь» и не отпирал дверей. Спутники мои начали проситься с усилием, но он молчал. Тогда мужчина начал громко стучать в двери, и вот мы услышали, что отец Серафим лег спать у самых дверей, где мы стояли, и через несколько минут захрапел. Тут только поняла я, о каком мужчине и двух женщинах говорил он мне при прощании; и мы принуждены были отправиться домой в гостиницу, не видавши старца.

В последний год жизни моего мужа я была в Сарове, в пустыни отца Серафима. Я нашла там его, собиравшего щепки, у вала, на дороге. Заметив

меня, он подозвал меня к себе и сказал: «Вот, матушка, Святые Отцы благословили меня собирать эти щепочки для сирот Дивеевских; придет зима, нужно будет топить им печки». Потом, взяв меня за руку, довел по дороге до своих гряд, где был посажен лук и картофель, и сказал: «А вот, матушка, мое богатство; вот как я живу; богатство же муженька твоего пойдет в другие руки; но ты не унывай о том». Действительно, через несколько месяцев муж мой скончался; а остальное все случилось так, как предсказывал дивный старец.

Однажды я была очень больна желудком и начала лечиться; но так как пользы никакой не было, то я приехала к отцу Серафиму и рассказала ему о своей болезни. На это старец отвечал мне так: «Если ты, матушка, будешь лечиться, то скоро, скоро живот свой кончишь. Болезнь сию молчанием понеси и пройдет, как перестанешь лечиться». При этом он прибавил: «Вот когда

ты пойдешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь!» По благословению Серафима, я перестала лечиться, и болезнь моя действительно миновалась. После того я поехала в село Пемец, где находится чудотворная Икона Божией Матери; и вот, на квартире, где привелось мне остановиться, я увидела старушку, которая перевязывала свои раны, которыми было покрыто все ее тело. Утром, идя к обедне, я увидала новую страшную больную: вели одну девушку, расслабленную, опухшую и трясущуюся всеми членами. Тогда невольно вспомнила я слова Серафима, которые сначала казались мне непонятными: «Когда ты поедешь к Царице Небесной, то каких ты там не увидишь».

Однажды я была у отца Серафима с родной своей сестрой, которая была замужем за одним священником, но овдовела. Старец, благословляя сестру мою, сказал ей: «Жизнь твоя, матушка,

благословенна до самого твоего успения». На это сестра моя отвечала ему: «Простите меня, батюшка, Христа ради: я все грешу, ссорясь со своим родителем за то, что он, сдавши свое место брату моему, сам все живет у меня». Отец Серафим возразил ей: «С кем же, матушка, и жить-то тебе, как не с родителем». Сестра отвечала ему: «У меня есть, батюшка, сын, который оканчивает ныне курс, и я на него имею надежду». Но отец Серафим опять возразил ей: «Никакой, матушка, нет надежды, никакой нет». И действительно, сын сестры моей вскоре умер.

Однажды, будучи в Сарове, в день воскресный, пошла я после поздней обедни к отцу Серафиму, и он, благословив меня, спросил: «Ты, матушка, была у обедни?» я отвечала: «Была, батюшка». Тогда он спросил: «Видела ли ты там, как мы собором отпевали одну женщину? Я только что пришел из церкви. Наш отец игумен сделал ей

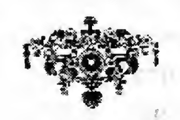
хороший гроб. Понимаешь ли ты это, матушка?» — и он повторил свой вопрос несколько раз. Я подумала, что верно он предсказывает мне близкую мою кончину, и с этими мыслями отправились домой. Дорогой заехала я в деревню Соболеву, которая принадлежит к Покровскому приходу, чтобы навестить свою родную тетку. Но здесь, к великому прискорбию, услышала я, что тетка моя недавно умерла и ее похоронили в тот самый воскресный день, после обедни, в который я была у отца Серафима, и он говорил мне о покойнице. Отец протоиерей сделал ей, по усердию на свой счет, гроб и похоронил собором. Тогда поняла я чудную прозорливость отца Серафима.

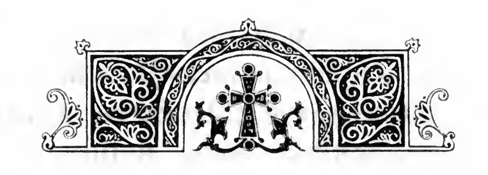
Этот самый протоиерей не имел прежде никакой веры к отцу Серафиму; но когда я рассказала ему о последнем предсказании старца, то он пожелал лично видеться с ним. И вот, едва только, по приезде своем в Саров,

вошел он в келью к отцу Серафиму, как старец встретил его иерейским лобзанием и словами: «Да благословит тебя, батюшка (при этом он назвал его по имени), Господь Бог и Покров Божией Матери», и потом назвал всех тех угодников, во имя которых в Покровском храме были устроены семь пределов. С того времени протоиерей питал всегда большую веру к отцу Серафиму.

Однажды привезла я к отцу Серафиму восковых свеч, он тотчас же спросил меня: «Ты, матушка, поедешь в Дивеев?» Я отвечала ему: «Благословите, батюшка; я везу туда три иконы». Тогда отец Серафим сказал: «Так, кстати, отвези туда и свечки; все равно за вас пойдет молитва». Потом он сказал: «Ты, матушка, знаешь пчел? Когда матка сидит в улье, то и пчелки около нее. Так-то и девочки в Дивееве всегда пребывают с Божией Матерью». На это я сказала ему: «Ах, батюшка! Как счастливы эти девочки, что они всегда пре-

бывают с Божией Матерью». Тогда батюшка возразил мне: «Что девочкам завидовать; и вдовой быть хорошо; Анна Пророчица была вдова, но ей разве было худо? А ты девушек-то моих люби, почитай и не дожидайся, чтобы они за тобой ходили, а сама поищи их». Через несколько лет после того я овдовела; и из Дивеева Ирина Прокопьевна прислала ко мне сестру с письмом, в котором звала меня в обитель. Тогда я вспомнила слова отца Серафима: «Не дожидайся, чтобы девушки мои за тобой ходили, а сама поищи их», — и решилась поступить в Дивеевскую общину.





Воспоминания жены управляющего селом Елизарьевым (Нижегородской губернии Ардатовского уезда) А. И. М.

Муж мой, Н. К.М., лишившись места управляющего в селе Елизарьеве, вскоре получил такое же место в селе Череватове, Ардатовского же уезда, и здесь жестоко занемог. Это было в 1822 году. Зная мою преданность к отцу Серафиму и его ко мне благоволение, он послал меня попросить его святых молитв и благословения и спросить: может ли он надеяться на выздоровление или нет?

Я отправилась в Сарово и по прибытии моем туда нашла, что отец Серафим затворился и никого не принимал. Я пробралась сквозь множество народа, ожидавшего выхода отца Се-

рафима, к его келье, и вдруг старец Божий, как бы провидя мою крайнюю нужду видеть его, показался в дверях кельи и, не обращая внимания на остальной народ, обратился ко мне: «Дочь Аграфена, подойди ко мне скорее, потому что тебе нужно поспешить домой». Когда я подошла к нему, он, предупреждая слова мои, дал мне святой воды, антидора, красного вина и несколько сухарей и сказал: «Вот, скорее вези это к своему мужу». Потом, взяв мою руку, он положил ее к себе на плечо и, дав осязать бывшие на нем вериги, сказал: «Вот, дочь моя, сперва мне было тяжело носить это; но ныне весьма приятно. Спеши же теперь и помни мою тяжесть; прощай». С сими словами он благословил меня и ушел опять в свою келью, где снова затворился и никого к себе не принимал.

По приезде домой я нашла своего мужа при последних минутах жизни; у него уже отнялся язык. Тогда я вспомнила о веригах старца и поняла, что он

предсказывал мне о трауре. Едва дала я, по приказанию отца Серафима, больному красного вина с антидором и потом святой воды, больной снова заговорил и сказал: «Прости меня, святой отец, в последний раз получаю я от тебя благословение». После этих слов, он благословил еще детей наших, простился со мной и сказал: «Велики дела отца Серафима!» — лег снова и мирно отошел к Господу.





Воспоминания кн. А. К.

1824 года 14-го сентября удостоилась я быть у отца Серафима и получить от него благословение. Я пришла к нему с той целью, чтобы спросить у него о своем брате, бывшем в военной службе и не уведомлявшем нас о себе около 4-х лет. Еще не успела я сказать ни слова о своем намерении, как старец, предупреждая слова мои, сказал: «Ты много не огорчайся: во всяком роде бывает траур». Когда же начала я говорить ему о своем брате, он отвечал мне: «Об этом-то не могу не сказать, чтобы ты его поминала за упокой». Прозорливость его действительно оправдалась. Через три месяца, после нашего разговора, я получила известие из того полка, где служил брат мой, что его уже нет на свете.



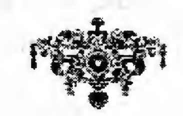
Рассказ г-жи Н. Н.

В 1825 году в первый раз посетила я с сестрой Саровскую пустынь, с пламенным желанием увидеть старца Серафима и получить от него благословение. Моя сестра первая удостоилась видеть его, после утрени, и была в восхищении от его ласкового приема. Я же не могла видеть его вместе с ней, потому что не была у заутрени из-за сильной головной боли. По окончании же обедни мы обе отправились к благочестивому старцу в келью. Дорогой я заметила, что служитель сестры моей нес за нами две бутыли, и полюбопытствовала спросить у сестры, что он несет? Сестра отвечала, что она пожелала, по примеру других посетителей Сарова, принести в дар отцу Серафиму немного церков-

ного вина и масла. Я, не зная об этом прежде и не имея с собой в то время ничего, что могла бы принести в дар отцу Серафиму, очень опечалилась. Но сестра, видя мое смущение, предложила мне взять одну из этих бутылей и поднести ее старцу от себя. Я очень обрадовалась этому предложению.

Мы пришли в келью отца Серафима, и когда я взглянула на праведного старца, то уже не хотела ни на что более смотреть в его келье. Я не могла отвести глаз от его лица, в котором дышала доброта, смирение и святость. Он принял нас как отец детей, давал нам просфор и красного вина, снимал с себя крест и давал нам целовать его. Сестра подала ему принесенную ею бутылку церковного вина, и он принял ее очень милостиво и благословил сестру. Потом и я подала ему бутылку с маслом. Старец, взяв ее также милостиво, вдруг сказал мне: «Вперед, если вздумаешь, матушка, что принести мне, то свое принеси», и заметив, в какое пришла

я смущение и замешательство от этих слов, тотчас же прибавил самым кротким тоном: «Я хотел, матушка, сказать тебе, что если ты живешь в деревне, то верно там есть и пчелы; так ты велела бы из воску насучить свеч; тогда бы это и было твое». После этого он начал беседовать с нами о пользе наших душ, много говорил о спасительном пути Христианском, и каждое слово его запечатлевалось в нашем сердце.





Рассказ дворового человека В. А. об исцелении его жены А.

1826 года, 6 апреля, во время праздника в селе Елизарьеве, жена моя, дворовая женщина А. А., пришедши с обедни, пообедала и потом вышла вместе со мной за ворота нашего дома, для небольшой прогулки.

Вдруг, Бог знает от чего, с ней сделалась дурнота и головокружение, так что я едва мог довести ее до сеней. Здесь она упала на пол; с ней началась рвота и ужасные судороги во всех членах; наконец она совершенно помертвела. В таком ужасном положении она оставалась около получаса. Вслед за тем, как бы несколько опамятовавшись, она начала скрежетать зубами, грызть все, что ни попадалось ей под руки,

и потом уснула. На другой день ей сделалось лучше, и на вопрос матери, что случилось с ней вчера, она отвечала, что ей показалось, будто на нее обрушивается господский дом, да и теперь все окружающее представляется ей в ужасающем виде. Через два дня это несчастное состояние снова повторилось с ней, потом через месяц, и уже не прекращалось в течение целого года, повторяясь ежедневно; так что стали считать ее за бесноватую.

Сначала, по просьбе управляющего нашим селом Н. П., ее лечил уездный врач А. Я., но когда все его старания были безуспешны, то вызван был для лечения другой врач из Ардатова, но и тот после трехнедельного тщательного лечения отказался от дальнейших трудов, сказав, что такой болезни он никогда не видывал и что эта болезнь какая-то непонятная. Наконец, по старанию управляющего, который принимал искреннее участие в больной, вызван был из Выксунских заводов доктор М. Но

и этот, осмотревши больную, сказал, что ее болезнь непонятная, и что, наверное, тут проказничает злой дух, которого изгнать он не берется, и что он советует не мучить больную, усиливаясь лечить ее человеческими средствами, а лучше прибегнуть к помощи Божией.

Несмотря на этот совет, мы все еще пытались помочь ей простыми средствами; но все они были напрасны: больная была близка к смерти.

20 мая 1827 года ночью, накануне праздника царя Константина и матери Елены, вдруг видит больная, что в комнату к ней входит какая-то незнакомая старая женщина, среднего роста, сухая, белокурая, но обстриженная, круглолицая, с закрытыми глазами, босиком и вся запыленная, и говорит ей: «Что ты лежишь и не ищешь себе врача». Устрашенная этим необыкновенным явлением, больная оградила себя крестным знамением и начала читать: «Да воскреснет Бог» и т. д.

Тогда незнакомая женщина сказала

ей: «Ты не бойся меня, я тебе желаю добра и здоровья; молитву эту я люблю и радуюсь, когда кто читает ее».

Больная спросила ее: «Кто же ты? Не с того ли света? И не видела ли ты там моего мальчика?»

Незнакомая женщина отвечала ей: «Видела; он на тебя гневается; впрочем, о нем нет нужды говорить; а надобно подумать о себе. Что ты не заботишься об исцелении?» Больная отвечала: «Много было у меня лекарей; но ни один не мог помочь». На это незнакомка отвечала: «Я найду тебе верного врача, который давно уже желает исцелить тебя; он нарочно просил меня сходить к тебе. Спеши скорее в Саровскую пустынь к отцу Серафиму; он тебе может помочь». После этого видение исчезло.

Тогда больная решилась разбудить свою мать; но та не спала и слышала разговор дочери. Когда же все затихло, мать спросила ее, с кем она говорила? Дочь удивилась, что мать не видела женщину, которая посылала к отцу

Серафиму и говорила, что он поможет. Мать холодно приняла рассказ и сказала, что когда будет легче, тогда может и съездить, и вскоре уснула. Между тем вскоре моя жена снова увидела незнакомую женщину, которая упрекала о промедлении, потому что отец Серафим ждет ее и думает, что она скоро будет.

Тогда больная осмелилась спросить ее, кто она такая и откуда? Женщина отвечала ей: «Я из Дивеевской общины: первая тамошняя настоятельница Агафья». Сказав это, она снова скрылась.

Моя жена тотчас разбудила свою мать и начала уговаривать ее, чтобы она выпросила подводу у управляющего для поездки в Сарово. Мать тотчас, хотя это было на ранней зоре, отправилась к управляющему, рассказала ему все и просила дать подводу. Управляющий сразу согласился и рассказал, что он и сам видел ночью во сне отца Серафима, как он заботился о какой-то больной женщине и держал над ней крест, носимый им на своей груди, и как

больная после того пошла от него совершенно здоровой.

Вскоре моя жена с матерью отправились в Сарово. При въезде в Саровский лес моя жена впервые после болезни, лишившей ее слуха, услышала звон саровского колокола и, к удивлению и радости матери, сказала: «Маменька! Чу, благовестят к обедне». Они приехали в монастырь в обеденное время и нашли братию в трапезе, а об отце Серафиме узнали, что он затворился в своей келье и никого к себе не принимает. Между тем народа собравшегося около его кельи было столько, что невозможно было дойти до нее. Тогда мать обратилась к одному монаху и просила его довести их до затворника. Добрый монах тотчас провел их сквозь толпу и, оставив в сенях кельи, отправился к старцу. Но отец Серафим опередил его. Едва монах сотворил по монастырскому обычаю молитву при входе, как старец вышел к нему и сказал: «Веди сюда скорее скорбящую Александру».

Монах возвратился к просительницам, приказал им идти, и сам, по просьбе матери, помог вести больную.

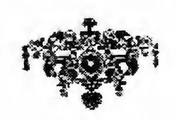
Как только они вошли в келью отца Серафима, моя жена вырвалась из их рук с необыкновенной силой и поспешностью и бросилась в ноги отцу Серафиму.

Тогда старец покрыл ее своей эпитрахилью и прочитал над ней молитву; а потом, взяв ее обеими руками за голову, несколько приподнял. Моя жена ощутила в это время, что как будто кто-нибудь с шумом сдернул с нее шубу, и чувствовала себя так, как бывает после сильного угара.

Наконец отец Серафим, дав ей святой воды и антидора, велел приложиться к кресту, который у него висел на груди, и к стоявшей у него на столе иконе Божией Матери, и сказал: «Вот твоя, Заступница! Она ходатайствовала о тебе перед Богом».

Получив таким образом совершенное выздоровление и сознавая всю ве-

ликость благодеяния, оказанного ей отцом Серафимом, моя жена жалела, что не имела с собой тогда ничего, чем бы могла вознаградить своего благодетеля. Но он, прозревая ее мысли, сказал: «Мне ничего от тебя не надобно; молись только Богу. Если же есть у тебя желание дать мне что-нибудь, то напряди мне в три дня, в три среды, немного ниточек и ссучи их в три пятка, воздерживаясь в эти шесть дней от пищи, питья и разговоров; да еще читай при каждом начатии дела по три раза молитву Господню; а молитву Богородице читай непрестанно во все шесть дней». После того он благословил их и отпустил с миром домой, убеждая более не скорбеть.





Рассказ крестьянина М. Б. Нижегородской губернии Ардатовского уезда, села Автодеева

В 1826 году собрался я съездить в Саровскую пустынь на богомолье и для получения благословения великого старца отца Серафима. Но перед самым отъездом, накануне Праздника Вознесения Господня, со мной сделался такой жестокий удар, что я потерял совершенно память. Я не узнавал никого, даже своих родителей, и меня, как безумного, привели в Саровскую пустынь. Здесь один из послушников той обители, бывши прежде солдатом, из даточных нашего села, принял меня под свое покровительство и повел к отцу Серафиму. Дивны дела Твои, Господи! Едва только стали мы подходить к келье старца, как я уже почувствовал

в себе облегчение: память и понимание понемногу снова начали возвращаться ко мне, и я помню все, что отец Серафим говорил и делал со мной в то время. Сперва он благословил меня и начертил на челе моем крест маслом из лампадки; потом дал мне две пригоршни сухариков, наконец сам показал мне трехперстное сложение креста и сказал: «Милостив Бог! Молись ему так; со временем все это пройдет». И действительно, немного спустя, по возвращении моем домой, я сделался совершенно здоров, молитвами угодника Божия отца Серафима.

Пермской губернии Екатеринбургского уезда, не припомню только какого завода, управляющий Д. Ив. лично сообщил мне (когда я, бывши извозчиком в Дивееве в 1844 году, возил туда дивеевских сестер), когда он был со своим семейством у отца Серафима, то старец не только назвал по имени всех их: его самого, жену и детей, не

слыхав ни о ком из них прежде, но даже предсказал каждому время, кончины, год, месяц и число, и назначил ему жить двадцать лет, а жене его — двенадцать. Жена его действительно умерла в то самое время, в какое ей предсказано было отцом Серафимом.

Слышал я от одной сестры дивеевской, Е. М. З., следующий рассказ. В миру была она замужем за одним господином, служившим в Златоустинских заводах, и при жизни еще мужа была в Сарове у отца Серафима. Ей вздумалось испытать старца, и она спросила у него: «Батюшка! Благословите меня поступить в Дивеевскую общину для спасения души». Отец Серафим на это отвечал ей так: «Нет, матушка, погоди! Сперва поживи с мужем-то, а когда он умрет, тогда еще лет десяток потрудись для своих церквей, просфорнею; тогда и мужа-то избавишь от муки». Но она возразила ему: неизвестно, батюшка, кто из нас скорее умрет, муж мой или я сама? На это старец

отвечал: «Нет, матушка, муж твой годика через три умрет». Что действительно и случилось.

По прошествии трех лет муж ее умер и оставил после себя большой долг, который она весь выплатила и, тем надобно полагать, избавила его от муки. После того действительно она была просфорнею для двух церквей; и наконец, видя, что все предсказания отца Серафима над ней сбываются, решилась вторично побывать у него и снова попросить его благословения на поступление в Дивеевскую общину. Но старец и на этот раз не благословил ее, а велел пожить в миру. Когда же сказала ему, что ей приходится жить в кругу молодых людей, тогда отец Серафим прикоснулся к ней своей рукой и сказал: «Милостив Господь! Хотя молодые люди и будут тебя прельщать, но тебе и на мысль не придет ничего худого». Таким образом она оставалась просфорнею около десяти лет и проходила это послушание с такой ревностью, что,

казалось, желала навсегда при нем остаться. Но наконец через десять лет действительно Господь Бог привел ее поступить в Дивеевскую общину, как предсказывал о том отец Серафим.

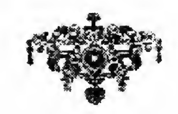
Рассказывал мне также Нижегородской губернии Ардатовского уезда села Большого Череватова, удельный крестьянин Г. Д. С., что однажды в 1848 году, во время холеры, поехал он вместе с дядей и маленьким своим сыном в село Окиль Темниковского уезда за хлебом, и когда прибыл в село Корову на ночлег, то вдруг почувствовал в себе все признаки холеры. Бывший в селе том становый пристав предложил ему какое-то лекарство. Но он, полагаясь единственно на волю Божию и на молитвы отца Серафима, не принял этого лекарства, а решился ехать на источник отца Серафима. Здесь, призвав на помощь праведника, он умылся, окатился и напился воды из источника. И от этого вдруг почувствовал в себе такое облегчение, что как будто бы не

бывал никогда и болен; в нем снова возродился аппетит, тогда как до того времени ему все казалось горьким, и он ничего не мог есть.

Касательно источника отца Серафима слышал я в Саровской пустыни еще следующий рассказ. Однажды привели к этому источнику бесноватую женщину, которая терзала себя за волосы, рвала свою одежду и ужасно кричала. На нее начали лить воду из источника, и она закричала: «Пустите, пустите, замучил меня монах!» Несмотря на то, на нее продолжали лить воду до тех пор, пока она не уснула спокойно. Проснувшись же через несколько времени, она стала совершенно здорова, оградила себя крестным знамением, сама напилась воды из источника, и с того времени до ныне прежние припадки не возвращались к ней.

Того же села Череватова жена крестьянина Терентия Плотникова говори-

ла мне, что отец Серафим предрек ей всю последующую ее судьбу: сколько лет будет она нездорова, будучи замужем; когда выздоровеет и как потом будет опять хворать, как будет претерпевать вообще горькую долю замужем, и кого наконец родит; и что все это сбылось действительно.





Воспоминания священника А. Н.

В мае 1829 года жена крестьянина Воротилова, Анастасья, сделалась опасно больна, и муж ее, имевший большую веру в силу молитв отца Серафима, немедленно отправился в Саровскую пустынь к старцу, чтобы просить его св. молитв за отчаянно больную.

Он приехал в Саров около полуночи, и тотчас же пошел к монастырской келье отца Серафима, веруя, что он его примет. Действительно, старец, извещенный, без сомнения, Богом, уже дожидался его на крылечке своей кельи, и приветствовал его словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Крестьянин рассказал ему все и просил его святых молитв. Но старец отвечал ему: «Она

должна умереть от этой болезни». Но Воротилов припал со слезами к ногам старца и умолял его помолиться о возвращении его жене жизни и здоровья. Видя такую искреннюю и полную веру крестьянина, отец Серафим погрузился тогда в молитву минут на десять и, по прошествии этого времени, снова открыл свои очи, блиставшие небесной радостью, и, поднимая Воротилова, лежавшего у его ног, сказал ему: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот; гряди с миром в дом твой». Воротилов тотчас же отправился домой и узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те самые минуты, в которые отец Серафим находился в молитвенном подвиге. Вскоре крестьянка выздоровела.

Случилось мне самому быть у отца Серафима, и он, поздоровавшись со мной, по иерейскому обычаю, предрек мне между прочим, что я буду почтен саном благочинного, и дал мне при

этом наставление, как проходить обязанности этого сана.

Впоследствии действительно между прочими Архипастырскими милостями возложена была на меня и должность благочинного, как предсказал прозорливый старец.





Воспоминания г-жи СЕРАФИМЫ К.

В городе Ардатове, Нижегородской губернии, у М. Е. К., одиннадцатилетний сын Андрей сделался так тяжко болен глазами, что почти совсем ничего не мог видеть. Он болел девять месяцев, до тех пор, пока родители его не вздумали обратиться с мольбой о помощи к отцу Серафиму, о богоугодной жизни которого далеко было известно.

Когда мать больного отрока приехала в Саров (что было 3-го августа 1829 года), отец Серафим находился в это время почему-то в затворе и никого к себе не принимал. Но мать больного, несмотря на то, что многие посетители, желавшие получить благословение старца и потерявшие в том надежду, уезжали из Сарова, решилась дожидаться, пока отец Серафим выйдет снова из своего затвора. Она прождала

пять дней. Наконец отец Серафим отворил снова двери своей кельи для всех.

Пригласив к себе больного отрока с его матерью словами: «Грядите, грядите» и благословив их, он начал дуть больному в уши и глаза и в то же время оградил его голову крестным знамением. Потом, еще раз благословив больного, он сказал ему: «Будешь здоров»; и наконец, при выходе больного из кельи, вслед за предсказанием выздоровления, предрек ему и имя будущей его жены; именно он сказал ему: «Ты будешь женат на Серафиме». А матери его сказал: «Грех праздника не почитать», открывая этими словами то, чем она согрешила на пути в Саров. Едва только вышли они из кельи отца Серафима, как тотчас же больной ощутил на себе силу молитв и благословения старца; он увидел снова свет Божий; а через месяц и совсем сделался здоров. Исполнение же предсказания отца Серафима больному отроку, касательно имени будущей его супруги, оправдалось тогда, как я, Серафима, сделалась его женой.



Воспоминания тамбовского мещанина И. Т. Т.

Имея уже троих дочерей, со времени нашего брака, но не имея ни одного сына, мы усердно молили о том Всевышнего; но сколько ни молились, как ни просили святых молитв людей, живущих по Бозе, Господь не внимал нашим молитвам. Наконец мы решились съездить в Саровскую пустынь к известному тогда по всей России богоугодной жизнью, прозорливостью и силой молитв у Господа, отцу Серафиму. В то же время хотелось нам посмотреть и на родного моего брата, саровского монаха Иоанна, который не видел еще моей жены, а своей невестки.

По приезде в Саровскую пустынь мы остановились в гостинице и постарались сначала увидеть брата, которому несказанно обрадовались, и объяс-

нили ему причину нашего приезда. Брат сказал нам, что Бог волю боящихся творит и молитву их слушает; он просил нас, чтобы мы имели только веру в молитвы отца Серафима, и обещал, что по вере нашей непременно все будет нам.

На другой день мы отправились вместе с братом к отцу Серафиму и нашли его в лесу, в болоте, где он собирал мох.

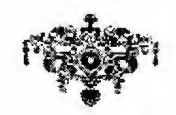
Едва только подошли мы к нему, как он благословил нас и спросил у брата: «Это не родные ли твои?» И когда брат отвечал ему утвердительно, он обратился к нам и, как Ангел Божий со всей кротостью, сказал, указывая на брата: «Благодарите Господа Бога за то, что он избрал из вашего рода в служение себе». Жена моя в это время припала к ногам отца Серафима, как научена была братом, и мысленно просила его святых молитв об исходатайствовании у Бога сына; а я никак не мог удержаться от слез. Меня до глубины души тронули слова старца, по-

тому что он, не зная меня совершенно и не находя даже сходства между мной и братом (так как он совершенно не похож на меня), провидел духом, что мы родные. Сердцу моему было невыразимо отрадно, что Господь благословил наш род избранием брата моего себе на служение. Слова старца пробудили мою совесть и напомнили, что я и меньшой наш брат много, весьма много старались препятствовать брату в его стремлении к иноческому пути.

Тогда мне стало совершенно ясно и то, за что Господь Бог доселе наказывал меня и меньшого брата моего своим праведным гневом. Отец Серафим, ограждая жену мою, лежавшую у его ног, крестным знамением, сказал ей: «Господь тебя благословит; твое желание исполнится». После того он дал ей из своего источника воды, приказывая пить ее, и благословил нас в обратный путь.

Через несколько времени после того

действительно жена моя разрешилась от бремени сыном, и мы возблагодарили Господа Бога и его святого угодника отца Серафима, вполне уверовав в его прозорливость и силу молитв перед Господом.





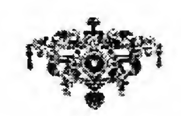
Воспоминания г-жи Н. П. Л.

Однажды я сподобилась быть у отца Серафима, вместе с другими, приходившими к нему за благословением. Отец Серафим благословил меня и, говоря мне наставления словами псалмов и Священного Евангелия, несколько раз в продолжении разговора дотрагивался до моего левого бока, в котором я чувствовала уже около пяти лет какую-то болезнь, причинявшую мне нестерпимые страдания. Но об этой болезни я не смела говорить и беспокоить отца Серафима. Каково же было мое удивление, когда, по приходе домой, я не ощутила уже никакой боли; и с тех пор, благодаря Бога и Его великого подвижника отца Серафима, чувствую себя совершенно здоровой.



Воспоминания кн. Е. Н. Е.

Моя двоюродная сестра В. Н. была очень больна припадками и боялась всякой святыни, с которой подходили к ней. Лекарства ей не помогали. Наконец ее привезли в Саров к отцу Серафиму. Старец дал ей сухариков и велел умыться в своем источнике. С тех пор болезнь ее совершенно прошла, и она живет благополучно у своих детей.





Воспоминания генерал-майора А. Е. М.

По желанию и вере моей жены, я отправился однажды с ней в Саровскую пустынь, чтобы получить благословение и воспользоваться назиданиями старца Серафима; и я тотчас же, по выходе из экипажа, оставя жену в гостинице, отправился к пустынной келье отца Серафима, куда указал мне дорогу один саровский иеромонах, сказавши, что отец Серафим там. На дороге встретился со мной сам старец, шедший уже из пустыни в обитель. Я подошел к нему под благословение, и он, благословивши меня, велел идти за собой, в его монастырскую келью. По приходе туда отец Серафим похристосовался со мной и милостиво спросил: «Что вам угодно, батюшка». Я отвечал ему, что

нарочно приехал сюда с женой, чтобы только видеться с ним и принять от него благословение; потом просил у него позволения привести к нему и жену свою. Отец Серафим приказал нам прийти к себе на другой день, после ранней обедни; и еще спросил меня: «Долго ли вы пробудете здесь, в обители?» Я отвечал, что намерены выехать завтра, то есть в субботу, после обеда; впрочем, прибавил, мы полагаемся на Вашу волю, как Вы благословите. Тогда он сказал: «Послезавтра, в воскресенье, отслушав обедню, поезжайте; у нас, в обители, будет торжество и молебствие». С этими словами отправился я домой и, рассказывая жене о свидании с отцом Серафимом, спросил у нее, какой послезавтра будет праздник? Она отвечала, что, кажется, нет никакого, кроме обыкновенного воскресного дня. Да как же, — возразил я, — отец Серафим говорил, что послезавтра, в воскресенье, будет в обители торжество и молебствие. Не было ли,

может быть, у них в обители в этот день какого-нибудь достопамятного события? Или он что-нибудь предсказывает». С этим вопросом обращался я еще к одному монаху, бывшему тогда в гостинице, но и от него услышал тоже самое, что послезавтра, кроме обыкновенного воскресного дня, нет другого праздника.

На другой день в субботу, после ранней обедни, мы пришли к отцу Серафиму. Он принял нас весьма ласково, дал приложиться к медному кресту, висевшему у него на груди, оделил нас сухариками и снова повторил прежние слова свои: «Завтра у нас, в обители, будет торжество и молебствие; и вы, не отслушав обедню, не уезжайте». Такое повторение еще более удивило нас и оставило в крайнем недоразумении.

По выходе нашем от отца Серафима, жена моя отправилась домой, а я, осмотрев все, что было достопамятного в Саровской пустыни, зашел к отцу игумену Нифонту и между прочим

спросил у него: какое у вас, в обители, будет завтра торжество и молебствие? Он отвечал: никакого не будет торжества. В это самое время вошел к нам в комнату монастырский служитель, возвратившийся с почты, и подал отцу игумену пакет с письмами. Отец игумен распечатал его и прежде всего увидел между письмами Указ, в котором заключалось известие о рождении Великой Княжны и повеление отправить по этому случаю благодарственное Господу Богу молебствие.

Таким образом оправдалось предсказание отца Серафима. На другой же день в Соборном Саровском Храме совершено было благодарственное молебствие, и во весь тот день раздавался торжественный звон по обители. Отец игумен Нифонт разделил тогда со мной удивление к дару прозорливости отца Серафима.



Воспоминания князя Николая Николаевича ГОЛИЦЫНА

С первого дня моего знакомства с отцом Серафимом я видел в нем всегда истинного человека Божия, преисполненного высокой мудрости и благодатного дара прозрения. Знакомство мое с ним началось следующим образом.

Почти ежегодно приходилось мне ездить из Москвы в свою Пензенскую деревню, и давно уже желал, во время этих поездок, посетить Саровскую пустынь, славившуюся примерным благочестьем иноков, и в особенности хотелось мне принять благословение от знаменитого старца Серафима. Желание мое наконец исполнилось, и мне удалось побывать в Сарове.

Я приехал туда вечером и, оставив

экипаж в гостинице, поспешил в монастырь, но не нашел там старца Серафима. Он был в своей пустыни. Я поспешил туда и, отойдя с полверсты от монастыря, к величайшей радости, увидел его самого, идущего ко мне навстречу, на пути в монастырь. Я подошел к нему и просил благословения. Старец благословил меня и спросил, кто я таков? Я не назвал своей фамилии, сказавшись просто проезжающим человеком. Тогда он обнял меня и поцеловал, говоря: «Христос воскресе!» и потом спросил: «Читаю ли я Евангелие?» и на утвердительный мой ответ сказал: «Читай почаще следующие слова в сей Божественной книге: приидите ко мне все труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы. Возьмите иго мое на себе и научитесь от меня, яко кроток и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим. Иго бо мое благо, и бремя мое легко есть» (Мф. 11, 28—30).

Сказав эти слова, он опять обнял меня со слезами. Дорогой он беседовал

со мной о будущей жизни и о разных имеющих случиться со мной испытаниях, которые все сбылись в свое время. Придя в монастырь, он пригласил меня в свою келью, дал напиться святой воды и пожаловал горсть сухарей.

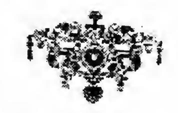
Прощаясь со мной, он спросил, долго ли я пробуду в монастыре?

Я отвечал, что предполагаю уехать завтра, после ранней обедни.

Тогда он, с невыразимой любовью, сказал мне, что, полюбив меня, он желает еще видеться со мной завтра после ранней обедни, и поэтому он не пойдет завтра в пустыньку, а останется в монастыре. Я исполнил его желание с полной радостью, и когда на другой день, после ранней обедни, подходил к келье старца, увидел, что он уже вышел ко мне навстречу на крыльцо своей кельи. Он обнял меня, благословил и ввел в келью. Здесь снова напоил меня святой водой, дал сухариков и, благословляя в путь, советовал опять почаще читать выше сказанные

слова из Святого Евангелия и еще Символ веры, в котором просил обращать особенное внимание на двенадцатый член. Затем мы расстались.

Воспоминание об этой встрече моей со старцем и о последовавших затем беседах, во время других посещений мной Сарова, служит для меня всегда величайшим наслаждением.





Воспоминание симбирской помещицы Е. Н. ПАЗУХИНОЙ

С самого раннего детства наслышалась я о прозорливости и святости саровского затворника и пустынника отца Серафима, и потому весьма хотелось мне посмотреть на него и принять от него благословение. Желание мое исполнилось наконец по милости Божией в 1830 году.

В Арзамасе, на пути в Саровскую обитель, хозяева квартиры, где я остановилась, сказали мне, что если я не поспею в Саров к ранней обедне в наступающее воскресенье, то не увижу уже отца Серафима, потому что он после ранней обедни обыкновенно уходит в свою пустыньку и остается там до среды. Так как погода тогда была

весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не в силах искать отца Серафима в его лесной пустыньке, я тотчас же, не отдыхая в Арзамасе, пустилась в путь. Это было в субботу, после обеда. Я ехала всю ночь и наутро была уже в Сарове.

Первый вопрос мой при входе в гостиницу был: не кончилась ли ранняя обедня? И когда монах объявил мне, что обедня уже кончена, я совершенно упала духом, потеряв надежду увидеть отца Серафима.

Но Господу Богу угодно было утешить меня и не допустить до уныния. Вместе со множеством других посетителей Сарова я отправилась к келье старца, и мы нашли, что дверь кельи заперта была изнутри. Это было знаком, что старец остался дома, и мы решились испросить у него благословение на то, чтобы видеть его и утешиться его душеспасительным словом. Но никто из нас не смел первый сотворить молитву. Пробовали некоторые, но

дверь не отворялась. Наконец я обратилась к стоявшей возле меня, у самых дверей, даме с маленькой дочкой, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И как только малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь отворилась. Но каков был общий наш испуг, когда отец Серафим, отворив дверь, начал опять закрывать ее. Я стояла ближе всех к дверям и пришла в совершенное отчаяние, подумавши: Господи! Верно я всех недостойнее, что он, увидев меня, решился снова затвориться. Но едва подумала я это, как отец Серафим, стоя в полузакрытой двери, обратился ко мне и сказал: «Успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного»; и вслед за тем, вторично отворив дверь, обратился ко мне снова и спросил: «Пожалуйте, матушка; скажите мне, какая вам нужда? Что вам угодно?» Я заплакала от радости и сказала ему, что у меня одно желание — принять его благословение и испросить

его святых молитв. Тогда он тотчас благословил меня и сказал: «Господь да благословит вас; благодать Его с вами». И в то же время он пожаловал мне три частицы просфоры. После этого начал он благословлять и прочих, подходивших к нему и каждому по благословении, говорил: «Грядите с Богом». Мне же не сказал этого; и потому я осталась на своем месте. Видя меня одну, оставшуюся по уходе всех, он сказал мне милостиво: «После вечерни, матушка, пожалуйте ко мне»; и затем затворился снова.

По возвращении в гостиницу я приказала своей женщине изрезать помельче частицы просфоры, данные мне отцом Серафимом. Я хотела, по приезде домой, обделить ими всех, усердствующих к старцу. Потом с величайшим нетерпением стала дожидаться вечерни, чтобы отправиться к отцу Серафиму и снести ему привезенный мной гостинец, немного домашнего полотна, масла и восковых свеч. Но так как

оказалось, что человек, которому поручила я купить свеч и масла, забыл исполнить мое поручение, то я решилась снести ему полотно и деньги, приготовленные на покупку масла и свеч. Меня уверяли, что отец Серафим ни у кого не берет ничего, но я подумала, что если он откажется взять эти вещи, то я отдам полотно в монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свечи.

После вечерни я нашла старца в сенях его кельи, на коленях лежавшего у гроба. Увидев меня, он поспешно встал и, благословляя, сказал: «Пожалуйте, матушка, пожалуйте ко мне». При этих ласковых словах, колеблясь между страхом и надеждой, я осмелилась подать ему полотно, говоря: «Святой отец! Удостойте принять, от истинного моего усердия, это полотно». И какова была моя радость, когда он, взяв из рук моих полотно, сказал: «Благодарю вас, матушка, покорно; в храм Божий все годится». Тогда я осмели-

лась подать и деньги, сказав, что не успела купить масла и свеч. Он принял и деньги с благодарностью. Когда я рассказала потом об этой радости моей отцу Дамаскину, саровскому иноку, он не мог надивиться такой особенной милости ко мне отца Серафима.

Беседа моя со старцем внушила мне между прочим мысль исповедаться у него назавтра, и я сообщила об этом желании отцу Дамаскину. Но он сказал, что это желание решительно неудобоисполнимо. Несмотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о том, чтобы он удостоил меня, грешную, исповедаться у святого старца Серафима.

Утром опять отправилась я к нему, и когда мой слуга отворил дверь в сени его кельи, я увидела старца опять подле своего гроба. Он ввел меня в келью, приказал перекреститься и трижды давал мне пить святой воды, сам поднося ее к моим губам; потом спросил мой платок. Я подала ему конец шали, которая была на мне, и он насыпал туда

пригоршню сухарей, говоря: «Вот, матушка, не хлопочите; это на раздачу; раздавайте усердствующим». Я тотчас вспомнила о вчерашнем своем поступке с тремя частицами просфоры, данными мне старцем, и изумилась его чудной прозорливости. После того с благоговением и страхом, чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить ему о своем желании исповедаться у него, говоря: «Святой отец! Позвольте мне сказать вам одно слово». Он отвечал: «Извольте, матушка», и вдруг, к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: «Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика ти согреших», и т. д. Я повторила за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени; и он стал также на колени подле меня, и во все время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуска, какой обыкновенно делается после исповеди, дал мне приложиться к своему медному

кресту и, взяв мою правую руку, сказал: «Благодать Господа Нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святого Духа, буди с вами во всю жизнь вашу, в кончине, и по успении вашем». Я была вне себя от радости и целовала его руки.

После того, благословив меня в обратный путь, он сказал: «Господь вам поможет». И действительно, святыми его молитвами Господь дал мне благополучно доехать домой, тогда как кругом меня, повсеместно, свирепствовала тогда сильнейшая холера.

Еще должна я сказать об одном событии, как Господь Бог услышал молитву праведного старца Серафима. У моей женщины было много детей; но все они умирали на первом году своего возраста. Бедная мать просила меня убедительно взять ее, с последней новорожденной дочерью, вместе с собой в Саровскую пустынь. Я обещала исполнить ее просьбу, и в первую свою

поездку в Саров, взяла их с собой. Когда мать принесла девочку к отцу Серафиму и стала просить его молиться о ней, говоря, что все дети ее умирают, не дожив года, он положил свою руку на голову дитяти и сказал: «Утешайтесь ею». Действительно, за молитвы праведника девочка эта осталась жива; а после нее рождавшиеся у этой женщины дети опять умирали.



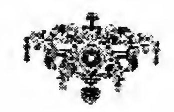


Воспоминание вдовы

У меня было трое маленьких детей, и я очень роптала на свою горькую долю, на тяжесть воспитания этих детей. Наслышавшись же о милостях отца Серафима, я решилась наконец идти к нему, рассказать о своем горе и просить его благословения. Отец Серафим благословил меня и сказал: «Не ропщи на свою участь; скоро кончится твое горе: один будет твоим кормильцем». Действительно, по его пророчению, двое из детей моих умерли через неделю, и я опять пошла к отцу Серафиму.

Теперь старец, предваряя слова мои, сказал мне: «Молись Заступнице Пресвятой Богородице и всем святым; ибо ты клятвой детей своих много оскорбила их; покайся во всем отцу духовно-

му и впредь укрощай гнев свой, чтобы не быть великой грешницей. В последний раз благословляю тебя; только ты прости их». После этих слов он благословил меня, дал мне облобызать крест свой и ушел в свою келью.





Воспоминания ротмистра А. В. Т.

Я имел обыкновение ездить ежегодно в Саровскую пустынь к праведному старцу Серафиму, чтобы пользоваться его душеспасительными беседами и получать его благословение.

В 1829 году, в летнее время, я поехал также в Саров с женой и детьми. Дорогой моя жена, видя, что наш старший сын, которому было около десяти лет от роду, занимается исключительно чтением священных книг, не обращая никакого внимания на окружающее, начала жаловаться, что дети наши слишком уж привязаны к одним только священным книгам, и что они вовсе не заботятся о своих уроках, о науках и о прочем, необходимом в свете.

По прибытии в Саров мы немед-

ленно пошли к отцу Серафиму и были им приняты очень ласково. Благословляя меня, он сказал, чтобы мы пробыли здесь три дня, благословляя жену мою, произнес: «Матушка! Матушка! Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее все приложится им потом».

Благословляя же обоих детей наших, удостоил назвать старшего «сокровищем своим». Так обличил праведный старец несправедливый ропот жены моей, да и потом, в течение всей своей жизни, до самой кончины не переставал предупреждать меня всегда, касательно всех обстоятельств, радостных и печальных, случавшихся в нашем семействе, подкрепляя слабый мой дух отеческими своими советами.

В том же 1829 году был я свидетелем следующего обстоятельства из жизни отца Серафима. Один господин имел намерение жениться на такой особе,

которая по званию своему никак ему не соответствовала; да и родители его не соглашались на этот брак. Но господин тот, зная, что родители его уважают отца Серафима и не в состоянии будут, после его одобрения, противиться этому браку, хотел сначала преклонить старца на свою сторону. Для этого, приготовив предварительно доказательства на законность своего намерения и даже тексты Священного Писания на случай несогласия отца Серафима, для его убеждения, прибыл он к этому праведному старцу. И вдруг, к величайшему своему изумлению, слышит он, что старец произносит имя и отчество той самой особы, о которой он думал делать свои запросы,— что он говорит ему далее и те самые доказательства, которые он хотел ему представить, и наконец даже те тексты Священного Писания, на которые он хотел упереться, в случае несогласия старца. Пораженный этим, господин тот пал безмолвно на колени перед

старцем. Отец же Серафим, поднимая его, сказал ему: «Богу и Божией Матери и твоей матери не угодно твое намерение, и сего не будет». Действительно, с тех пор доныне брак тот не состоялся. По возвращении от старца этот господин сам сознался, что он никогда прежде не верил, чтобы могли быть праведники на земле; но что настоящий убедил его вполне в праведной жизни отца Серафима.

Зимой 1830 года, по случаю болезни жены, обещались мы съездить на богомолье в Тихвин к чудотворной иконе Царицы Небесной. Но в тот самый день, когда нам нужно было выехать, моя жена, сходя по лестнице со второго этажа, споткнулась и вывихнула себе чашку у колена. Хотя при помощи костоправа нога и была поправлена, но при малейшем движении чашка сдвигалась опять со своего места, так что ехать нам невозможно было. Однако, имея веру к молитвам отца Серафима,

мы не хотели отлагать поездки и отправились в путь. В дороге боль ее усилилась, и это заставляло меня, при всем уповании на милость Божию и молитвы отца Серафима, несколько раз предлагать жене возвратиться домой. Но она не соглашалась. А так как у нас принято было за священное правило, не проезжать Саровской пустыни, не приняв благословения отца Серафима, то мы и на этот раз повернули к нему с большой дороги.

Мы были еще далеко от обители, как вдруг боль в ноге жены моей начала уменьшаться и, по мере приближения нашего к Сарову, становилась все слабее и слабее, и наконец, когда мы въехали в самую пустынь, она прекратилась совершенно; чашка установилась на своем месте, и опухоль исчезла.

Мы явились к старцу в келью для получения его благословения; и он, благословивши нас, приказал нам прийти к нему в пустыньку, к источнику, куда мы и прибыли около полудня.

Старец принял нас очень милостиво, напоил водою из источника, дал на дорогу в Тихвин две ржаные корки и, благословляя в путь, сказал: «Грядите, грядите, грядите, дорожка гладенькая».

Последние слова отца Серафима мы вспомнили на возвратном пути из Тихвина, потому что хотя это было и в январе месяце, но в ожидании проезда Государя Императора дорогу так уровняли, что на ней не встречали почти ни одного ухаба.

В начале 30-х годов появилась в Екатеринославской губернии холера и начала производить большую смертность в моем имении. У меня заболело вдруг около двадцати человек и уже двое из них умерли; судорожные же корчи прочих и общий стон и плач раздирали всю мою душу.

В этих крайних обстоятельствах я припомнил, что отец Серафим несколько раз говаривал мне: «Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому

Серафиму в келью, он о тебе помолится». Воспоминание это побудило меня с женой мысленно обратиться к старцу, чтобы он избавил нас от пагубной болезни.

И вот в ту же ночь, в сонном видении, является старец моей жене и приказывает ей «отправиться на родник, где некогда явилась чудотворная икона Божией Матери, взять оттуда воды, напиться ее и обмыться ею, как нам, так и всем людям.

Этот родник, или источник, находится в двенадцати верстах от моего имения, и я немедленно, поутру отправился туда со всем семейством, в полной уверенности в ходатайстве за нас, грешных, угодника Божия Серафима.

Мы погрузили в родник сначала крест, а потом напились и умылись из него, как сами, так и наши люди. В то же время привезли к нам из нашего села бочку, которую мы наполнили этой водой, и потом все отправились домой. Я приказал собрать всех крестьян, призвать священника, и по со-

вершении торжественного водоосвящения, раздавать эту священную воду всем, и отвезти часть ее в больницу, где многие были уже при смерти.

Все они, по милосердию Божию, выздоровели вскоре, пользуясь исключительно этой водой, и никто с тех пор не умирал в моем имении.

В особенности нас всех удивило и заставило возблагодарить милосердие Божие выздоровление одной семидесятилетней старухи. Она также заболела холерою и находилась уже в безнадежном состоянии. Но когда ее сосед, крестьянин, налил ей насильно в рот воды (потому что она была в оцепенении) и вылил потом на нее из бутылки остальную воду, она впала в бесчувственность, потом, через несколько минут, выступил на ней обильный пот, и через час, не более, старуха была вне всякой опасности.

В 1834 году, по преставлении уже отца Серафима, был я, по обычаю,

в Саровской пустыни, со своим семейством. Моя трехлетняя дочь была в это время больна ногами и почти не могла стоять. Поэтому отслуживши панихиду на могиле отца Серафима, мы все пошли в его пустынь к источнику, а дитя понесли на руках, твердо веруя, что Господь, за молитвы старца, помилует болящую.

Там мы напились из этого источника, умылись и вымыли ноги ребенку. Потом, взяв этой воды, отправились в монастырь, с намерением отслужить над нею водосвятный молебен. Но еще прежде молебна мы увидали над собою милость Божию. Когда мы входили в монастырь задними воротами, со стороны конного двора, вдруг девочка попросилась с рук няньки, с явным намерением идти самой. Нянька долго противилась этому, наконец решилась пустить и, взявши за руку, повела ее. Но девочка выдернула руку и побежала сама, к общему нашему изумлению.

Обрадованные этим чудесным исце-

лением, мы все поспешили на могилу угодника Божия и со слезами возблагодарили его за милостивое ходатайство о нас, грешных.

Отслуживши молебен живописному источнику, мы возвратились домой, все здоровые.

В 1846 году мой второй сын вывихнул ногу и страдал этой болезнью около двух лет. Между тем пришло время определения детей на службу Царю и Отечеству. Тогда, твердо уповая на предстательство и помощь отца Серафима, оказавшего столько уже благодеяний моему семейству, отправился я с ними, по обычаю, в Саровскую пустынь.

Отслуживши сначала панихиду на могиле праведника, я повез детей на источник его, несмотря на суровое время и глубокие снега (это было 21 декабря 1848 года). По прибытии туда мы помолились сначала перед иконами у источника о ниспослании на нас благословения Божия за молитвы старца Серафима, потом напились этой воды

и умылись ею; а мой второй сын вымыл себе также и больную ногу; наконец мы возвратились в гостиницу.

Через несколько часов дети мои опять выпросили у меня позволения сходить на источник. Меньшой сын взял с собой бутылку и на пути, несмотря на боль ноги и тесноту дороги, обогнал старшего брата и, пришедши к источнику ранее его, зачерпнул бутылку воды из источника, разделся и облился этой водой с головы до ног; потом оделся и встал на колени перед иконами в часовне у источника, прося Бога помиловать его за молитвы отца Серафима. Примеру его последовал и старший брат, и оба довольно долгое время, по вере своей, молились в таком положении, не только не ощущая никакого холода, но даже чувствуя на себе небольшой пот. Так-то Господь принял их усердие и помиловал их детскую ревность! По окончании молитвы они оделись и возвратились ко мне в гостиницу. Меньшой мой сын объявил мне

тогда с восхищением, что он не чувствует уже никакой боли в ноге. Действительно, по ходатайству угодника Божия Серафима, он стал с тех пор совершенно здоров и ныне служит в одном из Кавалерийских полков.

В том же 1848 году, в бытность мою в Таганроге, просил меня один тамошний мещанин, грек, спасти вещи с судна, севшего на мель в двадцати пяти верстах от города. Я вызвал двенадцать охотников, или так называемых забродчиков, и отправил их с этим греком на судно. Но они не нашли уже там ничего, кроме якоря и паруса, потому что на судне уже не было хозяев с этими вещами; они поехали назад, но на дороге застигла их такая буря с густым снегом, при темном и северном ветре, что они плыли наугад, и пристали в трех верстах от Таганрога к насыпному острову. Но едва слезли с катера, как ветер еще более усилился и начал ломать катер. Тогда атаман забродчиков, видя,

что при такой страшной буре не найти безопасного убежища под открытым небом, бросился с одним товарищем на катер, отрубил канат якоря и пустился по известным ему приметам к берегу. Но вместо того, чтобы пристать к нему у города, он едва мог пристать в десяти верстах от него и дал мне знать об участи своих товарищей уже в третьем часу ночи. Между тем буря усиливалась все более и более, и я считал оставшихся забродчиков совершенно погибшими, потому что у них не было ни теплой одежды, ни пищи. Оставалась одна надежда на Бога и на святых его, равно как и на всегдашнего благодетеля отца Серафима, и я просил его молитв пред Господом за погибавших людей.

Прошло утро, но помощи нельзя было дать, потому что никто не осмеливался в такое бурное время рисковать своею жизнью.

Прошли еще целые сутки, однако буря не только не утихала, но, казалось,

еще удвоила свою суровость. Скорбь и уныние овладели моею душою, хотя какой-то внутренний голос говорил мне беспрестанно: «Молись, спасутся!»

На следующее утро буря мало-помалу стала стихать, но выпавший снег, смешавшись с водою, при бывшем морозе, образовал довольно крепкую массу, которая простиралась от самого берега до насыпного острова, где оставались бедные забродчики. Идти туда по этой массе было невозможно, оставалось только одно — пробиваться сквозь нее на баркасах, ломая замерзший снег. Вновь нанятые забродчики, при помощи Божией, добрались наконец до острова и, к общему удивлению и радости, нашли там всех одиннадцать человек живыми и не потерпевшими никакого вреда. В третьем часу пополудни все они возвратились на берег, обогрелись и утолили свой голод. Столь чудное спасение их я приписываю молитвам и заступлению старца Серафима.



Воспоминания Ивана Яковлевича КАРАТАЕВА

В октябре 1830 года я был послан из Курской губернии, где квартировал наш полк, за ремонтом. В Курске и дорогою я много слышал о подвигах старцев Саровской пустыни Назария, Марка и других, в особенности много рассказывали мне о великом подвижнике той пустыни, затворнике и пустыннике иеромонахе Серафиме, о его святой жизни, о чудных его предсказаниях, о даре врачевания всевозможных болезней, телесных и душевных, и о необыкновенной его прозорливости. Эти рассказы до того разогрели мое сердце, что я решился непременно заехать по пути в Саров. Но, когда я был возле самой почти Саровской пустыни, враг смутил меня страхом прозорливости

старца Серафима. Мне казалось, что старец торжественно обличит меня во всех грехах моих, особенно же в заблуждении, касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукою человека, даже, может быть, грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себя чудодейственной благодати Божией, и поэтому не должна быть предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию, я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни.

На следующий год, в марте месяце, когда войска наши двинулись на Польскую границу, я возвращался в свой полк, по приказанию начальства.

Путь мой лежал опять мимо Саровской пустыни, и теперь уже решился, по совету своего отца, побывать у отца Серафима. Когда я шел из гостиницы к келье старца, внезапно страх, до того времени владевший мною, переменился

на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбил отца Серафима. Около его кельи уже стояло множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукою, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоявшую войну, и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня своим медным крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедовать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей дьявол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хотя мы и грешные, но все находимся под благодатью нашего Искупителя, без

воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей».

Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении, касательно почитания святых икон: «Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например: как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой,— прибавил он,— и не только тело их, но и душу; так что грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царства Небесного».

Затем в подтверждение почитания святых икон он приводил в пример, что «Еще в Ветхом Завете, при Кивоте завета, были золотые Херувимы; а в церкви новозаветной евангелист Лука написал лик Божией Матери, и сам Спаситель оставил нерукотворенный Свой образ». Наконец в заключение он сказал, что «не нужно внимать подобным хульным мыслям, за которые ждет

вечная казнь духа лжи и сообщников его в день Страшного Суда».

Много еще и других душеспасительных слов говорил он тогда в мое назидание, но я не припомню их всех. Говорил он, что «искушения дьявола подобны паутине; что только стоит дунуть на нее, и она истребляется; что так-то и на врага дьявола, стоит только оградить себя с верою крестным знамением, и все козни его исчезают совершенно». Говорил он также, что «все святые подлежали искушениям, но подобно золоту, которое, чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умилостивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь которого они терпели». И наконец несколько раз повторял он, что «тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие».

Слушая отца Серафима, я забыл о своем земном существовании.

Солдаты, возвращавшиеся со мной

в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось действительно. Ни один из них не был даже ранен.

Уходя от отца Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг дьявол, завидуя тогдашнему спокойствию моей совести, вложил мне такую мысль: зачем святому отцу деньги! Эта вражеская мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием и с просьбою о прощении за нее к отцу Серафиму. Но Бог явно наказал меня за то, что я и на минуту допустил к себе такую нечестивую мысль. Ходя около кельи отца Серафима, я не мог узнать ее и принужден был спросить шедшего к нему монаха, где келья отца Серафима? Монах, удивляясь, вероятно, моему вопросу, указал мне ее. Я вошел с молитвою к старцу, и он, предупреждая слова мои, сказал мне следующую притчу: «Во время войны с галлами над-

лежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на святой Храм, и молитвами Святой Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько, и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устроение Дивеевской общины, за твое здоровье». Потом отец Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько просфорных сухариков и выпить святой воды, которую налил мне, и сказал: «Да изнежется благодатию Божией дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна».

Старец дал мне и на дорогу сухарей и святой воды, и сверх того просфору, которую сам положил в мою фуражку.

Отправляясь в путь, я спросил отца Серафима, не прикажет ли он сказать чего-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, но отец Серафим указал мне на лики Спасителя и Божией Матери и сказал с улыбкою: «Вот мои родные! Для земных родных я живой мертвец!»

Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими святыми молитвами. На это он сказал: «Положи упование на Бога и проси Его помощи; да умей прощать ближним своим, и тебе дается все, о чем ни попросишь».

В продолжение Польской компании я был во многих сражениях, и Господь везде спасал меня за молитвы своего праведника.

По окончании войны, в феврале 1833 года, я возвращался домой в отпуск и опять заехал в Саров; но уже не застал отца Серафима в живых. Известие об его кончине возмутило всю мою душу; и я принял его, как наказание за грехи свои. Но отслуживши панихиду на его могиле, я почувствовал вдруг такое спокойствие в душе, что казалось, будто бы через него самого получил прощение в грехах и обещание молиться за меня у престола Всевышнего.

В том же году за молитвы отца Серафима, которого призвал я в помощь

в минуту опасности, я был спасен от разбойников, напавших на меня на дороге, во время обратного пути моего в полк из домового отпуска.

Отец Серафим, по дару прозорливости, знал духом многих современных ему подвижников Христовых, не бывши лично знаком с ними. Между прочими часто приходивших к нему он посылал к священнику Симбирской губернии, Курмышского уезда села Басурман, отцу Алексею Гневашеву. Отец Серафим почитал его высоким подвижником и называл его иногда «свечою, зажженною перед престолом Божиим», иногда же «звездою на Христианском горизонте», или же «тружеником, который и без клятвы иноческой выше многих подвижников». Замечательно, что отец Алексей не только святостью жизни, но и характером, привычками и даже чертами лица очень походил на отца Серафима.

Он скончался 85 лет от роду, 21 апреля 1848 года.



Воспоминания харьковского провиантского чиновника С. С. М.

В июле 1843 года я отправил жену свою в Саровскую пустынь для поклонения чудотворной иконе Успения Божией Матери и для свидания с родным ее братом, иноком той пустыни, а сам, будучи совершенно здоров, продолжал заниматься, по обыкновению, службою в канцелярии Харьковской провиантской дистанции. Но через несколько дней я вдруг очень заболел.

Однажды, по приходе из канцелярии домой, я прилег на постель и начал читать книгу, в ожидании обеда. Когда же позвали меня к столу и я начал вставать с постели, вдруг почувствовал невыносимую боль в колене левой ноги. Я закричал и упал на постель без

памяти. Люди, находившиеся в доме, перепугались и немедленно послали за врачом и провиантским чиновником.

Прибывший врач приказал тотчас приставить к больной ноге до пятидесяти пиявок, и это меня несколько успокоило.

На третий день боль до того опять усилилась, что исправляющий должность дистанционного смотрителя провиантских магазинов по Харьковской губернии г. Богуславский приказал отправить меня для лучшего лечения в Харьковскую городскую больницу, и я лежал в ней более месяца. Врачи имели обо мне неусыпное старание, но все было безуспешно.

Когда измученный этою болью я спросил у них, могу ли надеяться когда-нибудь на выздоровление, они отвечали мне, что нужно сделать операцию. Но я не согласился на это и пожелал лучше приготовиться по-христиански к смерти. Уже я исповедался и причастился Святых Христовых Тайн,

и г. Богуславский приезжал прощаться со мною, как вдруг приехала из Сарова моя жена.

Узнав о моей болезни, она поспешила в больницу и уговорила меня выписаться. С величайшим трудом, почти полумертвого, меня привезли домой. Жена тотчас предложила мне выпить воды, привезенной ею из Саровской пустыни, из источника, ископанного руками старца Саровского Серафима, в тамошнем лесу, и облить ею больную ногу. Я согласился, но полюбопытствовал предварительно узнать об этом дивном муже и о тех камешках, которые жена моя положила в стакан воды.

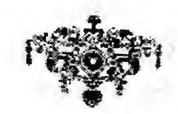
Тогда она рассказала мне о строгой подвижнической жизни отца Серафима, о том, как он при жизни еще исцелял всех, просивших у него помощи, и по смерти чудесно помогает всем, прибегающим к нему, и наконец, как он тысячу ночей стоял на камне в лесу, в молитвенном подвиге; и в заключение снова

просила меня выпить с верою этой воды, и облить ею болящую ногу.

Я перекрестился и, уповая на милосердие Божие и на молитвы великого в наши времена подвижника, исполнил совет жены и вскоре после того заснул. Сон мой был самый крепкий и продолжался от двух часов пополудни до глубокой ночи.

Проснувшись, я почувствовал, к величайшей радости, что боль моя начала утихать, но в то же время пришло мне на мысль и то, что человек перед смертью всегда ощущает в болезни облегчение. Эта мысль не давала спать, но потом я опять заснул и проспал спокойно до утра, чего давно уже со мной не бывало. Поутру же, не чувствуя никакого страдания в ноге, я решился наконец встать с постели. Встал, и очень тихо дошел до стула, на котором сел. Я сам почти не верил от радости столь неожиданному и скорому выздоровлению и вместе с женою от всей полноты сердца возблагодарил

милосердого Господа, Пречистую Его Матерь и отца Серафима за великие милости их к нам, грешным. Вскоре после того я сделался совершенно здоров и стал снова исполнять возложенную на меня обязанность по службе.





Воспоминания БОГДАНОВИЧА

1832 года, в день Рождества Христова, удостоился я видеть в Саровской пустыни отца Серафима.

Я пришел в больничную Церковь к ранней обедне, еще до начатия службы, и увидел, что отец Серафим сидел на правом клиросе, на полу.

Я подошел к нему тотчас под благословение, и он, благословивши меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним: «После, после!» По окончании же обедни, когда я снова подошел к нему, он приветствовал меня словами: «Молитвами Пресвятой Богородицы все благо будет!» Тогда я осмелился попросить его о назначении мне времени для выслушивания от него спасительных советов.

Старец на то отвечал мне так: «Два дня праздника. Времени не надо назначать. Святой Апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: еще Господь восхочет и живы будем, сотворим сие и сие».

Я поднес к нему дочь свою Веру, и он, благословивши нас, дал нам обоим по доле сухарей.

Наконец, приготовивши заблаговременно вопросы, которые хотел я предложить старцу, я пришел к нему в келью. Он встретил меня в сенях, принял принесенные мной, по поручению других, свечи и масло и благословил беседовать с собой.

Я спросил его, продолжать ли мне мою службу, или жить в деревне?

Отец Серафим отвечал: «Ты еще молод, служи».

«Но служба моя нехороша», — возразил я.

«Это от твоей воли,— отвечал старец.— Добро делай; путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается, везде спасен будет;

а кто не приобщается, не мню. Где господин, там и слуга будет. Смиряй себя, мир сохраняй, ни за что не злобься».

Я спросил еще: благополучно ли кончится мое дело?

Старец отвечал: «Надобно полюбовно разделиться с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два озера, у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завладеть войной. Одному нивы надобно двенадцать сажень, а другому более. Не пожелай».

После того я спросил: «Учить ли детей языкам и прочим наукам?» и он отвечал: «Что же худого — знать что-нибудь».

Я же, грешный, подумал, рассуждая по-мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это; и тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: «Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумней».

Вечером, когда я пришел к нему,

первым его словом было: «Беседу лучше оставить. За каждое праздное слово воздадим Богу ответ».

Но я умолил его продолжать спасительную беседу, и предложил ему следующий вопрос: скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра; и что делать при противоречиях?

Старец на это отвечал мне так: «Святой Апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды, а вслед за сим следует: не упивайся вином. На это надо разум. Не воструби, а где нужно, не премолчи».

Я спросил еще: что прикажет он мне читать? И получил в ответ: «Евангелие по четыре зачала в день, каждого евангелиста по зачалу; и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть; а он все терпел; и спасся. Да не забывай дары посылать обидевшим тебя».

На вопросы мои, должно ли лечиться в болезнях и как вообще проводить жизнь, он отвечал. «Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись, упадешь; и враг посмеется тебе; еще юн сын, удержись. Однажды дьявол предложил праведнику прыгнуть в яму; тот было согласился; но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют, не укоряй; гонят — терпи; хулят — хвали; осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Господней; никогда не льсти; познавай в себе добро и зло: блажен человек который знает это. Люби ближнего твоего: ближний твой — плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь; а если по Божиему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти, или и далее, кого Бог позовет».

Последние слова отца Серафима относились к желанию моему отправиться на богомолье в Киев и далее, если

благословит. Впрочем, я не открывал ему еще этого желания, и отец Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, которое имел он по благодати Божией.

После того я спросил старца: обязан ли человек, для поддержания своего звания, вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости?

Он отвечал: «Кто как может; но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа».

Еще спросил я: должно ли угождение людям простираться и на те случаи, которые не согласны с волей Божией, например, праздно проводить время и т. п.

На это отец Серафим возразил: «За эту любовь многие погибли: еще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего — Бога».

Я попросил его помолиться обо мне; он отвечал: «За всех молюсь всякий

день. Устрой мир душевный, чтобы ни кого не огорчать и ни на кого не огорчаться; тогда Бог даст слезы раскаяния»; и опять подтвердил: «Укоряют, не укоряй; и т. д.».

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных; и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания? — он отвечал: «Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напой, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще протерпит восьмую тысячу. Ты так делай; еще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный. Чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Аврамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил; а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя».

Спрашивал я также отца Серафима насчет опасности нынешних советов, и можно ли вверяться учению других.

Он отвечал: «Это вам, необновленным», и улыбнулся. «Довольно одного Ангела Хранителя, от святой купели нам данного. Если ярость в ком есть, не слушай; если девство кто хранит, Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей и Евангелие читай».

Я попросил отца Серафима растолковать мне сон: я видел кого-то, который приказывал мне выстроить церковь.

Отец Серафим сказал мне: «Это твое собственное желание, и если Бог избрал тебя на это, и потребует нужда, то с Богом! В терпении вашем стяжите души ваши; то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся».

Я спросил старца: нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев?

Старец отвечал: «В Евангелии сказано: молящеся не лишше глаголите: весть бо Отец ваш, их же требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитесь вы: Отче наш, и прочее тут благодать Господня; а что приняла

и облобызала Святая Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней; будь воздержен; ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает».

К постам ли, бракам и т. п. сказано: «Царство Божие не брашно и питье; но правда, мир и радость о Дусе Святе»?

Отец Серафим сказал: «Только не надобно ничего желать, а все Божие хорошо: и девство славно и посты нужны, для побеждения врагов телесных и душевных. И брак благословен Богом: и благослови их, Бог, глаголя: растите и множьтесь. Только враг смущает все».

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах он отвечал: «Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтырь купи, там все есть. Три рубля стоит».

Я спросил его: можно ли есть скоро-

мное по постам, если кому постная пища вредна, и врачи приказывают есть скоромное?

Старец отвечал: «Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских Соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Господь призывает нас: приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и аз упокою вы: иго бо мое благо и бремя мое легко есть: да мы сами не хотим».

Чем, спросил я, истребить гордость и приобрести смирение?

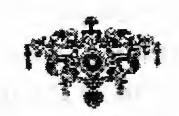
Он отвечал: «Молчанием. Бог сказал Исаии: на кого воззрю, токмо на крот-

кого и молчаливого и трепещущего словес моих». Касательно духовной гордости, он прибавил еще: проси Бога, чтобы Он продлил твои лета. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются».

Во все время нашей беседы отец Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу. Начиная отвечать, часто приветствовал меня словами: «Ваше Боголюбие!» О дочери моей сказал: «У нее путь трудный: выйдет за такого мужа, что и Бога знать не будет».

Прощаясь со мной, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразил. Благословляя же, хотел даже поцеловать мою руку; кланялся мне все до земли и, наделяя сухарями, приказывал разделить их с моими подчиненными; и наконец, отпуская, сказал: «Гряди с Богом! Эти сухари свежие: только что из печки».

К большему прославлению чудного дара прозрения в благодатном старце отце Серафиме, нужно объяснить, что я не имел возможности расспрашивать его так подробно и помнить все его ответы. При том же он говорил чрезвычайно поспешно. Для этого все свои вопросы я предварительно написал для памяти на бумаге. И едва успевал я прочитывать их перед старцем, как тотчас же и получал от него на них ответы.





Рассказ протоиерея Василия КОНОБЕЕВСКОГО

В селе лесном Конобееве, где родитель мой протоиерей Димитрий Афанасьевич (умер в 1857 году) священствовал, были две церкви деревянного здания; отец Серафим за четыре года ранее прорекал родителю, что храмы эти падут; родитель мой, будучи тверд духом и сведущ в Священном Писании, на таковые слова отвечал ему: наши храмы крепкого здания и на каменных фундаментах; поэтому трудно им обрушиться. Но Серафим тоже повторил: «Нет, они падут». Родитель, мало подумав, говорит ему: «Вы, отец Серафим, изволите говорить о телесном моем храме, и привел на это слова Апостола Павла» (1 Кор. 6, 19). Он повторяет: «Я говорю о вещественных хра-

мах, и ты будешь строить храм каменного здания». На это родитель мой отвечал, что не в состоянии этого сделать. Серафим ему говорит: «Казанская Царица Небесная способствует тебе, и не оставит тебя в том помещик ваш; во время же постройки храма будут тебе предлагать архипастыри в городах протоиерейские места; ты не соглашайся переходить из своего села, не меняй славу временную на вечную».

И действительно, через четыре года от сильного пожара обе деревянные церкви сгорели и даже все село Конобеево выгорело; это было в 1828 году.

После того родитель мой возложил всю надежду на скорую Покровительницу. Оставив свое семейство, из которого в то время не устроены были два сына и две дочери, и сельское хозяйство, он отправился в Тамбов к преосвященнейшему Евгению, испросил у него благословение и истребовал из Духовной консистории сборную книгу на построение новой каменной церкви. Он

с этой целью семь лет путешествовал по разным губерниям, был до двух раз в Москве и при помощи Царицы Небесной на другой же год после пожара заложил храм каменного здания. Помещик же, смотря по тому, сколько родитель в год собирал по сборной книге денег, приказывал из своей конторы выдавать часть, равную третьей части этого сбора на устроение церкви.

Таким образом, при помощи Царицы Небесной в 1835 году церковь настоящая, великолепная, уже была устроена и освящена в честь Обновления храма Воскресения Христова, а два придела еще прежде были освящены, первый в честь Святой Троицы, второй в честь Казанской иконы Божией Матери. Во время же постройки церкви действительно родителю моему предлагали в городах протоиерейские места, но он, помня слова отца Серафима, никак не решился перейти из этого села, повинуясь совету отца Серафима.

А вот другой случай прозорливости. Родителю моему желательно было, чтобы из двух нас сыновей один был на его священническом месте (третий сын был много старше и уже в то время поступил в монашество): поэтому родитель спрашивал отца Серафима обо мне и о среднем брате (в то время мы обучались с ним в младших классах): кого он благословит быть на своем месте? Отец Серафим спрашивает родителя: «А кого ты желаешь?» Николая. «Нет. На твоем месте будет младший сын».

Действительно, я, грешный, и поступил на родительское место. Я сначала был при церкви польной стороны Конобеева, а родитель мой оставался при своей устроенной им церкви. (Эти две стороны разделяются одной только рекой Цной.) При ослаблении своих сил родитель сдал место свое мне, а сам остался при должности благочинного.



Рассказ Балаклавского архимандрита НИКОНА (родного брата протоиерея Конобеевского)

Я еще в молодости моей перед окончанием семинарского курса в 1827 году в августе месяце, по приказанию старца Божия отца Серафима, жил в Саровской пустыни до трех недель и в течение этого времени неоднократно удостоен был келейной беседы отца Серафима. Он говорил мне: «Зачем ты хочешь идти в монахи?» Вероятно, ты гнушаешься браком.

Я на это отвечал: «О Святом Таинстве Брака я никогда не имел худых мыслей, а желаю идти в монахи с той целью, чтобы удобнее служить Господу».

После сего, надев епитрахиль, старец сказал: «Благословен путь твой! Но смотри — напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце:

1. Каждодневно выметай свою избу, да имей хороший веник. (Разумеется очищение души покаянием.)

2. Станови утром и вечером самовар, да грей воду, подкладывая углей: ибо горячая вода очищает и тело и душу (идет речь о сердечной теплоте).

3. Учись умной молитве сердечной, как учат Святые Отцы в Добротолюбии; ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу.

4. Учись творить молитву через ноздряное дыхание с сомкнутыми устами. Это искусство есть бич против плоти и плотских похотений.

5. К обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй: «Богородицей помилуй мя».

6. Одна молитва внешняя недостаточна. Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутренней, не монахи, а черные головешки.

7. Бойся, как геенского огня, галок

намазанных (женщин), ибо они часто из воинов царских делают рабами сатаны.

8. Помни, что истинная мантия монашеская есть радушное перенесение клеветы и напраслины: нет скорбей, нет и спасения.

9. Все делай потихоньку, полегоньку и не вдруг; добродетель не груша, ее вдруг не съешь.

В другой беседе отец Серафим говорил: «Я знаю твоего отца. Селение ваше и две церкви с колокольнями сгорят, а отцу твоему суждено выстроить новый каменный великолепный храм с колокольней и с двумя флигелями; к западной стороне будет флигель для бедных, а после вторичного пожара ему и самому придется в одном из них пожить».

Все предречение старца Божия сбылось. Селение и церкви сгорели в 1828 году, а в 40-х годах был вторичный пожар, в котором сгорел дом родителя протоиерея Конобеевского, и он вы-

нужден был долгое время проживать в выстроенном флигиле церковном.

«У тебя есть двоюродный брат?» — спросил отец Серафим.

Я отвечал: «Есть».

«Он учится в Академии; он родился с мешком. Он будет солить, да солить до самой своей смерти».

Это его дорогое предсказание относилось к преосвященнейшему Филарету Черниговскому.

«У тебя есть больная племянница с тобой? Приведи ее завтра ко мне».

На другой день я взял с собой племянницу, девицу четырнадцати лет, и ввел ее в келью отца Серафима, а он взял сосудец с елеем, помазал у нее чело, глаза, уши, руки, говоря: «Помазуется раба Божия монахиня». (Сия девица пострижена в монахини в Тамбовском Девичьем монастыре.) «Прощай! Через девять дней приходи ко мне».

Это время было для меня скорбное: ибо напали богохульные мысли, так что нельзя было войти в церковь; хотел

было уйти из пустыни, да удержал меня иеромонах Иларион, говоря: старец знает, что делает.

По истечении девяти дней, измученный прилогами вражьими, я едва мог войти в сени и, подойдя к его келье, не успел сотворить молитву, как отец Серафим отворил дверь, упал ко мне в ноги, говоря: «Прости меня за искушение, коим ты страдал; оно для того, чтобы ты знал, что таковые скорби будешь иметь, поступая в монахи; но не унывай!»

После сего, надев епитрахиль, исповедал меня и приказал у поздней литургии приобщиться Святых Тайн; а по принятии оных тотчас все темное удалилось от меня во тьму.

В прощальной беседе отец Серафим говорил мне: как пойдешь в монахи, то придется тебе начать с матерней колыбельки,— со своей епархии; а потом тебя пошлют в дальнее место,— что и сбылось, но не унывай, и с веселым духом пой: «Господня земля и исполнение ее».

Все наставления отца Серафима одушевлены были духом помазания; ибо где взять глубину духовной мудрости неученому, не просвещенному внешними науками? Его всякое слово доходит до души и пронзает сердце, а потому важно и значительно. Многие учат, но стучат, как кузнецы молотом о наковальню, а учение неученого, но помазанного доходит до самых мозгов. Долговременное подвижничество освятило ум старца, а Иисусова молитва соединилась с сердцем его, сколько это возможно на земле. Наставления его об Иисусовой молитве во всем сходны с наставлениями Афонских подвижников. Они были ясны, вразумительны, как плод опытного подвижничества, а не научного познания.

«Книга не научит, — говорил он мне, — молитве: надобно иметь крепкое занятие в ней».

Очень, очень сожалею о том, что письма его мною, во время странствования моего по долам и горам Кавказ-

ским и Крымским, утрачены; они были писаны ко мне в 1827 и 1828 годах. Одно только помню, что он разъяснил мне молитву Иисусова через ноздряное дыхание, и еще, что тот монах не настоящий, который не знает духовного делания Иисусовой молитвы. Таковы были наставления старца Божия Серафима. Он сеял семя на сердца тысячей и быть не может, чтобы от такового сеятеля не произошли плоды в сердцах. Его молитвы были мощны, сердце его горело пламенем небесного огня. Опытом я знаю, что его дорогие наставления были весьма полезны для меня при поступлении моем в монашество; верю тому, что он и за гробом продолжает ходатайствовать о моем недостоинстве. Он мне как-то сказал: «Когда будешь жить невдалеке от моей могилы, то служи панихиды, а когда зашлют на сторону далече, поминай меня,— это мне и тебе полезно».

Припоминаю еще некоторые изречения старца:

1. Знай, что истинная монашеская мантия не та, которую монахи носят из сукна на плечах, а перенесение клеветы, бед и напастей. Этой мантией одетый, достигнет вечного блаженства истинный монах.

2. Береги всегда свой клобук от моли; беда, беда, если в клобуке заведется моль: она испортит и переточит все.

3. На войну не ходят без оружия: так и в монахи незачем идти без молитвы и терпения. Жизнь монаха с самого начала и до последнего издыхания есть страшная и ужасная борьба с плотью, миром и дьяволом. Так, не монах тот, кто любит лежать на боку; не монах тот, кто во время войны от малодушия падает на землю и предается без боя в плен врагу.

Последнее изречение ко мне старца Серафима было: «Рыба без воды умирает, а монах без молитвы. Прощай! В сей жизни более не увидимся; молись за меня, а я за тебя буду». Это было 23 августа 1828 года. Действительно, более не видались.



Рассказы современников об отце Серафиме, собранные иеромонахом Иосифом

Рассказ иеродиакона АЛЕКСАНДРА

Старец Саровской пустыни, иеродиакон Александр К., провождавший уединенную жизнь, знал подробно всю первоначальную жизнь отца Серафима, потому что был его соотечественником и современником, и притом из купеческого сословия.

Он всегда удивлялся его страдальческой жизни, подвигам и дарам Благодати, которыми старец Серафим всех привязывал к себе и утешал спасительными своими наставлениями. В беседах о нем он рассказал мне следующее дивное происшествие.

В одно время, когда я вышел из

храма, после Божественной Литургии, и проходил мимо церкви и кельи отца Серафима, вдруг подбегает ко мне простой мужичок с растрепанными волосами и с шапкой в руке и в отчаянии бросается мне в ноги, говоря:

— Батюшка! Ты, что ли, Серафим?

Я отвечал ему:

— Нет, я не Серафим; а на что тебе его?

— Да говорят, что он угадывает; а у меня увели лошадь, и я остался теперь совсем нищим: не знаю, как буду кормить семью. — Удивленный такой простотой мужичка и жалея сердечно об его потере, я взглянул на келью отца Серафима и увидел его самого у крылечка: он носил и складывал в это время дрова в поленницу. Я указал мужичку на то место, где трудился старец, и сказал ему:

— Вон, отец Серафим трудится у своей кельи; а сам я остался смотреть, что скажет ему старец.

Мужичок, услышав имя отца Серафима, тотчас бросился туда и прямо

пал ему в ноги. Отец Серафим поднял его и ласково спросил:

— Что ты пришел ко мне, убогому?

— Батюшка! — отвечал крестьянин, — у меня украли лошадь, и я теперь совсем без нее нищий; не знаю, чем буду кормить семью; а говорят, ты угадываешь?

Тогда отец Серафим взял его за голову и, приложив к своей, сказал:

— Ты огради себя молчанием и поспеши теперь, — тут он назвал ему одно село, — когда будешь подходить к нему, то свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома; там ты увидишь калиточку; войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча.

Выслушавши все, мужичок в ту же минуту бросился в назначенное ему село; и я слышал потом, что он тотчас же отыскал и увел свою лошадь.

Слышал я также, что отец Серафим сказал при этом:

— Вот, и теперь трудно жить Серафиму; что же будет, когда обо всем говорить?



Рассказ саровского инока АЛЕКСАНДРА

Инок Саровской пустыни Александр передал мне и многим Боголюбивым особам следующие три важные события, случившиеся с ним у отца Серафима.

— Когда я был еще в миру, — говорит он, — я был болен расслаблением всех членов; особенно же мучился от нестерпимой боли в одном ухе. Сколько я ни лечился, ничто не помогало, и только еще более увеличивало болезнь, так что потом в моем ухе образовался завал.

Наконец мне присоветовали сходить в Саровскую пустынь, которая от нас не очень далеко, и попросить помощи и молитв отца Серафима.

Я исполнил с радостью этот совет: пришел в Саров и, помолившись там Богу, отправился к отцу Серафиму.

Едва только вошел я к нему и упал ему в ноги, как он, благословивши меня и не сказав ни одного слова, подошел к горящей перед образом Божией Матери лампаде и, омочив в масло свой палец, прикоснулся к моему уху и помазал в нем больное место. В ту же минуту почувствовал я облегчение; потому что прежде всякое прикосновение к больному уху было для меня нестерпимо; а вскоре и совершенно всякая боль прекратилась.

Но еще более удивил меня мой чудный благодетель тем, что сказал мне между прочим: «*Ты будешь наш*». Хотя я и желал поступить в монашество, но никак не надеялся получить увольнение от общества, потому что не имел ходатаев.

Несмотря на то, по вере в отца Серафима, уже показавшего надо мной и дар прозорливости, и дар чудотворе-

ния, я подал по возвращении домой прошение об увольнении и вскоре получил его, без всякого затруднения. Таким образом я поступил в Саровскую пустынь, благодаря Господа, Матерь Божию и отца Серафима.

По вступлении в монастырь, прежде бывшее расслабление в правой моей руке до того усилилось, что я не мог ей ни есть, ни креститься без помощи или поддержки левой руки.

В такой крайности я прибег опять к отцу Серафиму. В этот раз я нашел у него незнакомого дьякона; но, несмотря на незнакомца, прямо упал ему в ноги и просил его благословения и святых молитв.

Старец благословил меня весьма милостиво и с радостным лицом сказал: *«Помолись Царице Небесной и положи ей три поклона»*.

Я тотчас, по послушанию, положил три поклона перед образом Царицы Небесной.

Тогда старец взял бутылку со святой водой и стал подавать мне в больную руку.

Но я отвечал ему: *«Батюшка, не могу взять этой рукой; потому что она у меня болит и вся расслабленная».*

Тогда старец взял меня за больную руку и, снова подавая бутылку, сказал: *«Бери и пей!»*

Я повиновался, хотя и с большим трудом; а старец поддерживал в это время мою больную руку.

Когда я напился, он благословил меня и отпустил в свою келью с миром. С того времени, благодарю Бога, за молитвы отца Серафима, я не чувствую никакой боли в руке моей.

Желая научиться грамоте, но несмотря на все мои старания, весьма мало успевая в ней, я решился также прибегнуть к отцу Серафиму, уже дважды показавшему надо мной благодатные дары свои.

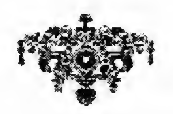
Только что пришел я в келью старца

и предварил его благословение земным поклоном, как он спросил меня: *«Знаешь ли ты грамоте?»*

Изумленный его прозорливостью, я отвечал: *«Нет, батюшка: а только желаю выучиться; но ничего не могу понять и прихожу в отчаяние».*

Тогда старец спросил меня: *«А когда сеется хлеб, и когда жнется?»* Когда я ответил ему на это, он заключил: *«Так-то и ты сделай: начни и выучишься».* С этим словом он благословил меня.

Вскоре я совершенно понял грамоту, и теперь, по милости Божией и по молитвам отца Серафима, свободно читаю Слово Божие.





Рассказ старицы Дивеевской обители МАТРЕНЫ и свидетельство саровского инока ПЕТРА

Поступив в Дивеевскую общину, я проходила, по благословению отца Серафима, послушание в том, что приготовляла сестрам пищу.

Однажды, по слабости здоровья и по вражескому искушению, я пришла в такое смущение и уныние, что решилась совершенно уйти из обители тихим образом, без благословения: до такой степени трудным и невыносимым показалось мне это послушание. Без сомнения, отец Серафим провидел мое искушение, потому что вдруг прислал мне сказать, чтобы я пришла к нему.

Исполняя его приказание, я отправилась к нему, на третий день Петрова

дня, по окончании трапезы, и всю дорогу проплакала.

Придя к Саровской его келье, я сотворила по обычаю молитву, и старец, сказав «аминь», встретил меня, как отец чадолюбивый, и, взяв за обе руки, ввел в свою келью. Потом сказал: *«Вот, радость моя, я тебя ожидал целый день»*.

Я отвечала ему со слезами: «Батюшка, тебе известно, какое мое послушание; раньше нельзя было; только что я покормила сестер, как в ту же минуту отправилась к тебе и всю дорогу проплакала».

Тогда отец Серафим утер мои слезы своим платком, говоря: *«Матушка, слезы твои недаром капают на пол»*, и потом, подведя к образу Царицы Небесной Умиления, сказал: *«Приложись, матушка; Царица Небесная утешит тебя»*.

Я приложилась к Образу и почувствовала такую радость на душе, что совершенно оживотворилась. После

того отец Серафим сказал: *«Ну, матушка, теперь ты поди на гостиную; а завтра приди в дальнюю пустыньку».* Но я возразила ему: «Батюшка, я боюсь идти одна в дальнюю-то пустыньку».

Отец же Серафим на это сказал: *«Ты, матушка, иди до пустыньки, а сама все на голос читай: Господи помилуй,* — и сам пропел при этом несколько раз: «Господи помилуй», — *а к утрени-то не ходи; но как встанешь, то положи 50 поклонов и поди».*

Я так и сделала, как благословил отец Серафим; встала, положила 50 поклонов и пошла, и во всю дорогу на голос говорила: *«Господи помилуй».* От этого я не только не ощущала никакого страха, но еще чувствовала в сердце величайшую радость, по молитвам отца Серафима.

Подходя к дальней пустыньке, вдруг увидела, что отец Серафим сидит близ своей кельи, на колоде, и подле него стоит ужасной величины медведь. Я так и обмерла от страха, и закричала во

весь голос: *«Батюшка, смерть моя!»* — и упала.

Отец Серафим, услышав мой голос, ударил медведя и махнул ему рукой.

Тогда медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда махнул ему отец Серафим, в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от ужаса, и даже, когда подошел ко мне отец Серафим со словами: *«Не ужасайся и не пугайся»*.— Я продолжала по-прежнему кричать: *«Ой, смерть моя!»*

На это старец отвечал мне: *«Нет, матушка, это не смерть; смерть от тебя далеко; а это радость»*.

И затем он повел меня к той же самой колоде, на которой сидел прежде и на которую, помолившись, посадил меня и сам сел.

Не успели мы сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из густоты леса и, подойдя к отцу Серафиму, лег у ног его.

Я же, находясь вблизи такого страшного зверя, сначала была в величайшем

ужасе и трепете; но потом, видя, что отец Серафим обращается с ним без всякого страха, как с кроткой овечкой, и даже кормит его из своих рук хлебом, который принес с собой в сумке, я начала мало-помалу оживотворяться верой. Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого Отца моего: оно было светло, как у Ангела, и радостно.

Наконец, когда я совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь хлеб, он подал мне остальной кусок, и велел самой покормить медведя.

Но я отвечала: *«Боюсь, батюшка; он и руку-то мне отъест»;* а сама между тем радовалась, думая, если он отъест мне руку, то я не в состоянии буду тогда и стряпать.

Отец же Серафим, посмотрев на меня, улыбнулся и сказал: *«Нет, матушка, веруй, что он не отъест твоей руки».*

Тогда я взяла поданный мне хлеб и скормила его весь с таким утешением,

что желала бы еще кормить его; ибо зверь был кроток и ко мне, грешной, за молитвы отца Серафима.

Видя меня спокойной, отец Серафим сказал мне: «Помнишь ли, матушка, у преподобного Герасима на Иордани лев служил; а убогому Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушают; а ты, матушка, унываешь, а о чем нам унывать? Вот, если бы я взял с собой ножницы, то и остриг бы его в удостоверение. Богом тебя прошу, матушка, не унывай никогда и ни в чем; но всегда подражай смирению преподобной Исидоры. Она в монастыре была в последних у всех; а у Бога первая, и не гнушалась никакого послушания.

Тогда я в простоте сказала: «Батюшка! Что если этого медведя увидят сестры, они умрут от страха!»

Но он отвечал: «Нет, матушка, сестры его не увидят».

— А если кто-нибудь заколет его? — спросила я, — мне жаль его.

Старец отвечал: «Нет и не заколют; кроме тебя, никто его не увидит».

Я еще подумала, как рассказать мне сестрам об этом страшном чуде?

А отец Серафим на мои мысли отвечал: «Нет, матушка, прежде одиннадцати лет после моей смерти, никому не поведай этого; а тогда воля Божия откроет, кому сказать».

Ей же отец Серафим, за неделю до своей кончины, сказал: «Теперь ты видишь меня во плоти; а скоро увидишь в гробу, и скорбь ваша будет всеобщая. Но сила Божия в немощи совершается».

В последствии времени эта старица пришла по какой-то необходимости в келью, где занимался живописью, по благословению отца Серафима, крестьянин Ефим Васильев, известный по своей вере и любви к старцу, и увидя, что он рисовал отца Серафима, вдруг сказала ему: «Тут бы по всему прилично написать Отца-то Серафима с медведем».

Ефим Васильев спросил ее: *«Отчего*

она так думает?» И она рассказала ему первому об этом дивном событии.

Тогда исполнилось ровно одиннадцать лет, заповеданных старцем.

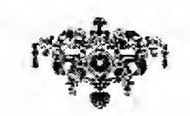
Хотя и многие посторонние видели также отца Серафима с медведем, но за неизвестностью этих лиц невозможно передать их свидетельств, кроме одного, переданного саровским иноком Петром.

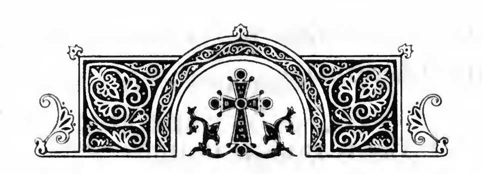
Этот инок, привязанный любовью к отцу Серафиму, пошел однажды в дальнюю пустынь для того, чтобы воспользоваться душеспасительными назиданиями старца, и вдруг, подходя к ней, увидел, что отец Серафим сидит на колоде и кормит стоящего перед ним медведя сухариками, которые брал из своей сумки.

Пораженный этим дивным и страшным явлением, Петр остановился за одним большим деревом и начал просить молитвенно старца, чтобы он избавил его от страха. Тотчас же он увидел, что медведь пошел от старца

в лес противоположной дорогой. Тогда он взял смелость подойти к отцу Серафиму. Старец встретил его с радостным духом и сказал, что если он удостоился видеть близ него этого лесного зверя, то умолчал бы об этом до его успения.

Инок Петр не переставал удивляться чистоте души и вере праведного старца, которому и бессловесные звери повинуются, тогда как нас устрашает один вид их.





Рассказ крестьянина ЛИХАЧЕВСКОГО Е. В.

Крестьянин Лихачевский Е. В., питавший полную веру и любовь к отцу Серафиму, сообщил следующие свидетельства о старце.

— Однажды в 1831 году, — говорит он, — я почувствовал в себе признаки холеры в такой сильной степени, что едва мог доползти до кельи отца Серафима и молить его о помощи. Старец приложил меня к образу Божией Матери Умиления, напоил святой водой и дал съесть несколько частичек просфоры. Когда я немного успокоился, он велел мне обойти кругом монастыря, и потом войти в собор. — *Там,* — он сказал, — *милосердие Божие исцелит тебя.* Я исполнил все это и возвратился,

по милости Божией, в гостиницу совершенно здоровым.

— Я был также свидетелем, — говорит он, — как несколько человек мужчин привели, с величайшими усилиями, к сеням пустынной кельи отца Серафима одну бесноватую женщину, которая во всю дорогу упиралась и наконец упала у крыльца сеней, и, закинувши назад голову, закричала: *«Сожжет, сожжет!»*

Тогда отец Серафим вышел из кельи, и насильно, несмотря на то, что женщина не хотела разжимать рот, влил ей туда несколько капель святой воды.

В ту же минуту я и все мы увидели, что из ее рта вылетело как бы дымное облако.

Когда же старец, вслед за тем, оградил ее крестным знамением и, благословив, сотворил над ней молитву, женщина очувствовалась и начала сама молиться.

Впоследствии я видел ее в соборе

Саровском совершенно здоровой, и спросил: *«Что она теперь чувствует?»* Она отвечала мне: *«Слава Богу! С тех пор я не чувствую прежней болезни»*.

В то же самое время я видел, как отец Серафим одним словом привел в сознание одного крестьянина, который между множеством народа хотел также войти к отцу Серафиму; но всякий раз как будто кем-то был отталкиваем.

Наконец старец сам обратился к нему и строго спросил: *«А ты куда лезешь?»*

В тот же миг крупный пот выступил на лице крестьянина, и он в величайшем страхе начал многим, тут бывшим, раскаиваться так: *«Угадал отец Серафим, вправду я вор, и до сих пор воровал коров и овец; а лезу к такому светильнику»*.

Шел я однажды в пустынь к отцу Серафиму и, подходя к ней, увидел, что с ним сидит какая-то девица, лет шестнадцати, очень хорошо одетая.

Как не опытный в духовной жизни,

я подумал: *«О чем это батюшка с ней так беседует? Какие еще наставления идут ее возрасту?»*

Только что подошел я с этими мыслями к отцу Серафиму, как он ничего не говоря, взял мою руку и, положив на минуту мой палец в свой рот, сказал: *«Вот, видишь ли, у меня и зубов-то во рту нет, и я ко всему мертв; а ты что думаешь?»*

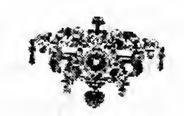
Я упал ему в ноги и покаялся в своей вине. Тогда он отечески простил меня, и, благословивши, сказал: *«Не повторяй более и успокойся».*

Я подрядился однажды поставить шпиль на монастырской башне в Саровской пустыни. Когда все было готово и народ начал молиться внизу, а я с несколькими работниками стоял на кровле башни, чтобы смотреть за работой и правильно поставить шпиль на своем месте, вдруг пришло мне на мысль: зачем не попросил я на это дело молитв и благословения отца Серафи-

ма; тогда бы я знал, наверное, что все кончится благополучно.

Только что я подумал об этом, с крайним раскаянием и сожалением, как тотчас же увидел самого отца Серафима, вышедшего из своей кельи на крыльцо и трижды благословившего меня.

Я ужаснулся такой прозорливости старца.





Рассказ об отце Серафиме И. М. К.

В 1831 году, 18 июля, я и жена моя Ю. П. были в Сарове и в пустыне отца Серафима. Мы нашли старца на работе: он разбивал мотыгой грядку; и когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положивши на мою голову руки, прочитал тропарь Успению Божией Матери: *в рождестве девство сохранила еси.*

Потом он сел на грядку и приказал нам также сесть; но мы невольно встали перед ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении, о нас, грешных, Владычицы Богородицы, и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности.

Эта беседа продолжалась не более часа; но такого часа я не сравню со всей прошедшей моей жизни.

Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую, небесную сладость, Бог весть каким образом туда переливавшуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспомнить без слез умиления и без ощущения живейшей радости во всем моем составе.

До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего; для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен.

Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать Всемогущество Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство.

Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожными словами, Правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими

мыслями, и эти ругательные мысли, о которых доныне я не могу вспомнить без особенного ужаса, целые три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви, и более всего когда я молился Царице Небесной.

Уже я думал в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за мои богохуления. Но отец Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказавши со свойственной ему неизъяснимо-радостной улыбкой: *«Чтобы я не боялся этого шума мысленного; что это — действие врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал свою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли»*.

С тех пор действительно этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать и, менее, чем в месяц, совершенно прекратился.

В заключение своей беседы старец

дал нам одно приказание, вроде заповеди для жизни супружеской, и с Ангельской улыбкой сказал: *«Если вы этого не исполните, то ты или она скоро умрете».*

На другой день, после Литургии, мы были еще раз в келье отца Серафима, и он, напоивши нас святой водой, дал по три сухарика и благословил в путь.

Все это было года за полтора до его кончины; и в продолжении этого времени мы, по приезде домой, соблюдали, с помощью Божией, заповедь старческую; но потом мало-помалу стали позабывать ее и несколько раз преступили.

После этого внезапно я сделался болен расслаблением всех членов, и чем-то вроде сильной горячки; так что через две недели после того, как я слег в постель, я лишился голоса, губы мои помертвели, и я был совершенно безнадежен.

В тот самый день, когда уже смерть готова была взять свою жертву, утром

приходит ко мне лечивший меня здешний подлекарь Д. А. В. и рассказывает окружавшим меня свой сон; ему представилось, что он шел ко мне, и вдруг попался ему навстречу седой старичок, в лаптях и в рубище, который остановил его и сказал: *«Ты идешь лечить его? Ты его не вылечишь, и он должен умереть; но ты скажи ему, чтобы он дал перед Богом какой-нибудь обет, и тогда он останется в живых».*

Я, по милости Божией, слышал этот рассказ подлекаря и, по уходе его, стал размышлять о слышанном.

Я тотчас понял, что этот старичок был не кто иной, как отец Серафим, хотя уже скончавшийся, и что моя настоящая болезнь была следствие нарушения его заповеди.

Тогда я начал горько раскаиваться в своем проступке и дал обет Богу, что если останусь в живых, то возьму под свой покров одну из своих родственниц сироту девицу Надежду.

Только что я сделал в душе своей

этот обет, как почувствовал мгновенное облегчение болезни, через несколько минут сел сам собою на постели, и потом начал звать жену обыкновенным голосом здорового человека, и вместе с ней изливал перед Господом радостные слезы о чуде, совершенном отцом Серафимом. На другой же день я стал ходить по комнатам и совершенно выздоровел.

Тот же Кр. рассказывает о своей родственнице, живущей в Нижнем Новгороде, В. И. Бр. Она вышла замуж за вдовца, у которого от первой его жены было двое детей; и была в этом браке так несчастна, что ее родственники пожелали наконец, чтобы она оставила своего мужа.

Но прежде начатия дела, она съездила посоветоваться к отцу Серафиму, и старец отвечал так: *«Скажите ей, чтобы она никак не оставляла своего мужа; об этом просит ее грешный монах Серафим, все терпимые ею неприятности скоро кончатся».*

Действительно, не более, как через полгода муж ее умер, и она при помощи Божией пристроила своих сирот в казенные заведения для обучения.





Рассказ старицы Марии ИКОННИКОВОЙ

Старица Мария Иконникова, томская мещанка, мне рассказывала следующее:

— Вот, я, великая грешница, много по свету постранствовала, но без всякой душевной пользы.

Раз пять была я в Киеве; ходила и в другие российские монастыри и к святым Мощам; была в Сарове у батюшки Серафима и в Иркутске у святителя Иннокентия.

Много слышала я доброго про старца Даниила; и вот, по пути из Иркутска, бывши в городе Ачинске, зашла повидать и старца Даниила и принять от него благословение на будущее странствие.

Он же, мой батюшка, встретил меня

еще на пути, не допустив до кельи своей, взглянул на меня с самым гневным и сердитым видом, и громким голосом упрекнул меня: «Что ты, пустая странница, пришла ко мне? Я давно тебя ожидал; вот будешь меня помнить!»

А сам палкой грозил на меня. Я вся от страха затрепетала, чуть не упала на землю; язык оцепенел, и не могу ни бежать, ни слова сказать, ибо знаю свою вину.

Он же начал говорить следующее: «Зачем ты бродишь по свету да обманываешь Бога и людей. Тебе дают деньги в Киев на свечи и на молебны: а ты их тратишь на свои прихоти. Много станций ехала на подводах, нанимала, тратя данные Богу деньги. А в таком-то месте пила вино и столько-то его купила; а в таком-то месте пустое празднословила».

И так он, мой батюшка, рассказал мне то, что я уже и сама позабыла; как будто со мной ходил он и записывал дела мои.

А я стою ни жива ни мертва; он же еще сказал: «Теперь уже полно тебе ходить по свету; уступай и живи в Томске; питайся от своего рукоделия, вяжи чулки; а когда устареешь, тогда для пропитания собирай милостынь; да слушай же, больше не ходи по России».

Потом пошел он в свою келью; а я поклонилась и пошла, не сказав ему ни слова.

Придя в Томск, я отложила попечение о странствовании и начала жить дома и заниматься рукоделием. По прошествии полгода мои сродники и знакомые молодые люди начали собираться в Киев на поклонение и стали звать меня с собой, чтобы их проводить до Киева, потому что дорога мне знакомая.

Я долгое время сначала не соглашалась, потому что старец Даниил мне ходить благословения не дал. Но наконец, по усиленной просьбе, согласилась, и отправились мы в путь.

Пройдя три тысячи с половиной

верст, пришли мы в Саровскую пустынь, сначала в гостиницу, а потом к батюшке Серафиму, принять на путь благословение.

Он же моих спутников принял ласково и всех благословил, и дал сухариков на дорогу, а меня, грешную, не благословил и даже прогнал, ни слова со мной не сказав.

Вот, прожили мы с неделю, ежедневно мои спутники к нему ходят, и он наставлял их душеспасительными словами, а меня и на глаза не принимал, сколько я к нему не приходила.

Наконец, мои спутники начали собираться в путь, и только дело за мной. Поэтому я решилась его беспокоить и, придя к его келье, закричала со слезами: «Батюшка Серафим, благослови меня в путь; товарищи мои хотят идти!»

Выйдя из кельи, он сурово на меня взглянул и громко сказал: «Нет, нет тебе благословения! Зачем ты пошла по России? Ведь тебе брат Даниил не

велел больше ходить по России! Теперь же ступай назад домой!»

Я ему сказала: «Батюшка, благослови меня сходить в последний раз, больше уже ходить не буду».

Он же громко отвечал: «Я тебе сказал: ступай назад, а вперед идти нет тебе благословения!»

Я ему еще сказала: «Батюшка, как же пойду назад одна; такой дальний путь, а денег у меня ни копейки?»

Он же отвечал: «Ступай, ступай обратно; и без денег довезут на лошадях до самого Томска».

После этого благословил меня и дал мне один сухарик; а сам затворил дверь.

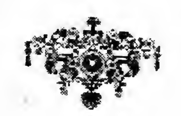
Я пришла в гостиницу, да поплакала, и простилась со спутниками: они пошли в Киев, а я в Нижний Новгород.

Там нашлись мне попутчики, наши томские купцы, и довезли меня до самого Томска.

Вот и исполнились слова батюшки Серафима! Так далеко видят и слышат

один другого рыбы Божии, — за четыре тысячи верст!

А я, по слову старца Даниила, собираю милостыню. Но тогда, когда он говорил это, я того не предвидела, потому что имела детей богатых, а теперь давно уже всех похоронила.





Беседа старца Серафима с Н. А. МОТОВИЛОВЫМ о цели христианской жизни

1

Однажды, это было в Саровской пустыни, вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной общины Дивеевской (при Дивеевской общине в начале ее существования отец Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от

своих трудов. От этой мельницы получила название «мельничной» та часть обители, в которую, по завету старца, должны были приниматься одни лишь девицы). О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия.

Эта сестра сказала мне:

— Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну, так, — сказала она, — иди к батюшке — он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какою неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной служ-

бы, я немедленно побежал к нему, в келью его.

Батюшка отец Серафим встретил меня в самих дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше Боголюбие! И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь!

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте!

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие! На самую верхнюю ступеньку садиться изволите. — И, усадив меня, прибавил: — Ну

вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Мантурова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой ближайшей ко входу в сени сей кельи келейник отца Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, отец Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен, Нифонт — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святыню, но лишь для одного только батюшки отца Серафима, о коем думаю, и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божиего порядочно сами не знаете. Простите меня — я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же отца Павла, что батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаж-

дут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его».

Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась, и батюшка отец Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие, не взыщите! Вот, сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью!

В келье этой своей монастырской он

пробеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, Саровским гостинником, на другой день после ранней обедни ехать к нему в ближнюю пустыньку.

2

Целую ночь проговорили мы с отцом Гурием про отца Серафима, целую ночь почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке отцу Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши; и целый день до поздней ночи не пивши и не евши пробыли у дверей этой ближней его пустыньки.

Тысячи народа приходили к великому старцу, и все отходили, не получив его благословения, а, постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами

ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки отца Серафима: в том числе, как сейчас помню, была жена Балахнинского казначея, из уездного города Нижегородской губернии Балахны, и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дождаться отворения дверей великого старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам отец Гурий, вечеру уже позднему наставшу, очень смутился и сказал мне:

— Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы.

Надобно знать девственный Саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы оценить естественный страх отца Гурия.

Но я сказал:

— Нет, батюшка отец Гурий, по-

езжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки Серафима, хоть бы мне и голодною смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей кельи!

И батюшка отец Серафим весьма немного погодя действительно отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолвствую; а вот завтра — милости просим, я рад буду с вами побеседовать. Но уж не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так — после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйте с отцом Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли...

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал отцу Гурию:

— Так, друг, так-то радость моя, завтра с господином-то пожалуйте ко мне на ближайшую мою пажнинку — там меня обрящете; а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами батюшка опять затворился. Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец да сподобился однакоже не только узреть лицо отца Серафима, но и слышать привет его Богодухновенных словес, так утешила меня! Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием неизобразимой, и, несмотря на то, что я целый день не пил и не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может

быть для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоение, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божиего, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто мне даст глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?!

3

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на

ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я действительно ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал отец Серафим, — не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди

Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим (батюшка произносил свое имя, как все куряне — жители Курска — не Серафим, а «Серахвим»), растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божиего.

Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божиего.

Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа.

Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «Во всяком языце бояйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть». И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли во Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра, и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой».

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия.

Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Пришедшего в мир грешныя спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал евреям: «Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради

Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущаго века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие! Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божиего.

— Как же стяжание? — спросил я ба-

тюшку Серафима. — Я что-то не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею — и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние

лукави суть», то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: «Шедши, купите на торжищи». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они, хоть и юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель как состояние равноангельское и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божиего недоста-

вало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы де добродетель, и тем де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божиего, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово». Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая воля Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая собственная своя, человеческая,

то есть если не пагубная, то и не спасительная, и третья бесовская — вполне пагубная».

И вот эта-то третья, вражеская, воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа.

Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую.

Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно builtin оцениться не могущего.

Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За это-то они и названы юродивыми,

что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим единством священнотайне».

Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божьему всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: «Вселюся в них и похожду, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои».

Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками

могли дождаться и Жениха, пришедшего в полунощи войти с Ним в чертог радости.

Юродивые же, видев, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены.

Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного затворенные и недопустившие к Жениху — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны как скоты и звери — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку!»... разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью.

О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием! «В чем застану, в том и сужду», — говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечением и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет!

Вот почему сказано: «Бдите и молитеся, да не внидите в напасть», то есть да не лишитеся Духа Божия, ибо бдение и молитва приносит нам благодать Его.

Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда

в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно.

А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику.

Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Писания: ког-

да по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!»... — и воскресил его Господь.

Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять.

Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго! Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздусе, Грядущего со славою и силою многою судити

живым и мертвым и воздати комуждо по делом его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякий благостыни и небесныя, и земныя?! А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать удостаиваемся.

Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати.

И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам во еже спасти нас, уповающих на Него

и призывающих Имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью сретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия.

Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хотя бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости, де, просим, пожалуйте, дескать, ко мне! То я поневоле должен был бы сказать: что это он? Из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли, то есть явлюсь и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими

рабами Моими — с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но, когда, при всемогущей силе веры и молитвы, соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит; а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа, и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до

явления Божиего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь, поядаяй все нечистое», и в общение с Ним не может войти никтоже от скверн плоти и духа.

4

— Ну а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

— Стяжевайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благости Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сто на один рубль духовный,

но даже еще и того в бесчисленное число раз больше.

Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божиего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите, и, таким образом, о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать.

Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитися», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес

рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк, глаголяй Ми, Господи, Господи! Спасется, но творяй волю Отца Моего», то есть делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо «проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: «Да веруете в Бога и Егоже послал есть Иисуса Христа». Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот присно-неоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе ли Божием вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божием, то благословен

Бог, не о чем горевать, хоть сейчас на Страшный Суд Христов! Ибо «в чем застану, в том и сужду».

Если же нет — то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то, батюшка! Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возжженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя

своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия?! Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаритянам: «Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет вовеки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

5

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго как о цели христианской жизни; но как же и где я могу

ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно-христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящаго в рай» или когда читаем у Апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам. Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неуже-

ли люди так очевидно могли видеть Бога?»

А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрех моих?» то есть как, де, я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих.

Таким точно образом говорится и про Авраама, и про Иакова, что

они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столб облачный и огненный, или что то же — явная благодать Духа Святаго, — служили путеводителями народу Божию в пустыне.

Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве.

Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущим и жаждущим правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится: «Вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданнаго и созданнаго Им от персти земной» — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой Апостол Павел утверждает: «Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям.

Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лицо его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святаго, от

Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя неимущим.

Когда же вдунул Господь Бог в лицо Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того неподлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастех своих, ни воздух не

мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лицо Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божиему, дарованному ей при ее сотворении.

Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в рай, и постигать глаголы Его и беседу

святых Ангелов и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно.

Такую же премудрость, и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в раю, насажденном Им посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бес-

смертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного. Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа, Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа Божиего вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки его пребывания в мире были известны роду человеческому.

Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого.

И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам видел Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божиего или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Бо-

жественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями.

Не с такою силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божиего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей.

Таковы, например, были девственницы пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца Вселенной и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и в тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть, по самому этому Боголюбезному ее исканию, не непричастными Духу Божиему, ибо сказано: «Языки неведущие Бога естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так

ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир. Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания не было бы людям ни о чем возможности узнать в точности, пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод

семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, прожив по благодати Всесвятого Духа Божиего триста лет, потом, на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он

и есть обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то, по воскресении Своем, дунул на Апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божиего. Но мало сего — ведь говорил же Он им: «Уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то поедет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать.

И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Свя-

таго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемуждо из них седших и вошедших в них, и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ея силе и действиям. И вот эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем верным Христовым в Таинстве Святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных Святою Церковью, местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: «Печать Дара Духа Святаго». А на что, батюшка ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская

эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что, де, он будет годен и что, де, он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить. И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то во веки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими.

Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а, напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божиего и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми.

Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянных грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устрояющего.

Слово Божие недаром говорит: «Внутрь вас есть Царствие Божие и нуждно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть — те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи, прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связей, нудятся расторгнуть узы их,

такие люди являются потом действительно пред лице Божие паче снега убеленными Его благодатью. «Приидите, — говорит Господь, — и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их». Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, то есть одеждах оправдания и «финицы в руках их» как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуйя». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей», — испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Тайн Плоти и Крови Агнца непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланнаго Его собственною волею за спасение мира, присно и доныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное

и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечного во ответ благоприятен на Страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе Денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

6

Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей.

Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наша и управляя стопы наша на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, строптотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки»: имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душев-

но от какого-либо греха, то не умрет во веки, но будет воскрешен благодатью Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «В Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено: «И свет во тьме светится и тьма Его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва Отче! Не до конца прогневайся на нераскаянность эту!» а потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеж-

дой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатью Божиею и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ея действие в людях, ею просвещенных.

Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так Богоотец Давид сказал: «Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть — благодать Духа Святаго, выражающаяся в Законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во

тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих?

И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его.

Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом.

Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и «быша ризы Его, блещущия яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати,

ослеплявшей глаза учеников, «облак», сказано, «осени их». И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ея.

7

— Каким же образом, — спросил я батюшку отца Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто! — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся простота суть обретающим разум...» Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хощет всем спастися и в разум истины прий-

ти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?»... Опять же про этот разум в Евангелии говорится про Апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и Апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и, проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «Изволися Духу Святому и нам», и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную на пользу всем верным — так святые Апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божиего...

Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему

я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыплятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголю-

бие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи! Удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как

мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... — Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас.

Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажень кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца.

Возможно ли представить себе то

положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка отец Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победит мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир», по слову апостольскому, «всяк ум преимущий». Таким его назы-

вает Апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим...

Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как буд-

то тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может...

— Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «Жена егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она нич-

тожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего Апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилотеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...» Вот

тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений...

— Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя

опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете?

— Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему!.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять ко Господу: «Теп-

лотою Духа Святаго согрей мя!» Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое Апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных земныя премудрости остовах, но в явлении

силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе...» Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!..

— Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему, — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человечес-

ком может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что, по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к Отечеству Небесному. На это опираясь, святой Апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через Апостолов носить тяготы

друг друга и тем исполнить Закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству Небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы̀ спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему пло-

ды — ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему один вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое».

Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть его благостыню во всей ея полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не

для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «Вся возможна верующему», а батюшка святой Апостол Павел велегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруяй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет.

Доселе не просисте ничесоже во Имя Мое, ныне же просите и приимете...» Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе».

Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились.

Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во

всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя.

Однако опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

Из воспоминаний Елены Ивановны МОТОВИЛОВОЙ о преподобном Серафиме

1910 года в ночь на 27 декабря скончалась 88-ми лет Елена Ивановна Мотовилова, жившая после смерти мужа своего, известного своей близостью к преподобному Серафиму, Николая Александровича Мотовилова, в Серафимо-Дивеевском монастыре.

Елена Ивановна была та самая, о которой преподобный Серафим сказал пришедшему к нему Н. А. Мотовилову: «Вашей Богом нареченной невесте теперь восемь лет и четыре месяца, и я скажу Вам по Бозе, что она как ангел и телом, и душой» (см. об этом в книге С. Нилуса «Великое в малом»).

Елена Ивановна, эта любимица преподобного Серафима, имела удивительно

ясный ум и светлую память; она вся была полна духовной любовью к преподобному Серафиму; она обладала стойкой верой и прямым характером и никогда не стеснялась сказать правду в лицо.

Когда однажды некоторые духовные лица, придя к ней в гости, начали вести разговор о каких-то своих денежных счетах, Елена Ивановна,— на вопрос бывшей тут же игуменьи Марии, которая плохо слышала разговор: «О чем они говорят?», громко ответила: «Доходы считают, матушка игуменья,— у кого больше!»

Елена Ивановна также говорила: «Скорби надо принимать как конфекты и благодарить за них Господа, посылающего их не напрасно». В бытность мою в Дивееве в 1906 году ночью у Елены Ивановны украли очень большую сумму денег, которые незадолго перед тем она получила и держала их не в запертом каком-либо помещении, а просто в мешочке, под кроватью.

Узнав о покраже, я утром пошел навестить Елену Ивановну и в разговоре с ней совершенно не видал, что она была расстроена. «Бог дал, Бог и взял: да будет имя Его благословенно вовек», — сказала она.

Елена Ивановна всегда стойко отстаивала чистоту Православия и нерушимость Апостольских преданий и глубоко возмущалась всеми толками о желательных якобы нововведениях и изменениях в Уставах нашей Православной церкви. Лицам духовным она прямо говорила, что они не должны быть малодушными и молчать, а должны открыто и прямо говорить правду тогда, когда дело касается Православной церкви. «Апостольские предания ненарушимы, — говорила она. — Уставы церковные и уставы монастырей установлены великими святителями и духоносными отцами, и гнев Божий откроется на всех, дерзнувших внести в них изменения, как это и отцу Серафиму было открыто».

В последние пять лет жизни Елены Ивановны, я многократно бывал у нее и подолгу разговаривал с ней. В этих разговорах, всегда носивших духовный характер, она особенно много и часто вспоминала о преподобном Серафиме, к которому имела великую духовную любовь. Чтобы не забыть, я всегда потом записывал эти воспоминания и вот некоторыми из них — преимущественно теми, которые до сих пор неизвестны еще в печати, я и хочу поделиться с читателями.

«С покойной теткой моей, Прасковьей Семеновной, — говорила Елена Ивановна, — и с сестрами обители я бывала у батюшки Серафима в течение каждого месяца несколько раз. Тогда же, когда сестры даже не брали меня с собой, например, зимой, батюшка говорил им: «Приведите в следующий раз малютку с собой».

Вид отца Серафима был всегда ра-

достный, улыбающийся, глаза круглые, небесного цвета, голубые, на лице румянец, волосы рыжеватые, но не седые, рост средний, согбенный. Говорил всем не иначе, как: «Радость моя! Сокровище мое!» При этом даже выпрямлялся, согбенность была небольшая.

Каждый раз, встречая нас, он падал нам в ноги, это необыкновенное смирение отца Серафима вызывало у сестер слезы и заставляло и их кланяться ему до земли. Однако он не поднимался до тех пор, пока мы не вставали первыми.

Однажды, не найдя его в монастырской келье, мы пошли к нему в ближнюю пустынь. Побеседовав с сестрами обители, отец Серафим велел нам идти обратно в монастырь, а сам пошел сзади нас. По дороге я часто оглядывалась и видела, что отец Серафим, пройдя шагов десять, останавливался, клал три поклона в сторону Сарова и шел дальше. Так прошел он всю дорогу до монастыря (две с половиной версты),

и таковы были его тайные пустынные подвиги.

Часто с нами ходила другая маленькая девочка (впоследствии монахиня Еванфия), отец Серафим приказывал нам кланяться одна другой и целоваться. Действительно, мы всю жизнь были чрезвычайно дружны.

Когда батюшка Серафим имел длинный разговор с теткой и сестрами, мне делалось скучно, и он приказывал мне собирать бруснику, которой было много вокруг кельи. Один раз, он, прервав разговор с теткой, сказал: «Малютка-то соскучилась», и дал мне небольшой мешок с лесными орехами, говоря: «Ты не смей грызть их зубами, а придешь в Дивеево, знаешь, там у вас есть куча камней, в ней есть выдолбленный камень ямкой, ты найди его. В ямку клади орех, а другим камнем и разобьешь». Придя в Дивеево, я действительно нашла такой камень. *

* Нужно заметить, что преподобный Серафим в последние годы своей жизни в Дивееве не бывал.

Когда было открытие мощей святого Митрофана, к отцу Серафиму принесли много маленьких икон этого святого. Приходившим сестрам батюшка давал всем по иконке святого Митрофана, а мне дал крестик. Придя в Дивеево, я все думала: почему он мне не дал иконку? Через день батюшка с одной из сестер, бывшей у него, приказал, чтобы тетка привела меня к нему. Когда мы пришли, он взял тарелочку с иконами и стал пересыпать их рукой,— при этом взглянет на меня и улыбнется, взглянет и опять улыбнется; наконец, взяв икону святого Митрофана, благословляя, отдал мне и отпустил домой.

Раз Прасковья Семеновна отправилась к батюшке в ближнюю пустынь. Не найдя его, она стала искать его в окружности. День был солнечный. Вдруг видит она, что в кустах на пригорке что-то шевелится. Подойдя поближе, она увидала нечто, похожее на теленка, и подумала: откуда же забрел в лес теленок? Но к ее удивлению, это

оказался отец Серафим, который надел на себя старую кожаную порыжевшую полумантию. Необычно для старца быстро подойдя к Прасковье Семеновне, он первый и поспешно заговорил, начав так: «Что ты, матушка? Откуда здесь теленку взяться? Господь с тобой!»

Когда отец Серафим приказал сестрам рыть канавку в Дивееве *, то Елена Ивановна также принимала участие в этом деле и носила землю.

Прасковья Семеновна раз застала отца Серафима плачущим. «Господь открыл мне, — сказал он, — что будет время, когда архиереи земли русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения Православия во всей его чистоте, и за то гнев Божий поразит их». «Три дня стоял я, просил Господа помиловать их и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Не-

* Об этой канавке и предсказаниях преподобного Серафима относительно ее см. в летописи Дивеева монастыря, арх. Леонида (Чичагова).

бесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо будут учить «учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня». «Это же,— говорила Елена Ивановна,— отец Серафим передавал и другим сестрам обители, говорил и будущему мужу моему, Н. А. Мотовилову».

Незадолго до смерти отца Серафима, его, как известно, посетил Высокопреосвященный Арсений Тамбовский и вот по какой причине. На отца Серафима много клеветали и нападали за то, что он занимается устройством Дивеева. Преосвященный Арсений, желая проверить это, приехал в Саров и спрашивал игумена Нифонта. Игумен Нифонт предложил преосвященному отправить посланного к отцу Серафиму в его ближнюю пустыньку с тем, чтобы отец Серафим сам пришел к преосвященному. Отец Серафим был уже очень слаб. Когда посланный явился к нему,

то застал его лежащим в гробу. Отец Серафим сказал: «Скажите преосвященному: не могу идти, лежу во гробе, язвами уязвлен». Игумен Нифонт послал за ним второй раз. Отец Серафим сказал: «Скажите преосвященному, что не Лазарь ко Христу пришел, а Христос к Лазарю». Услыхав этот ответ, преосвященный Арсений воскликнул: «Ах, Нифонт, Нифонт! Погрешил я с тобой против великого старца!» И сам отправился к отцу Серафиму в пустынь.

Помнила также Елена Ивановна, как батюшка отец Серафим часто говорил сестрам: «Мы любим, ублажаем святых, а подражать им не хотим».

Также говорил отец Серафим всем: «Не то будет диво, когда мои кости поднимутся, а то будет диво, когда убогий Серафим плоть свою перенесет в Дивеево».

Последнее предсказание известно всем в Дивееве.

Тетке Елены Ивановны, Прасковье

Семеновне, отец Серафим сказал, что Елену Ивановну посетит царь. И действительно это исполнилось в 1903-м году, когда Его Императорское Величество, Государь Император Николай Александрович со всей Августейшей семьей своей, во время пребывания своего в Сарове при открытии мощей преподобного Серафима, неожиданно посетил Елену Ивановну и беседовал с ней. Об этом посещении Елена Ивановна каждый раз вспоминала со слезами, говоря: «Какая чудная семья Государя! Святая семья!»

Когда батюшка отец Серафим скончался, тело его семь дней стояло в Успенском соборе, а потом для отпевания перенесено было в теплый собор. «Народу было, — говорила Елена Ивановна, — пушкою не прошибешь. Игумен Нифонт и весь народ плакали. И я была и на отпевании, и на погребении, — говорила Елена Ивановна, — меня же, единственную, оставшуюся в живых, Господь удостоил быть в соборе при

открытии и святых мощей преподобного Серафима».

Вспоминая про отца Серафима, Елена Ивановна говорила всегда: «Это — дивный, необыкновенный угодник Божий! Пророк Божий!»

По смерти отца Серафима камень, на котором он молился, желали перевести и в Саров, и в Дивеев; но не могли ни поднять его, ни даже разбить. Камень был очень велик! Во сне отец Серафим явился Н. А. Мотовилову и велел разложить костер на камне и, когда от жары он лопнет, перевести, куда хотели. Так и было сделано.

Первое чудо от камня было вот как: Н. А. Мотовилов всегда имел часть камня в кармане сюртука. Однажды он приехал в Воронеж и, как всегда, остановился у любившего его архиепископа Воронежского Антония. В Воронеж приехала в это время одна больная за помощью в своей болезни к мощам святителя Митрофана. В эту же ночь святитель Митрофан явился преосвя-

щенному Антонию и сказал: «У тебя остановился Мотовилов: у него есть камень, на котором молился отец Серафим. Пусть ищут помощи от отца Серафима. Он велик пред Богом. Прикажи освятить воду на камне и дать больной». Наутро Антоний, до сих пор не знавший ничего о камне отца Серафима, позвал и спросил Николая Александровича: «Какой у вас есть камень?» Мотовилов сейчас вынул его из кармана и подал преосвященному Антонию. Когда больная выпила воду с камня, она выздоровела совершенно.

Н. А. Мотовилову игумен Нифонт отдал Евангелие отца Серафима. Однажды Николай Александрович заболел сильнейшей лихорадкой; дня два был болен; изнемог. Наконец встал с большим усилием, подошел к столу, на котором лежало Евангелие и, едва держась на ногах, все же стоя, начал читать Евангелие *от Иоанна* с самого начала и прочел всего евангелиста до конца, и, как только кончил, лихорадка оставила его.

Когда Елена Ивановна была уже замужем за Николаем Александровичем, в доме у них висел портрет отца Серафима. Николай Александрович, имея горячую любовь к отцу Серафиму, передавал часто вслух свои о нем воспоминания. В доме у них жила немка — гувернантка детей. Однажды ей наскучило слушать рассказы Николая Александровича, она не вытерпела и воскликнув: «Ах, Николай Александрович, все у вас Серафим, да Серафим!», ушла к себе наверх, в комнату. Елена Ивановна сейчас же встала, чтобы идти ее успокоить, как та бежит обратно в слезах и говорит: «Простите меня, Николай Александрович, теперь не буду больше так говорить про Серафима. Я сейчас шла мимо его портрета, как он строго посмотрел на меня и погрозил пальцем».

Между многими другими воспоминаниями из своей жизни Елена Ивановна рассказала мне об известном в то время старце Антонии Муромском, сле-

пом, достигшем большого совершенства в духовной жизни. «Однажды мы были в нашем дивеевском доме,— говорила Елена Ивановна,— и я сильно захворала (у меня была грудница). Николай Александрович решился ехать в Ардатов показать меня доктору. Мы поехали. Въехав в город и проезжая мимо дома одной знакомой барыни, мы увидали ее в окно. Она просила нас зайти, говоря, что у нее находится старец Антоний из Мурома, о котором мы много слышали. Когда мы взошли, то нашли его лежащим (он был слепой); он начал говорить много с Николаем Александровичем. Во время разговора я, видя, что у него на руке надет чулок, подумала: для чего он его надел? Как вдруг, отвечая на мою мысль, он сказал: «Это, матушка, я надел потому, что у меня рука болит». Беседа его с Николаем Александровичем была очень продолжительная, и стало уж смеркаться. Николай Александрович и я стали собираться домой. Вдруг

старец Антоний поднялся, взял свою тяжелую *железную* шапку, которую носил много лет, и этой шапкой три раза перекрестил мне грудь со словами: «Коснись благодать Божия рабы Божией Елены», и так сильно зацепил мне за больную грудь, что у меня, как говорится, искры посыпались из глаз. Распростившись мы сели в повозку, и Николай Александрович велел ехать обратно домой, говоря, что теперь уже поздно, а завтра поедем пораньше к доктору. Приехав домой, я хотела было перевязать больную грудь, но, к моему удивлению и всех домашних, я не нашла и следов болезни.

Из приведенных воспоминаний Елены Ивановны о преподобном Серафиме мы видим, что он имел особенную духовную любовь к ней при своей жизни и тогда еще, когда она была ребенком; мог ли он прекратить духовное общение с ней из обителей небесных тогда, когда она достигла уже глубокой старости?

Вот случай, бывший за две недели до смерти Елены Ивановны.

Ровно за две недели до ее смерти проездом из Москвы ее посетил по моему поручению саровский монах отец Иаков. Он имел с ней долгую беседу, и разговор ее произвел на отца Иакова глубокое впечатление. «Она вся жила воспоминаниями о преподобном Серафиме», — говорил отец Иаков.

«Много лет у меня, — продолжал свой рассказ об этом посещении Елены Ивановны отец Иаков, — было желание иметь камушек от того камня, на котором молился преподобный Серафим; но я никому не говорил об этом».

«Во время разговора с Еленой Ивановной эта мысль мелькнула у меня, но я не смел высказать Елене Ивановне своей просьбы».

«Наконец она видимо утомилась и, простившись со мной, пошла в спальню и легла отдохнуть *, я же стал одеваться,

* В спальне Елены Ивановны находился очень большой портрет отца Серафима — во весь рост.

чтобы уходить, и думал: «Видно, я недостоин получить камень», и пошел было к дверям. Вдруг я слышу голос Елены Ивановны: «Батюшка саровский! Постойте, не уходите, идите-ка сюда! Я было легла, а отец Серафим сейчас мне сказал: «Встань и дай отцу Иакову *шесть камней*». И вот я вам их даю по приказанию самого батюшки Серафима».

«Можете себе представить,— говорил отец Иаков,— в каком я был состоянии!..»

Из этого мы можем сделать заключение, что любовь отца Серафима сопровождала Елену Ивановну всю жизнь ее совершенно так же, как и мужа ее, Николая Александровича. И смерть обоих их была тихая, мирная, как сон. Да это не смерть, а сон.

Н. Потапов



Молитвы преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу

Молитва первая

О пречудный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощниче! Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отъиде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих. К сим же и дар исцелений, дар прозрения, дар немощных душ врачевания обилен в тебе явися. Егда же призва тя Бог от земных трудов к небесному упокоению, николиже любовь твоя преста от нас, и невозможно есть исчислити чудеса твоя, умножившаяся, яко звезды небесныя: се бо по всем концем земли нашея людем Божиим

являешися и даруеши им исцеления. Темже и мы вопием ти: о претихий и кроткий угодниче Божий, дерзновенный к Нему молитвенниче, николиже призывающий тя отреваяй, вознеси о нас благомощную твою молитву ко Господу Сил, да дарует нам вся благопотребная в жизни сей и вся к душевному спасению полезная, да оградит нас от падений греховных и истинному покаянию научит нас, во еже безпреткновенно внити нам в вечное Небесное Царство, идеже ты ныне в незаходимей сияеши славе, и тамо воспевати со всеми святыми Живоначальную Троицу до скончания века. Аминь.

Молитва вторая

О, великий угодниче Божий, преподобие и богоносне отче наш Серафиме! Призри от Горния славы на нас, смиренных и немощных, обремененных грехми многими, твоея помощи и утешения просящих. Приникни к нам благо-

сердием твоим и помози нам заповеди Господни непорочно сохраняти, веру православную крепко содержати, покаяние во гресех наших усердно Богу приносити, во благочестии христианстем благодатно преуспевати и достойны быти твоего о нас молитвеннаго к Богу предстательства. Ей, святче Божий, услыши нас, молящихся тебе с верою и любовию, и не презри нас, требующих твоего заступления; ныне и в час кончины нашея помози нам и заступи нас молитвами твоими от злобных наветов диавольских, да не обладает нами тех сила, но да сподобимся помощию твоею наследовати блаженство обители райския. На тя бо упование наше ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам воистинну ко спасению путевождь и приведи нас к невечернему свету Жизни Вечныя богоприятным предстательством твоим у Престола Пресвятыя Троицы, да славим и поем со всеми святыми достопоклоняемое Имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.



Лицензия ЛР № 063930 от 09.03.95 г.
Формат 70×90¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 20 000 экз.

**Издательский дом «Новая книга»
125047, Москва, 1-я Тверская-Ямская, 18
Телефон: (095) 362-46-69**

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства «Пресса».
Заказ № 2972








СЕРАФИМ САРОВСКИЙ